

8985
к

Иван Шухов

ОБЛИК ДНЯ

ИСК

АЛМА-АТА · 1950

Иван Шухов

ОБЛИК ДНЯ

1957

8985
мил. год.

СРЕД. АЗИЯ, КАЗАХСТАН
ОБЛ. АЛМАТЫ
ГОС. Б. Б. ЗАКЛАДКА № 1

Казахское Государственное Издательство
Художественной Литературы
Алма-ата . 1950

«Только тогда,... когда под промышленность, сельское хозяйство и транспорт будет подведена техническая база современной крупной промышленности, только тогда мы победим окончательно... и если Россия покроется густою сетью электрических станций и мощных технических оборудований, то наше коммунистическое хозяйственное строительство станет образцом для грядущей социалистической Европы и Азии».

*В. И. Ленин, Из речи на VIII
Всероссийском съезде Советов
22 декабря 1920 г.*

ОТ АВТОРА

В этой книге собраны очерки о людях послевоенной сталинской пятилетки — творцах и новаторах в промышленности, сельском хозяйстве — и о культурной жизни Казахской ССР.

Имена многих живых героев этих документальных повествований широко известны сейчас и за пределами нашей республики. В этих очерках, написанных мною за последнее время, я пытался в меру своих сил и возможностей рассказать о трудовых подвигах передовых людей нашего времени, какими являются, например, вожак пятисотников железнодорожного транспорта, депутат Верховного Совета СССР, лауреат Сталинской премии Мухтар Каптагаев; или мировая рекордсменка по выращиванию свеклы, ныне тоже удостоенная высокого звания лауреата Сталинской премии, казахстанская колхозница Ольга Гонаженко; или первый казахский сталевар Алтынбек Дарибаев.

Но наряду с этими, широко известными именами знатных людей республики, в книге посвящено немало страниц рядовым советским людям — активным строителям коммунизма.

Я рассматриваю эту книгу как подготовительную работу к своему новому художественному произведению о людях сегодняшнего Казахстана и как мое скромное посвящение XXX-летию родной мне республики.

Автор

Март 1950 г.
г. Алма-Ата

ДОРОГА ПОБЕДИТЕЛЕЙ

I

азахстан!

Страна неприступных горных вершин и дремучих таежных дебрей. Царство безмолвных шафранных пустынь и безбрежных ковыльных просторов. Золотое дно плодороднейших черноземных равнин Севера и мир залитых теплом и светом хлопковых и рисовых плантаций Юга.

Зоны среднерусских пейзажей — холмистых лесостепей, тихих озер и березовых перелесков, и места полуденного солнца, золотых виноградников и цветущих садов. Таков географический облик нашей обширной, богатой и красочной республики — края великих климатических контрастов, где увидишь вечные снега и субтропические растения, испытаешь арктические снежные бури и песчаные саванны. В конце февраля, где-то под Кустааем и Петропавловском, с грохотом рвутся в морозные ночи метровые льды по озерам и бушует в степях за Тургаем седая пурга. А на пригретых вешним теплом прилавках Заилийского Ала-Тау уже красуются робкие, нежные подснежники; в садах Семиречья звучат светлые, трепетные мелодии полой воды. В одном конце страны не надышешься в эту пору по утрам ароматом густого и стойкого, как сотовый мед, морозного воздуха, в другом — уже слегка кружит голову полувнятный, бражный запах пригретой солнцем в марте 1949 года яблоневого коры.

Когда делегаты IV съезда большевиков Казахстана, собравшись в зале заседаний, раскрыли свои блокноты и строше, внутренне собранные, приготовились слушать отчетный доклад ЦК — каждый из них вспомнил в эту торжественную минуту минувшее десятилетие со дня III съезда Коммунистической партии большевиков нашей республики. Каждый с огромным душевным волнением мысленно оглянулся на пройденный странною путь. Путь претворенных в жизнь сталинских пятилеток. Путь напряженного творческого труда для торжества светлых коммунистических идеалов. Путь смелых и великих дерзаний. Путь победоносной борьбы и героических подвигов бесмертного народа нашей страны. Народа-творца. Народа-созидателя, объединенного под священным знаменем славной Коммунистической партии большевиков. Партии Ленина — Сталина. Партии-победительницы. Партии благородных душой и чистых сердцем верных сынов народа. Партии, в которой видим мы, советские люди, ум, честь, совесть, славу и гордость нашего Отечества!

1940 год.

Мирной, яркой, творческой жизнью жила тогда вместе со всей великой страной социализма наша республика. Напряженно, звонко, молодо бился здоровый, полнокровный пульс ее жизни. Мы ощущали ритмичные удары этого пульса в золотых волнах колхозных нив хлебородного Севера и в плавильных печах Балхашского гиганта меди, в подземных кладовых богатого сокровищами Коунрада и в шахтах Караганды, в диспетчерских будках Турксиба и в буровых вышках Эмбы, в пафосе народного строительства «Восточного кольца» — крупнейшей по тем временам в Союзе автомагистрали, и в великом походе колхозников за покорение Голодной степи. Свыше 80 тысяч патриотов Южного Казахстана приняло участие в этой битве за воду. Неутомимыми руками трудолюбивых южан была сооружена сложная сеть оросительных каналов длиной в 2 тысячи 320 километров, 40 тысяч гектаров обновленной по воле большевиков и ныне цветущей земли было отвоевано у бесплодной и дикой в прошлом пустыни. А двадцатичетырехтысячная армия колхозников Восточного Казахстана проложила в сорокадвухдневный срок прервосходную гравийную дорогу в местах извечного бездорожья. Кольцо автомобильной магистрали протяжением

и 438 километров, опоясав центральные районы рудного Алтая, связало крупнейшие предприятия и промышленные очаги Прииртышья с республикой и страной. Победоносное наступление южан на Голодную степь и сооружение «Восточного кольца» — алтайской автомагистрали — это были прекрасные народные подарки к двадцатилетию Казахской республики!

В тот год мне посчастливилось присутствовать на открытии в Москве Всесоюзной сельскохозяйственной выставки. С тех пор прошло девять лет. Пройдут еще многие годы. Но никогда не забудется этот воистину чудесный, богатый красками, яркий народный праздник — торжество талантливых мастеров и умельцев социалистического земледелия! Это был праздник хлеборобов и виноградарей, скотоводов и виноделов, мировых рекордсменов по выращиванию хлопка и риса, сахарной свеклы и табака. Праздник людей, взращенных большевистской партией! И среди них — 22 тысячи мастеров колхозной земли Казахстана занимали заслуженно почетное место. Около семисот колхозов и 27 МТС, сотни колхозных товарных ферм и 37 совхозов представляли нашу республику на этом всесоюзном смотре высокомеханизированного и технически оснащенного социалистического сельского хозяйства страны. Великолепный павильон Казахстана, гостеприимно распахнувший свои массивные дубовые двери перед гостями выставки, красовался среди столь же блистательного созвездия павильонов братских республик, радуя глаз строгими, легкими линиями архитектурных форм и непринужденным изяществом национального лепного орнамента, украшавшего стены. Я видел, как люди, никогда не бывавшие в Казахстане, часами бродили, словно завороженные, по анфиладам выставочных его залов, и широко раскрытые глаза гостей возбужденно блестя от искреннего восторга и непритворного восхищения. Так поражало всех изобилие и богатство выставочных экспонатов, раскрывавших облик громадной республики со всеми ее дарами и сказочными сокровищами, во всем ее блеске и великолепии.

Дружно и весело, в ладу с горячей работой в заводских цехах и на мирных колхозных пашнях, жили в предвоенные годы советские люди. И звонкие песни — спутники юности и труда — далеко слышны были в теплые летние ночи в родимом степном просторе...

Но вот пробил грозный час. Вероломный, жестокий праг вторгся на нашу священную советскую землю. Протрубил над Родиной боевой клич — к оружию! Началась Великая Отечественная война...

II

...Есть под Москвой одинокий могильный холм, о котором знает весь мир. Среди открытого поля, густо усеянного в летнюю пору ромашками, а зимой покрытого лебяжьим пухом снегов, возвышается четырехгранный гранитный обелиск. Над устремленной ввысь пирамидальной вершиной его проплывают в погожие дни легкие, как дымок от шрапнельных разрывов, приبلудные облака, и покоится над ним умиротворяюще голубое, безмятежное российское небо. А вокруг простираются мирные, полные раздумья, простора и света пейзажи Подмосковья.

Земля Подмосковья!

Разъезд Дубосеково!

Невысокий холм, увенчанный строгим обелиском, уже заросший за эти годы бессмертником и нехитрыми полевыми цветами, — это последний приют 28-ми. Это — место покоя легендарных панфиловских богатырей, обогривших светлой, праведной кровью своею древнюю землю и преградивших дорогу черным вражеским ордам к священным стенам Кремля.

— Велика Россия, а отступать некуда — позади Москва! — прогремел в историческое ноябрьское утро боевой клич коммуниста Василия Клочкова. И 28 готовых на смерть и к бессмертию, прекрасных и грозных в своей решимости русских богатырей, казахских батыров, обменявшись друг с другом предсмертными братскими поцелуями, вышли на героический поединок с пятьюдесятью танками врага. Мир знает исход этого беспримерного в истории войн титанического поединка крылатых и жарких сердец рядовых сыновей нашей Родины с бронированными чудовищами врага.

— Велика Россия! — воскликнул в предсмертный час товарищам по оружию политрук — казахстанец Василий Клочков. И как в глазах смертельно раненного под Бородиным толстовского Андрея Болконского на мгновение отразилось высокое, необыкновенно ясное и чистое небо Родины, так и глазам земляков легендарного казахстанского политрука с глубокой ясностью раскрылось в мину-

ты битвы под Дубосеково все беспредельное величие и вся неповторимая красота советской Отчизны. За плечами 28-ми героев, поправших смерть и переступивших с противотанковыми гранатами рубеж бессмертия, возвышалась неприступная святыня великого советского народа — Москва. В защиту бескрайних просторов родимой земли, в защиту ее шумящих садов и цветущих пашен, в защиту ее индустриальных гигантов и энергетических цитаделей, во имя ее социалистического сегодня и завтрашнего дня коммунизма свершили свой подвиг в снегах Подмосковья 28 верных Родине и народу сыновей, воспитанных нашей партией и благословленных на этот подвиг простертой рукой стоявшего на Ленинском мавзолее вождя...

В этой победоносной войне советские люди с особенной силой показали мужество и духовную стойкость, упорство в достижении победы, испепеляющую ненависть к презренным врагам Отечества и железную волю к созидательному труду.

В своем историческом отчете перед народом 9 февраля 1946 года товарищ Сталин говорил: «Война устроила нечто вроде экзамена нашему советскому строю, нашему государству, нашему правительству, нашей коммунистической партии и подвела итоги их работы, как бы говоря нам: вот они, ваши люди и организации, их дела и дни, — разглядите их внимательно и воздайте им по их делам».

Этот суровый и грозный экзамен блестяще был выдержан общественным и государственным строем нашей страны. Великое испытание огнем и кровью подтвердило правоту дальновидной политики партии. Итоги второй мировой войны — яркое доказательство того, какое огромное значение имела борьба нашей партии в довоенные годы за претворение в жизнь гигантских планов сталинских пятилеток.

Казахстан, как и вся страна, оказал огромную помощь Родине и фронту. Сотни тысяч тонн военно-стратегического сырья были добыты из недр казахской земли — хранительницы мировых запасов цветных и редких металлов. Оборонная промышленность нашего государства питалась высокосортными коксующимися углями Караганды, а самолеты и танки Советской Армии снабжались высококачественными горючим и маслами, вырабатываемыми из «черного золота» Эмбы. Бесконечным потоком шли днем

.. повою и из глубинных стеной Казахстана на Запад поез-
да, груженные медью и свинцом, никелевой рудой и ферро-
хромом, оловом и цинком.

Все самые светлые, самые благородные душевные по-
рывы и помыслы нашего народа всегда являлись выра-
жением безграничной любви его к матери-Родине, к пар-
тии большевиков, к великому Сталину. Проявление этой
всенародной любви к своему вождю — вдохновителю на-
ших побед, к коммунистической партии и к Отчизне ощу-
щалось с такой же силой тогда, в дни войны, как ощу-
щается и теперь, в дни мира. Советский народ знает, что
«Если после Ленина советский народ победоносно решал
свои внутренние и внешние стратегические и тактические
задачи и сделал свое государство таким могучим и, вместе
с тем, таким духовно близким трудящимся людям всего
мира,— то в этом величайшая историческая заслуга,
прежде всего, великого вождя нашей партии — товарища
Сталина, сталинского руководства.*

III

Когда отгремели последние артиллерийские залпы по-
бедных майских салютов, творческие силы нашего наро-
да, его трудовой гений, вновь нашли свое выражение в
героическом созидательном мирном труде. С огромным
душевным волнением слушали советские люди программ-
ную речь вождя, произнесенную в феврале 1946 года. Вы-
ступая перед избирателями, товарищ Сталин определил
задачи советского народа. И страна, развернув богатыр-
ские плечи, приступила к практическому решению этих
задач, к претворению в жизнь гениальных сталинских
планов и железной алгебры смелых его расчетов.

Вместе со всей страной вступила в полосу грандиоз-
ных производственных и технических битв за новые очаги
индустрии и энергетики, за новые заводы и фабрики, за
новые рудники и шахты наша республика. Всего четыре
года прошло после пуска первой мартеповской печи на
первенце черной металлургии Казахстана — передельном
металлургическом заводе в Темир-Тау. В третьем году
послевоенной сталинской пятилетки завод досрочно за-
вершил годовую программу по выпуску проката и стали,

---

* В. Молотов. Сталин и сталинское руководство. Госполитиз-
дат, 1949, стр. 21.

перевыполнив свои обязательства, взятые в письме металлургов Урала и Востока товарищу Сталину.

К боевому строю действующих промышленных предприятий нашей республики примкнули в послевоенные годы десятки новых заводов и фабрик, шахт и электростанций.

Под знаменами всенародного социалистического соревнования, посвященного тридцатилетию нашей Казахской республики, доблестно борются за выполнение и перевыполнение нового пятилетнего плана шахтеры Караганды и металлурги Темир-Тау, цветники Балхаша, хлопководы Южного Казахстана и железнодорожники Туркесба. Всему Казахстану известно имя талантливого токаря Ивана Печорина, закончившего свое производственное задание по пятилетнему плану в первом же году послевоенной пятилетки. Такой же широкой популярностью пользуются у нас и имена знаменитых карагандинских шахтеров — проходчика Петра Акулова и крепильщика Абдрахманова, машиниста горного комбайна Нурмагамбетова и бригадира навалотбойщиков Шомапова. Заслуженно гордимся мы знаменитыми нашими рисоводами — Ибраем Жахаевым и Ким Ман Самом, получающими из года в год рекордные урожаи риса. Мы гордимся прославленным машинистом Туркесба, ныне депутатом Верховного Совета Союза ССР Мухтаром Каптагаевым и именем колхозницы Ольги Гонаженко — мировой рекордсменки по выращиванию свеклы.

Только за последние два-три года 710 передовиков сельского хозяйства нашей республики получили высокое звание Героя Социалистического Труда, а свыше 32 тысяч труженников колхозных полей награждены орденами и медалями.

В социалистическом соревновании, посвященном IV съезду большевиков Казахстана, выборам в Верховный Совет СССР и предстоящему тридцатилетию Казахской ССР, рабочие промышленных предприятий республики и труженники колхозных полей одержали немало новых производственных побед. Трудовые подвиги десятков тысяч людей, принявших участие в этом всенародном социалистическом соревновании, звучат светлым и радостным гимном в честь партии большевиков, ведущей нашу страну к полным тепла и света широтам коммунистического Завтра.

СЕВЕРНОЕ СПЯНИЕ

I

днажды в конце августа прошлого года появилась в ауле Баян русская девушка. Факт этот, впрочем, сам по себе не был ничем особо примечательным. Мало ли русских девчат с их золотыми руками агрономов и зоотехников, механизаторов МТС и водителей автотранспорта перебивало за последние годы наездом из района и области в этом отдаленном колхозном ауле! Но весьма зоркие и наблюдательные по природе люди казахской степи, заметив новую русскую незнакомку, тотчас же с первого взгляда определили, что эта нездешняя птица залетела в северные широты республики, видать, откуда-то издалека, и что не случайное, мимолетное дело привлекло ее в их затерявшийся в степных просторах аул.

И старожилы Баяна не ошиблись. Девушка эта, Алевтина Лукинична Яркова, оказалась учительницей русского языка, прибывшей по путевке республиканского министерства просвещения из далекой Алма-Аты в Баянскую среднюю школу. Совсем еще юная, в скромненьком ситцевом платье, в невесомых потертых «лодочках» на босу ногу, она и в самом деле напоминала легкую на взлет, шустрюю птицу — так стремительны и порывисты были ее движения, с таким непритворным изумлением и чистой радостью смотрели на окрестный мир широко раскрытые, полные тепла и света ее глаза.

Выпорхнув в полдень со своим фибровым чемоданчиком и связкой книжек подмышкой из кузова лихой, выдавшей виды полуторки, попутно подбросившей легкую пассажирку из райцентра в эти неблизкие степные места,— девушка очутилась среди прямой и широкой, залитой солнцем сельской улицы. Приветливо помахав пробковой от загара рукой вслед умчавшемуся дальше грузовичку, она с тревожным любопытством осмотрелась вокруг. Странное дело! Уж не подшутил ли над ней озорной водитель лихой машины?! Видит — птица залетная, ну и выкинул номер... А может просто без всякой шутки и умысла высадил он девушку по ошибке не в казахском ауле, а в этом большом, уж очень как-то уютно и прочно обжитом русском селении, которое сразу же пришлось молодой учительнице по душе... Ничего толком не понимая, она пожалала с веселым недоумением плечами. Легко вздохнула. Мельком взглянула по привычке в заветное круглое зеркальце на смуглое, припудренное дорожной пылью лицо. Неясно улыбнулась чему-то. И опять, встрепенувшись, как птица, направилась легкой, скользящей походкой вдоль улицы, рассчитывая на встречу с кем-нибудь из живых людей.

Но в селе было пусто — хоть шаром покати. Завершалась жаркая жатва, и народ, как видно, от стара до мала страдовал в поле. Не спеша, с передышками, девушка долго бродила в одиночестве по тихим солнечным улицам, любясь строгой планировкой жилых кварталов, уютом опрятных надворных усадеб, добротностью крестовых и пятистенных домов. А дома тут стояли один к одному — деревянные, с веселыми резными наличниками, с навесными карнизами тесовых и железных крыш, с парадными крылечками, украшенными по фронтонам накладным затейливо тонким орнаментом, с озорными березками и юными кленами в палисадниках...

Решительно все волновало и трогало здесь молодую учительницу. И белоснежные кружевные занавески в окошках. И нехитрые комнатные цветы на подоконниках. И молодые, гибкие яблоньки, прижившиеся в разбитом на площади общественном саду. И большое, полное света и воздуха здание школы, украшавшее сельскую площадь. И жаркий бронзовый блеск проводов на новых столбах, и сияние фарфоровых изоляторов. По всему было видно: трудолюбивые и рачительные хозяева жили здесь. И на

каждом шагу возникали тут зримые приметы материальной и духовной культуры обитателей этого, пока не отмеченного ни на одной географической карте привольно раскинувшегося в степи селения.

Золотой, полный раздумья и покоя августовский денек красовался над степью. Набродившись вволю по солнечным улицам, налюбовавшись уютным, ставшим вдруг милым сердцу селом, утомленная путница присела на затененной солнцем полянке, пригорюнилась, выжидая, не появится ли на ее счастье живая душа. Было тихо, как бывает тихо в заповедной степной стороне в предосеннюю пору. Только откуда-то издали доносился наплывами глуховатый ритмичный гул — нето это было жужжание молотильного агрегата, нето это гудел тракторный или автомобильный мотор. Плавала в воздухе, неслышно оседая на землю, парчевая паутина. И строгие красавицы-ласточки, собравшись уже к отлету, как бы дремали на бронзовых проводах. Из степи тянуло горьковатыми запахами пустошной полыни, веяло бражным ароматом свежей пшеничной соломы и золотого, до звона сухого зерна. Слово позванивая в чуть слышные с земли серебряные колокольчики, трубили, проходя на большой высоте, журавли. И вдруг, заглушая гортанное журавлиное курлыкание, зазвучал где-то совсем недалеко мелодичный, но еще неустойчивый, хрупкий мальчишеский голос:

— Летят перелетные птицы
В осенней дали голубой.
Летят они в жаркие страны,
А я остаюсь с тобой...

И девушка, точно очнувшись при этом от минутного забытья, шуря позолотевшие глаза на едва приметную в небе разорванную журавлиную цепочку, невольно подтянула незримому певцу вполголоса:

— А я остаюсь с тобою,
Родная моя сторона.
Не нужен мне берег турецкий
И Африка мне не нужна!

А через мгновение из-за угла вывернул на рысях всадник. Заметив на полянке незнакомую девушку, он вдруг резко осадил строптивного стригунка и подъехал к поднимавшейся с земли незнакомке уже шагом. Это был казахский парнишка. Лет ему с виду было двенадцать — не больше. Босой, с засученными выше коленок штанами,

с обнаженной, наголо выбритой головой, сидел он в узком степном седле, слегка отпрянув назад, небрежно и молодцевато, как и подобает сидеть джигиту. Властно сдерживая одной рукой за коротко собранные в кулаке поводья капризно приплясывавшего под ним полуконя — полужеребенка, мальчик бегло измерил взглядом с ног до головы русскую незнакомку, а затем на безукоризненном русском языке выпалил скороговоркой:

— Здравствуйте. Вы электромеханик?

— Здравствуй, джигит... Нет, я не электромеханик,— ответила девушка в тон ему, так же строго и серьезно.

— Вот беда...— разочарованно сказал мальчик.

— Какая же в этом беда?

— Очень большая беда. У нас электростанция на ходу. Только и дела осталось — нажать рубильник.

— Ну и что же?

А то, что без ножа нас райцентр зарезал, если сказать вам по-русски. Хлеба наскірдовали — завались. Теперь нам главное дело — электромолотьба. А мы пятые сутки электромеханика дожидаться не можем... Спасибо уральцам. Вот были они шефы у нас — золотые руки! Нам досрочно монтаж закончили. Пробный пуск был — красота посмотреть. Станция у нас — как часы. Напряжение сто двадцать вольт. Провода на столбах бронзовые — никакой утечки. Свету в домах и на всех фермах — залейся. Не Баян у нас получается — соцгород!

— Погоди, погоди... Разве это Баян?! — бросив стремительный взгляд вокруг, взволнованно перебила рассказчика девушка.

При этих ее словах мальчик диковато и несколько настороженно покосился на странную незнакомку. С неба она свалилась — задавать ему такие вопросы?!

— Аул Баян? — переспросила девушка.

— Колхозный аул Баян, — уточнил с достоинством мальчик.

— Позволь.... Ничего не понимаю... В вашем колхозе есть русские?

— Нет, колхоз наш казахский.

— Понятно...— сказала девушка, хотя и с трудом верила в то, что было перед ее изумленно раскрытыми глазами. Это большое, отлично благоустроенное село с величественным зданием школы, с уютными жилыми домами и монументальным, по сельским масштабам, зданием элек-

тростанци, со строгими корпусами превосходных общественных скотобаз вдали и целым городком не менее превосходных хозяйственных складов и зернохранилищ на отшибе — все это пока что худо вязалось с былым представлением юной учительницы о таком, казалось бы, глухом и далеком казахском ауле...

— Так, так... Все понятно, малыш... Значит, и средняя школа у вас, говорят, имеется?

— Еще бы! У нас нынче первый выпуск был. Пятнадцать наших баянских ребят десятый класс на отлично закончили.

— Ого! И что же они теперь делают?

— Как что? Учатся выше. Поразъехались кто куда. Трое — прямо в Москву. Семеро — в Алма-Ате. Есть наши баянские в городе Казани, где сам Ленин учился. Двое — в Томске. А моя сестра Кадниша через пять лет доктором станет. Она у нас недалеко — в Омске.

— Очень хорошо... А ты учишься?

— У нас все учатся... Двести восемьдесят ребят. Я в седьмой класс перешел. Я тоже отличник.

— А это еще лучше... Как же тебя зовут, отличник?

— Меня зовут Марат. Турални Марат.

— Ну, тогда будем знакомы, Марат, — сказала девушка, протягивая маленькому всаднику руку. — А меня зовут Алевтина Лукинична. Я учительница. Приехала работать к вам, в вашу школу.

— Учительница?! Вы — по русскому? Ой, я же сразу угадал вас, что вы по русскому... — вытянувшись во весь невеликий свой рост на стременах, затараторил смущенный и сияющий всадник.

— Угадал, угадал... Здравствуй, мой друг! — сказала с улыбкой Алевтина Лукинична, крепко пожав неробкую, пропахшую солнцем и ветром детскую руку.

II

Февраль.

Суровая выдалась нынче зима в Северном Казахстане. Снега небывалые. Своротись с дороги: коням — по брюхо, людям — по пояс. В иные дни — ни зги в степи от метели. В иные — глаз не откроешь от ослепительного сияния и блеска. Заснеженные равнины то тонут в зябкой, арктической полумгле даже днем, то тревожно сверкают и переливаются жемчужной пылью снегов в голубом, хо-

лодном огне лунной ночи. Выдавались нынче в этих краях такие деньки, что от лютых морозов трещали и с грохотом рвались метровые льды на окрестных озерах. Но в начале февраля стало припахивать легкой оттепелью. По утрам задымится над степью туманы. Днями перепадает ленивый, задумчивый снежок. И деревья в березовых рощицах и перелесках, принарядившись в алмазные серьги инея, не накруаются под ярким солнцем полуволшебным, праздничным своим убранством. Старые люди степи примечают — год обещается нынче быть урожайным. Верные признаки этого, по их мнению, налицо. Снег пал по осени на талую землю — к благоприятному лету. Ранние вьюги — к дождливой и теплой весне. Березы во второй половине зимы в алмазных сережках — это, говорят, к полновесному колосу, к литому из чистого золота зерну...

Февраль.

1965
Глухо и тихо в предвечерний час в глубинной степи. Но совсем не глухо и не тихо в такую пору в заметном снегами Баяне. Ритмично, звонко и молодо бьется здесь горячий пульс трудовой, творческой жизни. В одном краю дула весело перестукиваются топоры—это колхозные плотники ставят сруб для нового дома одному из членов артели. В другом конце—неугомонно и бойко тараторит решетами сортировка на очистке зерна. Где-то поодаль неистово взвизгивает дисковая пила на механизированной распиловке местных строительных материалов. Из колхозной кузницы то и дело доносится озорная скороговорка пустившихся в припляс ручных молотов, лихо и ловко отбивающих дробь на наковальне... А как только смеркнет недолгий февральский день, золотые потоки света, хлынув по бронзовым проводам, в мгновение ока ярко заиграют в окна жилых домов и общественных зданий. Вспыхнут матовые шары уличных фонарей. Тепло и приветливо засияет в ночи рубиновый огонек пятиконечной звезды над парадным крыльцом колхозного клуба.

А часом позже на сверкающих от обильного света и снега баянских улицах возникает особо заметное оживление. Покончив с дневными заботами и делами, колхозники, молодые и старые, целыми семьями и в одиночку, спешат в свой уютный вместительный клуб. В одном из залов этого клуба оборудован избирательный участок по выборам в Верховный Совет СССР, в другом крыле клубного здания разместился агитпункт.

Никогда и прежде не пустовал в зимнюю пору этот воистину культурный очаг колхозного аула. Но сейчас, в дни горячей, деятельной подготовки к выборам верховного органа власти нашей Родины, здесь бывает по вечерам особеннолюдно и оживленно. Как ни просторен читальный зал, но всегда тесновато бывает в нем от людей, занятых просмотром свежих газет и журналов. Как ни запасался для клуба предусмотрительный председатель колхоза Сексембай Туралин шахматами и шашками, а все равно далеко не всем колхозным гроссмейстерам и отчаянным баянским шашкистам удастся другой раз сразиться в жестокой битве с лидерными игроками...

С особым душевным расположением встречают собравшиеся на агитпункте колхозники членов агитколлектива — учителей средней школы. Педагогов в Баяне немало — свыше двадцати человек. Многие из них родились и выросли в этом ауле. И трудно узнать теперь баянским старожилам в рослом, всегда внутренне собранном, серьезном и строгом преподавателе истории Жумагане Абдрахманове того озорного, драчливого парнишку, который, казалось, совсем недавно носился сломя голову босиком по аулу... Недавно как будто резвился в кругу невеликих годами аульных сверстниц и вот эти две бывших стрекозы — Магрипа Кузембаева и Даметке Тажиана. А теперь эти обе стройные, смуглолицые, скромные девушки по окончании Алма-Атинского педагогического института тоже работают в родной школе. Впрочем, удивляться тут нечему, если учесть, что свыше сорока членов этого колхоза имеют среднее образование, а двадцать шесть баянских юношей и девушек учатся сейчас в высших учебных заведениях Москвы и Ленинграда, Казани и Алма-Аты, Томска и Омска.

Кто же не поймет этого законного чувства гордости, с которым смотрят старейшие члены сельхозартела на свою аульную интеллигенцию?! Есть кем и есть чем гордиться в Баяне! И не мудрено, если любая из задушевных бесед и увлекательных лекций, проводимых по вечерам на агитпункте местными агитаторами и пропагандистами, привлекает в клуб столько активных слушателей, что иной раз и яблоку, как говорится, негде упасть в переполненном зале...

Первые места принадлежат здесь аксакалам — уважаемым сединами старикам, самым уважаемым и почет-

нам подым дула. Тепло и приветливо встречают тут эту старую гвардию колхозного строя и таких ее ветеранов друто, как прославленный чабан Сембай Ахметов или престарелый его соратник, не менее знаменитый колхозный животновод Бескожа Кулов. Оба аксакала в годах. Первому — под шестьдесят, второму — за семьдесят. Но во дни из этих, еще прямых и кряжистых, как будто неопытных времени старых людей не утратил живейшего интереса ко всем явлениям многогранной и яркой советской действительности. С почтительным, напряженным вниманием слушают степенные, сребробородые аксакалы музыку, всегда к месту одобренную острым словом и везучей шуточной речью незаурядного оратора Жумагана Абдыманова, лучшего аульского лектора по международным вопросам. И совсем с юношеской остротой и непосредственностью бурно и восторженно, реагируют старики вместе со всеми слушателями на выступления в концертах возвращенных, самобытных актеров и виртуозных домброводов, талантливых акынов и оларенных импровизаторов.

В первом горячих, дружных рукоплесканий награждают баяновцы юную русскую учительницу Алевтину Лукиничну Яркову, активную участницу вечера в художественной самодеятельности на клубной сцене. Как невеликий родниковый ручеек, прижившийся где-нибудь под степным кувалом, всенид, всорясь и переливаясь, трепетный ее, светлый и чистый голос то в тревожно грустной, то в озорной и лукавой русской народной песне. Но особенно трогает и волнует слушателей эта хрупкая и шустрая русская девушка мелодичными степенными напевами родных и близких их сердцу казахских песен. Даже в легком акценте русской учительницы, с которым произносит она казахские слова, звучит особая задушевность и искренность хрустально-прозрачного девичьего голоса.

III

Длинные февральские ночи. И старые люди невротичь покоротать их в затянувшемся разговоре с молодежью в тепле и уюте. А разговор слово за слово завязался в этот вечер в колхозном клубе большой и душевной. Началась в пустяков. Русская учительница мамекодов спросила своего коллегу, преподавателя истории:

— Послушайте, Жумаган, что значит по-казахски жумалык?

— Вы, я вижу, дотошный лингвист, Алевтина, если докопались и до такого полузабытого казахами слова! — удивленно воскликнул учитель истории.

— Нет, кроме шуток...

— Помилуйте, не собираюсь шутить, наоборот... Вопрос, если хотите, весьма серьезный. А ответить на него мы попросим нашего почтенного Бесеке, — сказал Жумаган Абдрахманов, почтительно полупоклонившись при этом в сторону престарелого Бескожи Кулова.

— Просим!.. Просим, аксакал! — зашумела вокруг молодежь.

И аксакал, слегка коснувшись ладонью пепельно-седой своей бороды — в знак особого уважения к присутствующим, — помедлив, негромко заговорил:

— Как старый человек, я привык начинать издавека... Когда-то в семи кочевых аулах, которые вошли потом в наш колхоз Баян, был у нас всего один грамотный человек — мулла. Никаких школ в прежние времена в казахской степи не было и в помине. А мулла брался учить ребятшек читать и писать по-арабски. Учил он кое-каких казахских детей, ясно дело, не даром. Плату заламывал такую, какая в те времена не всем нам, кочевникам, была по карману. Но плата — платой, а жумалык — жумалыком. Жумалык — это, иначе сказать, недельник. Раз в неделю, в каждую пятницу, ученик обязан был приносить мулле рубль серебром... Вот и скажите мне теперь, дети мои, могли ли мы, ваши отцы и деды, научиться читать и писать по-арабски?! — заключил аксакал свой ответ вопросом.

Все притихли, уважительно поглядывая на одного из старейших людей в ауле, к слову напомнившего своим землякам о былой, глухой и безрадостной, как степь в гололедицу, жизни казахской бедноты, не находившей в прошлом ни тепла, ни приюта в бездомных скитаниях под родным небом. Все знали: тридцать три года подряд пробатрачил, не разгибая спины, Бескожа Кулов у русских кулаков и степных баев. Над неласковым огнем чужих очагов отогревал он в лютую стужу несправные, железные свои руки. Шутка сказать, почти полжизни отдал этот степной богатырь каторжному труду на чужих людей, так и не заработав за эти три с лишним десятилетия ни коня,

о котором мечтал с юных лет, как мечтал тогда всякий кочевник, ни собственной юрты!

Номолчан и словно разгадав мысли присутствующих, старый Бомбожа, как бы думая вслух, продолжал:

И семи аулов один был трикопный человек, а во всей нашей Баянней кочевой волости — один деревянный дом у Баян Алыши. Остальной народ спасался зимой по землянкам. А теперь и Баян у нас найдете немало домов, которые даже не знают, что такое землянка.

Откуда им знать, если все двести сорок с лишним домов у нас сплошь деревянные! — вставил свое авторитетное слово и престарелый чабан Сембай Ахметов.

Об этом в речь, Саке... Колхоз — не старый аул. И мы с тобой не те джатаки — бездомные бедняки, какими были раньше.

И какими ушли бы в могилу при прежней власти, — добавил колхозный сторож Аю Наурызбаев.

Правильно, аксакал. Таковыми же джатаками и ушли мы в землю при старых порядках, — с живостью откликнулся Бомбожа на слово старого друга. — А теперь ни один из нас на старости лет на нынешнюю нашу судьбу не в обиде. И дома у нас — прежним баям на зависть. И с личным скотом и хлебом другой раз не знаешь, куда деваться. Я уже не говорю о колхозном нашем богатстве — оно на виду. Посмотришь на породистый скот с молочно-товарной фермы — сердце поет: не коровы у нас там — царицы! Овцы вывалят в степь весной — ни конца отарам, ни краю. Конские табуны выйдут на выпасы — глазом не окинешь... Не сразу вдруг все это перечтешь, чем мы теперь знамениты и богаты. И невелик будто срок — двадцать лет, как сколотились мы в нашу артель, а раздумашься — ой-бой, куда как далеко ушел Баян за это время: ни аула, ни людей не узнаешь!

— А меня, аксакал, не столько двадцать лет удивляют, сколь последние четыре года, — прозвучал, как всегда, спокойный, рассудительный голос учительницы биологии Магрипы Кузембаевой. И она тут же пояснила: — Подумать, как много сделано в Баяне после предыдущих выборов в Верховный Совет Союза. Припомните-ка, товарищи.

И стали припоминать. Тут уж — всем коллективом. К всеобщему приятному удивлению оказалось, что сделано за эти четыре года, действительно, очень даже немало. И

долго звучали погом наперебой веселые, возбужденные голоса членов сельхозартели:

— Построили электростанцию...

-- И интернат для приезжих школьников на семьдесят человек.

--- Пять новых скотобаз, забыли?!

-- Погоди со скотобазамн... Радиоузел на двести пятьдесят точек!

— А сорок шесть новых домов для колхозников!

— А клуб!

--- Освоили севооборот.

Почти вдвое увеличили посев зерновых культур.

— Про фруктовый сад не забудьте — это тоже большое дело.

— План развития общественного поголовья скота увеличили на семьдесят пять процентов.

-- Правильно. А в этом году перевыполнили по всем видам скота.

...До глубокой ночи затянулся в этот вечер на агитпункте дружеский, душевный разговор между старыми и молодыми членами казахской артели. Вспоминали недобрый словом прошлое, радовались за настоящее. Вслух мечтали о будущем — о завтрашнем дне коммунизма. А день этот уже недалек. Зримые приметы его приближения угадывались здесь во многом и прежде всего в самом главном — в людях, в светлых, чистых сердцах, в ясном творческом разуме любого из членов этой немалой и дружной трудовой семьи; в благородных душевных порывах и помыслах этих простых советских людей, живущих не только сегодняшним, ярким и радостным, как весеннее утро, днем, но и еще более близким и милым сердцу, еще более богатым и красочным будущим.

*

Было далеко за полночь, когда опустел агитпункт. Дежурившие здесь подружки, учительницы Алевтина Лукинична Яркова и Даметке Тажина, вышли из клуба последними.

Стояла морозная звездная ночь. Вкусно и звонко похрустывал свежий снежок под валенками. Подружки шли не спеша, молчали. Вдыхали полной грудью ароматный, пропахший ветрами и снегом морозный воздух. Из репродуктора, установленного над крышей радиоузла, прозвуч-

... и смолкли последние слова московского диктора, закончившего передачу последних известий. И теперь в этой чуть звенящей тишине глубокой февральской ночи слышалось только глуховатое ритмичное сердцебиение двигателя на далекой колхозной электростанции.

Сейчас будет Красная площадь и бой часов с Кремлевской башни... погоди, Даметке, давай послушаем, — сказала подружке Алевтина Лукинична.

И девушки остановились среди площади. Перевели дыхание. Притихли. Над потонувшим в снегах аулом мерцало трепетное электрическое зарево от ярко освещенных окон домов и золотых цепей уличных фонарей. И девушки, полусмежив от этого сияния и блеска припорошенные нежком ресницы, молча стояли, тесно прижавшись друг к другу, мысленно считая гулкие в морозной ночи удары курантов с Кремлевской башни.

Аул Баян.

Северный Казахстан.

ЖЕЛЕЗНАЯ АЛГЕБРА

I

Ранней солнечной осенью я вновь побывал в Темир-Тау. Как и в предыдущие мои поездки в эти северные широты нашей республики, ехали мы из Караганды по превосходной, похожей на автостраду, идеально прямой и ровной дороге. Но с особым на этот раз, все возрастающим, все обостряющимся с каждой новой минутой душевным волнением присматривался теперь я к этим хорошо знакомым местам. Все та же, по-прежнему суровая и прекрасная в своем великом безмолвии, родная и близкая сердцу степь простиралась вокруг. Все те же строгие, тихие птицы, уютно подобранные свои крылья, как бы дремали на придорожных холмах. Все те же гигантские железные мачты высоковольтной линии, сопутствуя нам, шагали сбочь нашей дороги, сверкая на ярком утреннем солнце гирляндами фарфоровых изоляторов и золотистым отливом скупко поблескивающих бронзовых проводов.

Погожее, богатое красками утро вставало над степью. Высокое, умиротворяюще голубое небо с редкими раскиданными ветром облаками покоилось над этим великим простором. Все здесь дышало покоем. Все полно было неповторимого очарования и непередаваемой прелести этих то нежно-голубоватых, то светлопалевых оттенков высокого утреннего неба и шафранно-золотистой окраски окрестной степи.

Тянуло полувнятным горьковатым запахом полыни. И как всегда в эту раннюю осеннюю пору, звучал вдалеке печальный и тоже едва уловимый свист привставшего на задние лапки суслика. Невесомые нити искрящейся в солнечных лучах паутины неслышно оседали на тронутую увяданием траву. Остановив посреди дороги машину, мы почти физически ощущали в этот час удивительную, почти неправдоподобную тишину. И было понятным теперь утверждение Льва Николаевича Толстого о том, что он не раз слышал, как растет трава в поле. При такой тишине и при таком покое в природе, казалось, можно было слышать даже сердцебиение птицы, бесшумно опустившейся на соседний придорожный курган.

Не миновало и часа, как оставили мы позади Караганду с ее гигантскими пирамидальными пиками скопившейся за годы породы, с суровым ее пейзажем угля и дыма, конусных башен и эстакад... А сейчас вот смотришь на эту безлюдную, наглухо замкнутую невысокими сопками древнюю степь и на мгновение подумает: не за тридевять ли земель очутился ты вдруг от индустриальных узлов и стальных магистралей твоей просторной и красочной Родины?!

...И вот мы снова в пути. Машина мчится по кремнистой дороге в настежь распахнутый перед нами степной простор. Вправо от нас, где-то далеко-далеко, струился зыбкий, призрачно колеблющийся шлейф дыма — там шел поезд. Мы видели контурные очертания бесконечно длинного железнодорожного состава из платформ и товарных вагонов, и до нас иногда доносился короткий и требовательный звук паровозного гудка. Со стремительной скоростью промчался над нами красавец «ИЛ» — скоростной пассажирский самолет Московско-Алма-атинской авиатрассы. Весело поблескивая под солнцем своим серебристым алюминиевым оперением, самолет шел, купаясь в потоках голубого воздушного света; и глухой, ритмично-певучий рокот торжествующе звучал над залитой солнцем степью из-за облачной высоты.

Так выглядела на подступах к юному городу металлургов и энергетиков карагандинская степь в час поющего раннего утра. И любясь новыми мотивами индустриального пейзажа этих недавно еще пустынных и полудиких равнин, припомнил я превосходную картину талантливого русского художника Ф. Шурпина «Утро на

ней Родины». На этом широко известном теперь по репродукциям большом полотне встает перед нами образ И. В. Сталина, мастерски запечатленный смелой и яркой кистью художника. В спокойной, преисполненной большой внутренней силы, человеческой простоты и огромного обаяния фигуре вождя, уверенно и пытливо глядящего в светлую даль мудрым, прощипновенным взором; в таком же простом, но милом сердцу советского человека окружном полевом просторе с его высоковольтными мачтами и контурами дымящихся вдали промышленных корпусов; в высоком шатре голубовато-светлого неба, державно раскинувшегося над обнаженной головой великого человека, — во всей этой глубоко правдивой, жизненной композиции отразилось, как в зеркале, чудесное утро нашей великой Родины — утро коммунизма!

И сейчас, глядя на величественные просторы воскресенной по сталинской воле большевиками карагандинской степи, на железную поступь каравана ажурных мачт высоковольтной линии, уходящей в залитую солнечным светом даль, на клубящийся где-то поодаль дымок паровоза, — невольно думаешь, как правдива и искренна кисть талантливого художника, написавшего образ И. В. Сталина на фоне типичного пейзажа нашей великой Отчизны! Так и кажется, что именно с этих вот необозримых степных равнин Северного Казахстана, с этого индустриального их степного пейзажа писал талантливый мастер фон для своей картины, видя перед собой образ воскресившего их человека.

Второй час пути.

...Дорога взлетает на гребень сопки. И вдруг — как в лесне это бывает иль в сказке — широко распахнулась перед нами величественная индустриальная панорама, мгновенно меняющая облик этой степи. Там, вдали, словно сквозь призрачный занавес голубого простора и света, видим мы гигантские трубы заводов и провода линий, уходящих в великий степной простор.

Вот уже совсем четко и резко вырисовываются на акварельном фоне погожего августовского полудня прямые и строгие линии многочисленных корпусов первенца черной металлургии Казахской республики — Казахского металлургического завода.

Смотришь издали, с вершины суровой скалистой сопки, и перед тобой, словно на гигантском киноэкране, про-

плывает общим планом самый юный город нашей республики на берегу никому неведомой в прошлом, ничем неприметной, спокойной и медлительной степной речки Нуры.

Темир-тау — вот имя этого нового города — Железная гора.

II

У юного города много патриотов, начиная от первого секретаря горкома партии Василия Васильевича Шепелева и кончая лучшим кочегаром Гази Рахимжановым.

Но не меньше в этом городе и достопримечательностей. Так, например, металлурги в один голос утверждают, что бесспорной гордостью города является, разумеется, металлургический завод.

Между тем гидрогеолог Георгий Григорьевич Колесов заявляет, что самым значительным по своей технической конструкции и в то же время самым красивым сооружением в молодом промышленном городе является, по его мнению, гидроузел с гигантским водоемом — краса и гордость не только одного Темир-тау, но и всей Карагандинской степи.

— А к тому же, если угодно знать, то и история нашего города начинается, в сущности, с гидроузла, — авторитетно заключает Георгий Григорьевич Колесов.

— Ну, насчет истории города, батенька, прежде всего надобно спросит нас, строителей, — говорит главный инженер Металлургстроя Григорий Алексеевич Гарбер. — Ведь город-то наш, как известно, начал строиться в суровые дни войны, когда мы начали закладку металлургического завода.

Инженер Григорий Алексеевич Гарбер прав. Город начал строиться бурными темпами одновременно с разворотом строительных работ на площадке металлургического завода. Однако нельзя не согласиться и с гидрогеологом Георгием Григорьевичем Колесовым, — ибо ведь, голько благодаря наличию грандиозного искусственно созданного водохранилища и мыслимо было развернуть здесь впоследствии строительство новых промышленных объектов.

Прибыв двадцать лет тому назад в эти глухие, еще

тогда необжитые, полудикие степи, гидрогеолог Георгий Григорьевич Колесов в течение трех с лишним лет производил здесь с экспедицией Ленинградского гидрологического института комплексные изыскания для подготовки к сооружению плотины. Когда же цикл изысканий был завершен и началось строительство гидросооружений, Георгий Григорьевич изъявил желание остаться на стройке в качестве гидролога-контролера на укладке плотины и затем, дождавшись торжественного дня окончания строительства, руководил первым водоспуском.

На строительство гидроузла государством затрачены были миллионы рублей. Под руководством прибывших с Днепрогэса опытейших специалистов по борьбе с водной стихией был прорублен в одной из громадных прибрежных скал канал так называемого донного водоспуска, и перехваченная бетонной цитаделью Нура, хлынув в луга, затопила 75 квадратных километров. Так возникло около семи лет тому назад знаменитое это озеро.

Гидрогеолог Георгий Григорьевич Колесов говорит как подлинный художник о таком вонистину великолепном техническом творении, каким, и в самом деле, является этот гигантский искусственный водоем со сложным комплексом всех его гидросооружений.

— Двести пятьдесят миллионов кубометров воды в хранилище — это, доложу вам, не шутка! — говорит гидрогеолог, не спуская своих серых, пытливо прищуренных глаз с голубого зеркала водоема. — Вы представляете, ведь воды нашего озера используются не только для бытовых и промышленных нужд двух городов — огромной Караганды и не по дням, а по часам растущего Темир-Тау, — но и для ирригации окрестных колхозов. Ежегодно, в случае нужды, поливаем до 5 тысяч гектаров колхозных полей и огородов. Я уже не говорю о подсобных хозяйствах и молодых садах промышленных предприятий Темир-Тау. Через двенадцатикилометровый магистральный канал мы снабжаем водой колхозы Осокаровского и Тельмановского районов. Прошу вас учесть, что это пока самое большое искусственное водохранилище в Центральном Казахстане!

На секунду умолкнув, гидрогеолог о чем-то подумал, а затем еще горячий и взволнованный продолжал:

— Мы с нашей службой водного хозяйства занимаемся сейчас не только эксплуатацией гидротехнических со-

оружений, но и разведением рыбы. Ведь глубина нашего водоема местами доходит до двадцати метров, — есть где разгуляться любой породе рыб! У нас и сейчас уже водятся тут в изобилии и окуни, и язи, и щуки. Нынешним летом работала на нашем озере экспедиция Казахской Академии Наук. Зоологи изучали возможность разведения в этом водоеме новых пород рыб. А мы пока пустили в наши воды сазана и зеркального карпа на собственный, так сказать, страх и риск.

В поздний час погожего августовского вечера стояли мы с гидрогеологом на железобетонной дамбе, наглухо перемкнувшей старое русло Нуры, и долго молча смотрели на залитый электрическим светом город и на гигантские, неясно маячившие в сумраке вечера заводские трубы.

III

В суровые и грозные дни третьего года Отечественной войны началось строительство металлургического завода в Темир-Тау. Со всех концов стекались к берегам Нуры инженеры и землекопы, прорабы и арматурщики, плотники и электрики, каменщики и конструкторы. Здесь были кургальджинские пастухи и уральские каменотесы, рыбаки Балхаша и колхозники Северного Казахстана, кряжистые сибиряки и подвижные, словоохотливые южане из Донбасса. Сюда пришли люди с большим производственным опытом и новички, впервые увидевшие леса новостройки.

В каменных карьерах и котлованах дерзко врубались в породу проворные мастера, и рядом с ними орудовали непривычными кайлами и лопатами подростки. Молодые джигиты из-под Каркаралинска учились у арматурщиков Криворожья искусству сложного переплета железных кружев. Строитель Днепрогэса Герасим Кубрак раскрывал производственные секреты бетонирования перед колхозными чабанами и гуртоправами — Абу Имангалиевым и Касымом Туралиным, впервые вставшими рядом с прославленным украинским мастером на укладку бетона. Старые инженеры, люди широкого технического кругозора и огромного производственного опыта, приобретенного на сооружении металлургических гигантов юга Украины, решали теперь в Темир-Тау сложные формулы алгебры

расчетов металлических конструкций. Под их руководством работали и молодые специалисты.

Трудностей на первых порах было немало. Даже много видевший на своем веку главный инженер строительства Григорий Алексеевич Гарбер признавался потом, что такого физического и интеллектуального напряжения, какое суждено было ему испытать в разгар строительства на Темир-Тау, пожалуй, не приходилось испытывать ни на одном из многочисленных строителств в прошлом. Впрочем, всему этому главный инженер находит очень простое объяснение:

-- Война, батенька, -- говорит он, вздыхая. -- Война. И потом иные трудности местного порядка. Казалось бы, простая штука -- деревянная балка! Простая и общедоступная. Без нее не обходится ни одно строительство. А мы, представьте себе, лишены были этой балки. Я в Москву: дайте мне строительного леса! А мне отвечают: нет и не будет. Коротко и ясно. Что ж, прикажете остановить строительство? Нет, такого вопроса ни один из моих инженеров не ставил. Всем нам было ясно, что надо срочно изыскать какие-то заменители...

Однако изыскать эти заменители было не так-то просто. И не одну бессонную ночь провел за чертежами, техническими расчетами и математическими выкладками молодой инженер Николай Иванович Медведков, прежде чем пришел к строгому выводу, что деревянные конструкции на междуэтажных перекрытиях вполне можно заменить... обыкновенным кирпичом!

И вот, впервые в практике промышленного строительства строители Казахского металлургического завода применили новый метод междуэтажных перекрытий, найденный и рассчитанный молодым инженером с помощью своих товарищей по строительно-монтажной части.

При сооружении громадного трехэтажного корпуса мартеновского цеха деревянные конструкции междуэтажных и чердачных перекрытий были заменены кирпичными сводами. Двухметровые пролеты этих сводов, толщиной в четверть кирпича, опираются на железобетонные балки. Такой крайне оригинальный способ перекрытий блестяще оправдал себя теперь в эксплуатации и получил затем широкое применение в процессе дальнейшего промышленного и бытового строительства на заводе.

Главный инженер строительства Григорий Алексеевич

Гарбер, строивший в свое время Харьковский турбогенераторный, Криворожский, Макеевский и Днепропетровский металлургические заводы, обобщая свой производственный и жизненный опыт, говорил:

— Опыт, конечно, для нашего брата многое значит. Многое, но не все. В течение двадцати лет я построил немало крупных промышленных объектов. И вот что любопытно. Приступая к строительству каждого нового объекта, я испытываю каждый раз такое волнение, какое впервые — думал, что раз навсегда пережил, когда мы завершили строить Харьковский турбогенераторный завод. Это, во-первых. Во-вторых, на каждом новом строительстве передо мной возникал комплекс таких технических и организационных проблем, какие мне не приходилось решать ни на одной из предыдущих новостроек. Не стану грехом чинить, бывает и так: такая перед тобой возникнет задача, что ты вдруг почувствуешь себя на какое-то время беспомощным новичком... Словно у тебя обрезали крылья — и ни опыта, ни опыта, ни образования... Все это, разумеется, потом проходит. И крылья за плечами в одно прекрасное время вновь почувствуешь, и задачу, в конце концов, решишь... Но решение это зачастую дается тебе не даром. Вот почему я иногда эгоистически думаю, что русская пословица — век живи и век, мол, учишь — никакой иной профессии столь, понимаете, не кажется, сколь нашей...

Судя по всему внешнему облику главного инженера — по его глубоким, не по возрасту резким морщинам на лбу, по его манере прикрывать во время разговора на секунду глаза, как это делают все много думающие люди, и, наконец, по тому глубоко искреннему тону, каким он рассказывал о себе, — судя по всему этому, решать ему трудных задач за всю его долгую творческую деятельность строителя пришлось немало...

Строительство завода началось с осени 1943 года. Точнее сказать, — не строительство, а подготовка к нему. Ведь для того, чтобы приступить к сооружению основных промышленных объектов, надо было прежде всего создать целый комплекс подсобных предприятий и одновременно подготовить значительные кадры квалифицированных строителей из прибывающих на новостройку колхозных паскухов и бригадиров, не имевших понятия о плотничьих, столярных, арматурных или монтажных работах.

Это, во-первых. Во-вторых, в адрес несуществующего еще пока тогда завода прибыло сложнейшее оборудование прокатного и мартеновского цехов, эвакуированное с демонтированных заводов Юга. Однако оборудование это было некомплектным, и монтаж его, стало быть, можно было осуществить только при условии изготовления на месте недостающих крайне ответственных и сложных по своей конструкции и технологической природе деталей. И выход в таком случае был один.

Надо было прежде всего — и в очень жесткие сроки — построить большой механический завод со сталелитейным, кузнечным, электроремонтным и чугунолитейным цехами. Только с пуском такого завода в эксплуатацию и мыслимо было приступить впоследствии к монтажу прокатного и мартеновского цехов металлургического завода.

В знойные июльские дни сорок третьего года строители разбивали свои палатки среди пустынных сопкок Темир-Тау. Перед ними простиралось поле, поросшее редкой и чахлой степной полынью. Это и была строительная площадка металлургического завода.

Строительная площадка будущего завода, окаймленная с трех сторон невысокими сопками, четвертой своей стороной примыкала к берегу Нуринского водоема.

IV

Вода — это пока было все, что имели под руками строители металлургического завода. Не было ни бетона, ни леса, ни арматуры, ни кирпича. А ведь на сооружение только одного гигантского корпуса прокатного цеха площадью в 16 тысяч 800 квадратных метров требовалось около трех миллионов штук кирпича. Достаточно сказать, что для перевозки такого количества кирпича потребовались бы сотни железнодорожных платформ. Это годовая производительность крупного механизированного завода!

Таким образом выходило, что одновременно со строительством большого механического завода надо было немедленно приступить к строительству и кирпичного завода. А для того, чтобы уложить еще несколько тысяч кубических метров бетона на основных объектах строительства, требовалось немалое количество цемента. О транспортировке же цемента откуда-то издалека тогда, в дни во-

онной страды, нечего было и думать. И выход был найден путем изготовления необходимого количества цемента местными средствами.

Словом, вокруг основного объекта строительства — металлургического завода, предстояло построить несколько промышленных предприятий, включая сюда разработку песчаных и каменных карьеров. И все это надо было связать с основной площадкой промышленного строительства узкоколейной и нормальной линиями железнодорожных путей.

Такова была программа промышленного строительства. Но надо было подумать и о строительстве бытовом — об общежитиях для рабочих и жилых домах для инженерно-технических работников стройки. А это требовало колоссальных затрат остродефицитных материалов — кирпича и леса. Однако один мощный кирпичный завод с пуском его в эксплуатацию едва мог удовлетворить потребность в кирпиче только основных промышленных объектов.

И строители должны были решить еще одну проблему — проблему заменителей кирпича. Тогда оказалось, что в Темир-Тау, помимо первосортной глины, немало еще одного превосходного строительного материала — шлака, при воссоединении которого с известковым раствором можно было получить отличные блоки для кладки стен. Порассчитав, инженеры пришли к выводу, что производство таких шлакоблоков на месте, во-первых, значительно ускорит бытовое строительство, а во-вторых, еще значительно удешевит его. К тому же опыт показал, что шлакоблочные стены жилых домов обладают куда более меньшей теплопроводностью, чем кирпичные. Вывод из всех этих технико-экономических расчетов был сделан такой: решено было построить еще один не предусмотренный строительной программой завод. Это был завод по производству шлакоблоков с годовой производительностью, эквивалентной по своему объему годовой производительности кирпичного завода — то-есть три миллиона шлакоблоков в год.

И вот, всего только год спустя, ни днем, ни ночью, ни в июльскую жару и ни в чудовищную январскую стужу — никогда, ни на минуту не умолкала теперь среди сопок Темир-Тау железная музыка электролебедок и монтирующихся конструкций.

Все выше и выше поднимались одетые в струнные ле-

са стены цехов металлургического завода. Вставали над сонками, над безбрежным водохранилищем и над бескрайней окрестной степью стройные и величественные заводские трубы. Среди этого строительного хаоса все ясней и отчетливее с каждым днем выступали контуры будущего города. Уже проглядывали кое-где сквозь деревянные кружева лесов на фоне этой грандиозной индустриальной панорамы приветливые фасады многоэтажных жилых домов и сверкающих белизной уютных коттеджей.

Среди многотысячной армии строителей этого завода было немало людей смелых дерзаний и самоотверженных подвигов, высоких идейных стремлений и творческого горения. Эти люди спускали всеобщее уважение к себе среди огромного коллектива строителей. Своими духовными качествами советского человека заслужили право на славу и на почет бетонщик Даку Абдиев и начальник участка стальных конструкций инженер С. М. Мамыкин, каменщик Укен Турмагамбетов и заместитель главного инженера строительства К. Д. Голубев. Имена Николая Марковщина — бригадира комсомольско-молодежной бригады электромонтажников, и начальника электромонтажных работ М. Полнского, как и имена бетоноукладчика Махмета Вишнева или молодого талантливого инженера В. А. Дунаевенского, одинаково популярны и по сей день в Темир-Тау.

Чувство нового, настойчивое стремление к знанию и совершенствованию в своем деле — суть основные черты и качества современного советского человека.

Бригада бетонщиков, во главе которой стоял превосходный мастер Даку Абдиев, работая на строительстве мартеновского и прокатного цехов, изо дня в день, из месяца в месяц повышала и темпы и качество укладки бетона, доводя ежедневные нормы выработки до 250 — 300 процентов. Другой знаменитый каменщик Укен Турмагамбетов, овладев в совершенстве передовыми методами труда, довел ежедневное перевыполнение норм также, как и Даку Абдиев, до 300 процентов.

Но есть и еще одна характерная черта, присущая только нашему советскому человеку. Наш советский инженер или мастер, овладев в совершенстве своей профессией, не презирает своего мастерства и умения. Наоборот, он стремится тотчас же поделиться опытом со своими многочисленными последователями и учениками. Так, Укен

Гурмагамбетов, став инструктором стахановских методов труда, обучил уже не один десяток казахской и русской молодежи секретам стремительного и высококачественного возведения кирпичных стен. И многие из них ставят рекорды, достойные своего учителя.

Теперь уже трудно было найти здесь такую бригаду, которая не завершала бы напряженного трудового дня на строительстве значительным перевыполнением норм.

— Таких бригад у нас почти не было, да нет и теперь, — говорил главный инженер строительства Григорий Алексеевич Гарбер. — Не хвастая, можно сказать, что и мы научились за годы войны строить и быстро и прочно. Да, скажу вам, отличная это школа — строительство! Ведь мы здесь не только закладывали основу всей тяжелой индустрии Казахстана. Мы воспитали целую армию строителей высокого класса. Мы обучили свыше двух тысяч казахской молодежи строительной технике. Поинтересуйтесь, если угодно, опытом нашего строительства в условиях знаменитой карагандинской зимы. Вот где, батенька, была для нашего брата школа!

v

Карагандинская зима!

На долгие годы останется она в памяти строителей металлургического завода. Ветреная и дождливая осень сорок четвертого года закончилась ранним снегопадом. Затем около трех недель стояла удивительно мягкая, необычная и подозрительная для этих широт погода. Словно это было где-то в средней полосе России. Стало как будто теплей и уютнее. С утра падал мягкий, тихий снежок. А в полдень даже пригревало, как в марте.

В такую пору дружно, споро и весело кипела работа на строительной заводской площадке. Строителей подбадривали и возбуждали погожие дни этой наредкость спокойной и теплой ранней зимы. Всех радовали теперь уже освобождающиеся от лесов, законченные кладкой стены первого промышленного корпуса новой стройки — мартеновского цеха.

Но еще больше волновало и радовало и металлургов и всех строителей приближавшееся к завершению строительство первой мартеновской печи. Бригада камен-

щников под руководством Укена Турмагамбетова работала в эти дни с особым подъемом и воодушевлением, выкладывая огнеупорным кирпичом под печи. Плотники во главе со своим распорядительным и требовательным бригадиром Иваном Долгушевым уже устанавливали строительные конструкции под потолочным перекрытием цеха, а столяры торопились со сборкой оконных рам и дверных коробок.

В эти дни, как и всегда, главный инженер Григорий Алексеевич Гарбер почти не покидал строительной площадки.

Переходя от одной строительной бригады к другой, главный инженер всегда задерживался на лишние одну-две минуты около землекопов. Он не мог налюбоваться их трудоемкой, но нарядкой проворной работой. Ребята рыли траншеи для водопроводной сети. Им предстояло прорыть таких траншей длиною в общей сложности около десяти километров для того, чтобы дать нуринскую воду не только промышленным заводским корпусам, но и в квартиры заводских рабочих.

Несмотря на довольно уже глубокий снежный покров и прочные ночные подмораживания, грунт был еще пол-летнему рыхлым и податливым. И здоровые, проворные, ловкие и жадные на физический труд ребята орудовали лопатами, кайлами и ломом с богатырской непринужденностью, удалью и почти озорством. Скинув с плеч долой ватники, люди не чувляли стужи в пылу азартной и жаркой своей работы.

Греха таить нечего, не ахти ведь красно жилось тогда и строителям металлургического завода. Тесновато было в переполненных, наскоро оборудованных рабочих бараках и общежитиях инженерно-технических кадров строителей. Далеко не всегда можно было похвалиться плотным обедом или сытным завтраком.

Строительство не имело в то время такого богатого подсобного хозяйства, какое имеет сейчас, сняв, например, нынешней осенью до 500 тонн картофеля и великое множество иных овощей со своих огородов. А тогда ведь и картофель приходилось с боем добывать за тридевять земель отсюда, и далеко не всегда это кончалось удачей... Но несмотря на все бытовые невзгоды, лишения и неурядицы, люди этого боевого соединения держались в строю, как солдаты.

И вот однажды главный инженер был разбужен под утро странным ошеломляющим гулом.

Было около девяти часов утра, но в комнате стоял полумрак, не совсем обычный для этого часа. И инженер, выглянув в мутное, словно затянутое густым клубящимся дымом окно и ничего не увидев в нем, кроме беснующейся полумглы, скорее почувствовал, чем разглядел, что это бушевал внезапно вырвавшийся в ночи снежный ураган небывалой силы.

Да, это был ураган!

Поднятые штормовым ветром гигантские смерчи сухого и жесткого, как песок, снега, кружась и смешиваясь, мчались с бешеной скоростью по безбрежному степному простору. И ничего немыслимо было различить в этом чудовищном снежном урагане.

От сатанинского воя и свиста выюжной сумятицы в ушах стоял такой непрерывный гул, точно многочисленные колокола били в набат в степном просторе. И человек, застигнутый такой кутерьмой не только в открытой степи, но даже и среди наизусть заученной улицы, мгновенно терял всякую ориентировку и рисковал заблудиться в двух шагах от собственного жилища, как это нередко случается здесь со старожилками.

Трое суток бесновались вокруг новостройки снежные смерчи этой неслыханной выюги. Три дня висела над степью, над строительной площадкой завода и города эта зыбкая белая мгла.

Рвались провода и рассыпались на мачтах изоляторы. Рушились средства связи. Ходуном ходили под ударом шквального ветра подвесные строительные леса особой конструкции, грозя оборваться и рухнуть со стен двадцатиметровой высоты мартеповского корпуса. Неосторожного человека сбивало с ног и, как подбитую птицу, могло закружить и засыпать кипящим снегом в любой из строительных траншей, в любой выемке песчаного или каменного карьера. Немыслимо было ничего слышать в такую минуту в этом вертепе ветров — ни сигнальной sireны, почти непрерывно надрывно ревущей на электростанции, ни человеческого крика о помощи.

И только трое суток спустя ураган этот вдруг прекратился так же внезапно и неожиданно, как и начался. Укротив разгул своих диких страстей в ночи, этот снеж-

ный ураган завершился под утро неслыханной тишиной и свирепым сорокаградусным морозом.

Так угарно и бурно отпраздновала карагандинская зима свое вступление на царство в этих степных широтах.

VI

А морозы стояли теперь такие, что по ночам с канонадным гулом лопались льды на Нуринском водохранилище и звенела, как бубен, растрескавшаяся от стужи земля.

Застывал бетон.

Каменщики мучились с замерзающим на морозе известковым раствором. Руки мастеровых людей — бетоноукладчиков и арматурщиков — коченели даже в надежных шерстяных рукавицах. Землекопы с великим физическим напряжением врубались теперь в окаменевший, словно скрепленный цементным раствором, грунт.

Вместе с тем, несмотря на героические штурмовые усилия всего многотысячного коллектива строителей, производительность и бывшие темпы строительства, сравнительно с летним периодом, заметно ослабевали. А ведь близились сроки ввода в эксплуатацию мартеновского цеха и запуска в производство первой мартеновской печи. Всем руководящим работникам строительства было ясно, что без дерзкого вмешательства технической мысли в этот жестокий и непреложный режим природы нельзя было рассчитывать на успех дела.

И вот снова железная алгебра расчета, острый рационализаторский ум технической интеллигенции, природная смекалка простых рабочих — весь арсенал производственного опыта, все было мобилизовано на решение новых сложных задач.

Еще раньше, когда встал вопрос об ускорении монтажа восьмитонных металлических конструкций корпуса мартеновского цеха, строители решили использовать для этой цели паропутевой кран. К счастью, нашлись инженеры и техники, имевшие уже некоторый опыт подобных монтажных работ при помощи этого крана на строительстве Магнитогорского металлургического гиганта.

Под непосредственным техническим руководством этих людей внутри мартеновского цеха были проложены мон-

тажные железнодорожные пути. Пути эти проходили в непосредственной близости от монтажа колонн цеха и подкрановых балок. Кран, двигаясь по рельсам, поднимал громадные металлические конструкции и затем водружал их на подготовленные фундаменты. Точно таким же способом монтировались позднее и металлические конструкции другого, прокатного цеха.

А теперь, когда жестокие сорокаградусные морозы угрожали сковать былой размах строительства и сорвать темпы монтажа металлических конструкций первой мартеновской печи, строители прибегнули к комбинированной помощи двух кранов — паропутевого и крана «Деррик».

Производственный эффект от такого способа монтажа печи был немалый. Все монтажные работы и в цеху и в печи были произведены в два раза быстрее, чем это было предусмотрено по графику стройки.

Но ни на каких иных строительных участках не отражаются столь пагубно свирепые сибирские морозы, как на рытье траншей и котлованов, на кладке кирпичных стен, на бетонных и железобетонных работах. Обычно в строительной практике при производстве в зимних условиях земляных или железобетонных работ, над рабочими местами, как правило, сооружаются временные помещения — тепляки.

— Но мы не могли пойти на такую роскошь, — признается заместитель главного инженера Константин Дмитриевич Голубев. — Для этого у нас не было ни лишних рабочих рук, ни строительного материала, ни времени...

Поэтому пришлось искать другой выход.

И выход был найден.

Константин Дмитриевич Голубев совместно с некоторыми другими инженерами, ранее работавшими на строительстве уральских заводов, вспомнил об опытах электропрогрева почвы. Впрочем, не только почвы. Один из инженеров подсказал, что можно наладить электропрогрев всех бетонных и железобетонных конструкций. А в таком случае, следовательно, с успехом можно обойтись и без тепляков.

— И мы обошлись без них, — подтверждает главный инженер Григорий Алексеевич Гарбер. — Обошлись без тепляков, сэкономив при этом не одну тысячу кубомет-

ров леса, сотни рабочих рук. А главное — выиграли время. Время!

— Как же именно?

— А делалось это так, — поясняет Григорий Алексеевич. — По соседству с рабочими местами мы устанавливали трансформаторы. Затем через электрокабель производили прогрев бетонных и железобетонных конструкций. При укладке же крупных массивов бетона мы применяли периферийный прогрев.

— Что значит — периферийный?

— Извольте, доложу и про это. При периферийном прогреве бетонированной площадки устанавливались электроды. Обнаженная часть конструкций накрывалась камышитовыми матами или засыпалась опилками. Надо прямо сказать — не примени мы в предыдущую и минувшую зимы прогрев почвы — нам бы не справиться с громадным объемом земляных работ. Вы представляете, сколько надо затратить землекопу мускульной энергии для того, чтобы вынуть при сорокаградусном морозе один кубометр грунта? И притом — какого грунта! Местная земля, скованная морозом, — кремень: ударишь ломом — искры летят...

В конце осени сорок четвертого года строители сдали уже в эксплуатацию полный комплекс подсобных промышленных предприятий. К этому времени работали уже на полную мощность кирпичный и шлакоблоковый заводы с производительностью до 6 миллионов кирпичей в год тот и другой.

Одновременно введен был в действие крупный механический завод с его многочисленными цехами по цветному, чугунному и электростальному литью. Здесь изготавливались сложные технические детали к некомплектному оборудованию мартеновского и прокатного цехов, эвакуированному сюда.

Работали мастерские по изготовлению комплекса основных узлов деревянных конструкций — оконных переплетов, дверных коробок, потолочных щитов.

Введены были в эксплуатацию к этому времени и мастерские по капитальному и среднему ремонту строительных механизмов. С открытых на Нуре каменных и песчаных карьеров начал поступать по железнодорожной ветке на строительную заводскую площадку щебень, камень, песок. Словом, база для широкого разворота строитель-

ства основных промышленных объектов была теперь налицо, и руководителям новостройки дышалось уже, можно сказать, несколько легче...

VII

Во второй половине лета сорок четвертого года началось строительство мартеновского цеха с пятью его печами и громадным трехэтажным бытовым корпусом, в котором должны были разместиться пищеблоки и души, заводские лаборатории и конторы начальников цехов. А спустя несколько месяцев, в канун нового сорок шестого года, был завершён монтаж первой мартеновской печи и весь мартеновский цех был сдан металлургам в эксплуатацию.

Этот воистину великий, неповторимый и яркий праздник строителей Казахского металлургического завода был ознаменован таким глубоко волнующим событием, о котором с понятной гордостью говорят до сих пор в Темир-Тау решительно все: руководители строительства и землекопы, инженеры и плотники, техники и прорабы.

Таким событием была телеграмма, полученная строителями завода из Кремля. В ответ на рапорт строителей и эксплуатационников Казахского металлургического завода о сдаче в эксплуатацию первой мартеновской печи, Председатель Совета Народных комиссаров Союза ССР товарищ Сталин писал:

«Поздравляю строителей и монтажников Казметаллургстроя и работников Казахского металлзавода с окончанием строительства и вводом в действие мартеновской печи № 1. Благодаря самоотверженному труду строителей и монтажников, в трудных условиях военного времени успешно осуществляется строительство первого металлургического завода в Казахской ССР. Желаю Вам успехов в деле скорейшего завершения строительства Казахского металлургического завода — базы для дальнейшего развития индустриализации Казахской республики.

Председатель Совета Народных Комиссаров
Союза ССР *И. Сталин.*»

Эти простые, полные отеческой теплоты и проникновенности поздравительные слова вождя запомнились на всю жизнь участникам новостройки.

И на многотысячном митинге строителей, монтажников и эксплуатационников, после оглашения сталинского поздравления, в этот торжественный и незабываемый час, поднялся на импровизированную трибуну мастер стахановских методов труда бетоноукладчик Даку Абдиев.

— Товарищи!— проговорил глухим от волнения голосом Даку Абдиев.— Я никогда не говорил речей, и я не оратор. Но сегодня за меня говорит мое сердце. Оно говорит мне о том, что не зря ты, степной человек Даку Абдиев, обучился у русских мастеров ремеслу строителя! Не зря ты трудился потом, когда застывал у тебя на морозе бетон и огнем горело ознобленное твое лицо и немели от стужи пальцы... Ты здесь строил с твоими товарищами первый мартен, ты в поту был и в жар и в мороз, и хороший хабар о тебе и твоих товарищах дошел до Кремля. Как же нам ответить на доброе слово великого человека? И сердце мое подсказало мне так — жарким трудом, огневой работой! Такой работой, чтобы Сталин сказал про нас: «Молодец к молодцу строители в Темир-Тау. Огонь — не ребята! Хороший народ. Верю, хороший построят завод. Хорошая будет сталь в Казахстане!»

Таким самобытным, непосредственным и взволнованным словом ответил за всех строителей на приветственную телеграмму вождя бригадир бетоноукладчиков Даку Абдиев.

А на утро вышел Даку со своей бригадой на каменную кладку фундамента корпуса прокатного цеха.

Стоял морозный и мглистый январский день. Неяркое солнце тонуло в дыму поземки. Мороз был такой сухой и жестокий, что все затруднительней становилось дышать, а еще трудней — разговаривать. Впрочем, не до разговоров было. В такую пору — знай разворачивайся.

И ребята Даку Абдиева, приучившись понимать своего бригадира с полуслова, работали без суеты, наредкость проворно, решительно, четко, слаженно. Никто из них не заметил даже, как минул в жарком и спором деле этот недолгий январский день и строительную площадку озарили яркие рефлекторы. В железных лесах новостройки заводила свои вечерние песни готовая к ночному разгулу выюга.

Но вот прозвучал сигнал, извещающий о конце рабочего дня. А спустя несколько минут на участке промышленного строительства все уже знали о новой победе бригады Даку Абдиева, и инструктор стахановских методов труда, старый мастер каменной кладки Укен Турмагамбетов горячо пожимал руку молодому бригадиру Даку Абдиеву.

Вместо двенадцати квадратных метров кладки по норме уложила бригада Даку Абдиева в этот морозный и мглистый январский день втрое больше—тридцать шесть.

Это был рекорд!

Триста процентов!

Так ответила бригада Даку товарищу Сталину на деле. И так затем продолжала работать эта бригада изо дня в день, из месяца в месяц

VIII

Телеграмма вождя вдохновила строителей и монтажников на новые трудовые подвиги. Она закаляла волю и мускулы. Она окрыляла техническую мысль инженеров в их новых творческих расчетах, дерзаниях и поисках. Она согревала сердца простых рабочих людей, тронутых добрым сталинским словом.

По ночам снова лопались с орудийным грохотом льды на Нуринском водохранилище и рвалась от морозов гулякая, как бубен, земля. Снова снежные ураганы бушевали над новостройкой завода и города металлургов, забивая снегами траншеи, обрывая провода и угрожающе раскачивая под арматурщиками и каменщиками подвесные строительные леса.

А трудовой пульс строительства бился теперь еще напряженней, чем прежде. Так в январские дни сорок пятого года, в дни всеобщего трудового подъема, в дни лютой стужи и штормовой пурги начался над сопками Темир-Тау второй тур развернутой индустриальной битвы за казахстанскую сталь.

В эти дни приступили бригады каменщиков, бетонщиков и арматурщиков к строительству гигантского корпуса прокатного цеха — красы и гордости Казахского металлургического завода.

Все выше и выше поднимались обтянутые арматурной

сетью лесов стены громадного корпуса прокатного цеха. А там, внутри этого грандиозного каменного сооружения, ни на минуту не затихала уже железная музыка монтажников. Под аккомпанемент пневматических молотов звучали неумолчные напевы электросварки и автогена.

Могучий паровой кран, двигаясь взад и вперед по железнодорожному полотну, проложенному внутри цеха, легко поднимал громоздкие восьмитонные стальные конструкции и бережно устанавливал их затем на железобетонные основания. То шел сложный монтаж прокатного стана «400».

Рядом с монтажниками соревновались строители на быстрейшее сооружение сложной подачи заводу промышленного воздуха, пара и воды. Подготавливая энергетическую базу для прокатного и других заводских цехов, электромонтажники прокладывали траншейный кабель. Бригады арматурщиков и бетоноукладчиков, соревнуясь между собой, спешили с установкой многочисленных железобетонных колонн у методических печей прокатного цеха. Одновременно велись подготовительные работы к монтажу самых сложных узлов прокатного агрегата — обжимной линии.

И все это делалось в стенах корпуса, лишенного еще потолочных перекрытий. Монтаж шел под открытым небом, на морозе, на сквозящем через неотделанные дверные и оконные проемы ветру.

На монтаж стана «400» стали рядом со старыми, опытными мастерами и молодые их подмастерья — вчерашние выпускники ремесленных училищ и школ фабрично-заводского ученичества. Это были целые бригады любознательных, озорных и шустрых ребят. Опытные монтажники на первых порах не очень-то доверчиво косились на этих юрких и шумных ребятишек. А некоторые старые мастера про себя ворчали:

— Ну и исполнение в нашем полку, товарищи, — один смех и грех чисто...

— С такими подмастерьями только в бирюльки играть!

— Факт.

— Вот и попробуй с этим рабочим классом досрочно закончить монтаж! Скандал, понимаешь, один у нас может получиться с такими помощниками, а не стахановская работа...

Однако, поворчав между собою, мастера не выдали своего недовольствия ребятишкам. Ведь каждому было известно, что рассчитывать на иные квалифицированные руки в те дни было немыслимо. И любо там было некоторым из старых мастеровых людей или нелюбо, а приходилось мириться и с этой оравой безусых монтажников.

— Ну-с, орлы!— крикнул появившимся в цеху ребятишкам бородатый и кряжистый монтажник Федор Егорович Завалов.— Стало быть, монтажники?

— Так точно. Ими называемся... — отрапортовал по-военному самый маленький ростом, но самый бойкий на вид Алеша Павлов.

— Ого, храбрый ты на словах!

-- Не из робких...

--- Вижу... А вот каков на деле — посмотрю.

— Это правильно, — живо и весело согласился Алеша.— Заранее хвастать не стану. А придет наше время— убедитесь фактически.

— То-то... В таком разе я вам вот што скажу, монтажники!— сделав ударение на последнем слове, но без тени усмешки или иронии, проговорил старый мастер, обращаясь уже теперь ко всем окружающим его ребятам.— Назвались, говорится, груздями — марш в кузов! Знаете такую русскую поговорку?

— Знаем! Известно...— хором ответили ребята.

— А знаете — еще лучше... Тогда и лясы нам зря точить с вами нечего. Одно скажу. Кто из вас прилежность в деле покажет — тому и слава и похвала налицо. А за худую работу, лодырей и неуков — вон из цеху!.. И потом — в рабочее время не озоровать. Вы уже есть теперь рабочий класс. Не малые баловни. Ясно?

— Вполне...

— Не маленькие...

— Понимаем,— откликнулись несколько озорных и задорных юношеских голосов.

Тогда, немного помолчав, мастер проговорил еще более серьезно и строже:

— А затем такое еще у меня к вам, ребята, прошение... Нам, монтажникам, прокатный стан срочно надо на ноги ставить. Мартен уже на ходу. Сталь варится. Пора и о прокате заводу думать. Мы без вас тут твердое слово товарищу Сталину по телеграфному проводу дали. Заверили: закончим монтаж стана «400» досрочно... И вот

к вам какое мое прошение. Давайте, ребята, единой рабочей грудью совместно с нами за это слово стоять. Хоть вы под той телеграммой подписи и не ставили, а перед Сталиным все мы в ответе!

— Это факт — все в ответе, — подтвердил баском слова старого мастера Алеша Павлов.

— Правильно? Все? — спросил мастер юных монтажников.

— Точно!

— Все, как один! — дружно ответили ребята.

— Тогда и речь моя кончена. Расходись, рабочий класс, по местам. И — за дело, — скомандовал старый мастер.

И ребята, расставленные бригадами по рабочим местам, горячо, со свойственным им азартом, взялись за работу.

Между тем строгие и требовательные бригадиры, ревниво и зорко приглядываясь к молодежи, вскоре убедились, что с освоением монтажной техники справлялись ребята неплохо и день ото дня работали лучше. Получив отличную производственную практику на строительстве первой мартеновской печи, они не проявляли уже теперь былой растерянности и ученической робости даже на сборке самых сложных узлов прокатного агрегата. С профессиональной хваткой и смелостью опытных мастеров работали они на монтаже линии обжима, а в темпах и высоком классе монтажных работ некоторые из новичков не отставали теперь уже от людей большой технической зрелости — хозяев производственного процесса.

Монтаж стана «400» явился превосходной практической школой обогащения технического кругозора молодежи. Молодые монтажники настолько быстро и хорошо освоили под руководством старших своих товарищей всю технологию производственного процесса, что руководство монтажными работами вскоре согласилось с комсомольской организацией строительства на создание самостоятельных комсомольско-молодежных бригад монтажников.

Так возникли прославившиеся впоследствии комсомольско-молодежные бригады товарищей Диордиева, Кашковского и Иванова. Все эти бригады в течение года изо дня в день выполняли двойные нормы на монтаже прокатного оборудования. А имена бригадиров и молодых стахановцев Алеша Павлова, Ахмета Мамедова, Клима

Бурунова и многих других их сверстников и товарищей по работе не сходили с доски почета.

Стремление молодых патриотов к техническому совершенству зародилось в горячих сердцах еще там, в стенах фабрично-заводских и ремесленных училищ. Но с предельной остротой и яркостью это благородное патриотическое стремление юношей выразилось здесь, на производстве. Молодежь воочию видела теперь высокий класс мастерства старшего поколения производственников, прошедших большую школу за годы сталинских пятилеток на строительстве многих металлургических заводов нашей Родины. И каждому из юных патриотов хотелось одного — как можно скорее овладеть в совершенстве передовыми методами труда.

Молодым арматурщикам и монтажникам, слесарям и бетонщикам хотелось стать такими же подлинными хозяевами производственного процесса, какими чувствовали себя на своих рабочих местах передовые люди строительных и монтажных работ — старшие их товарищи. Разве не по-хозяйски вел себя за своим станком слесарь ремонтного блока Иван Бирюков?! Ведь это он, в совершенстве овладев технологией холодной обработки металла, довел норму расточки подшипников для рольгангов прокатного стана до рекордной цифры — 800 процентов за смену!

Так два поколения строителей сталинских пятилеток — молодое и старшее, — взаимно поддерживая друг друга в нелегкой борьбе за первенца черной металлургии нашей республики, стойко и мужественно выдержали все испытания, через которые суждено им было пройти за годы войны вместе со всем героическим и бессмертным советским народом.

В любую погоду воздвигали каменщики Укена Турмагамбетова гигантские корпуса заводских цехов. Одновременно с каменщиками бетоноукладчики Даку Абдиева уложили около 14 тысяч кубометров бетона. Отважные монтажники смонтировали под руководством инженера Г. А. Кононова тысячи тонн сложнейших механизмов маргеновского и прокатного цехов. Арматурщики бригадира Г. Полякова изготовили сотни тонн арматуры. А монтажники стальных конструкций, возглавляемые инженером С. М. Мамыкиным, установили тысячи тонн металлических ферм и уложили несколько тысяч тонн бетона.

В конце мая сорок шестого года строительство прокатного цеха было закончено.

IX

С утра 26 мая 1946 года в громадном пролете прокатного цеха собрались строители и монтажники завода. Все они хотели быть свидетелями ввода в действие стана «400».

По-праздничному принарядившиеся, необычайно возбужденные, но в то же самое время и внутренне собранные люди стояли шпалерами вдоль путей обработки проката. Затанув дыхание, все ждали необычайной и торжественной минуты запуска в прокат первой болванки стали, сваренной молодым казахским сталеваром Алтынбеком Дарибаевым, — первым сталеваром Казахстана в первой казахстанской мартеновской печи!

Рядом со строгим попрежнему, но словно помолодевшим в эту минуту монтажником Федором Егоровичем Заваловым стояли самые юные его помощники по монтажу прокатного стана, неразлучные друзья — Саядилъ Органбаев и Алеша Павлов.

И вот, когда в четверть десятого был включен, наконец, по команде начальника цеха рубильник и в цехе тотчас же возник грозный, стремительно нарастающий гул, — Алеша Павлов, крепко стиснув руку старого монтажника, торжествуя закричал.

— Ур-ра! Пошла-а! Поо-ехалаа!

А минуту спустя все присутствующие в цехе монтажники и строители увидели, как стан, пришедший в движение, принял в свою стальную челюсть раскаленную в методической печи стальную болванку и, пропустив ее через вал обжима, выдал вальцовщикам первую пятиметровую балку. Следом за первой вылетела вторая. Затем — третья, четвертая, пятая...

Девятнадцатилетние казахские вальцовщики Алымбек Уйсинбаев и Жакан Койшигулов, привычно ловкими и стремительными движениями вооруженных огромными клещами рук, перехватывали гибкие и стройные тела.

Глядя на превосходную, полную решимости и отваги работу молодых казахских прокатчиков, строители и монтажники думали в эту минуту о том, что в надежные руки доверительно вручили они великолепную эту машину. Все

присутствующие в цехе видели, как чудовищной мощью прокатного стана столь, казалось, легко, непринужденно и просто управлял со своими сверстниками девятнадцатилетний казах из Тастака Алымбек Уйсинбаев.

Но немногие знали о том, что все эти молодые люди не далее, как два года тому назад, были колхозными пастиухами, конюхами и лобогрейщиками в Алма-Атинском сельском районе и Северо-Казахстанских степях. Далеко не все из присутствующих при пуске стана «400» знали и о том, какую суровую и благородную школу прошли эти ребята на Урале — родине русской черной металлургии. Именно там обучались они сложному и трудному своему искусству у потомственных русских металлургов Магнитки, Тагильского и Серовского металлургических заводов.

В те дни, когда Казахский металлургический завод оживал только на ватмане в чертежах и проектах, сотни казахских юношей были отправлены на крупнейшие металлургические заводы страны для освоения профессии металлургов. Это была трудолюбивая и любознательная, изумленно смотревшая на мир колхозная молодежь, впервые покинувшая пределы своих скотоводческих и сельскохозяйственных районов. Ни один из этих семнадцатилетних ребят никогда не видел большого завода. И немногим из них удалось до этого побывать даже в своем областном городе.

И понадобилось проявить в процессе долгой учебы много терпения, смекалки, сноровки и смелости для того, чтобы вырасти степным колхозным ребятам вот в таких отважных вальцовщиков и прокатчиков, какими они выглядели теперь, орудуя около стана «400» на родном своем Казахском металлургическом заводе.

Стан, снабженный стремительно движущимся конвейером шлепперов и рольгангов, подающих раскаленные болванки к прокату, работал отлично. Отлично орудовали около этой могучей машины и молодые хозяева — первые казахские мастера проката.

— Ну как, товарищ Бакет, — обратился к директору Казахского металлургического завода секретарь Темир-Тауского горкома партии Василий Васильевич Шепелев, — гарантируешь выполнение годовой программы?

— С таким оборудованием и с таким боевым народом — да, безусловно! — ответил директор, не сводя своих глаз с прокатчика Жакана Койшигулова.

Но не только директору — всем приятно было смотреть на этого смуглолицего сына казахстанских степей, который смело и уверенно нес свою первую трудовую вахту у первого в Казахстане прокатного стана!

Х

Ввод в действие стана «400» был большим событием и в жизни сталеваров Казахского металлургического завода в Темир-Тау. За полуторагодовую эксплуатацию мартеновской печи они выдали десятки тысяч тонн стальных болванок. Часть этой продукции мартеновского цеха была отгружена для проката на уральских металлургических заводах, значительная часть лежала на заводских складах в ожидании сдачи в эксплуатацию своего прокатного оборудования. Как бы ни хороша была сталь, которую с успехом варили теперь молодые казахские сталевары, — лабораторный анализ свидетельствовал о высоком качестве их продукции, — однако стальные болванки — ведь это, в сущности, только полуфабрикат, а не готовая продукция.

Между тем каждому сталевару хотелось увидеть, когда, наконец, отлитые им болванки пройдут все стадии обжига в прокатном стане и в виде уже готовых изделий различного профиля будут отправлены на новостройки республики.

И вот день, которого с таким волнением ждали вместе со всем коллективом строителей и монтажников и мартеновцы, настал. Прокатчики, пустив в обработку болванки, начали выпуск высококачественной готовой продукции. Профессиональное чувство гордости молодых казахских металлургов было теперь обоснованным: металлургический завод с завершённым циклом передельного производства вступил в действие. Составы железнодорожных платформ, загруженных стальными рельсами и балками, двинулись с заводской площадки в адреса многочисленных новостроек республики.

База для дальнейшей индустриализации Казахстана, о которой говорилось в поздравительной телеграмме товарища Сталина, была теперь налицо. Республика начала получать сталь и прокат собственного производства.

— Теперь можно было сказать, что молодые сталевары нашего завода с честью выдержали испытание на тех-

ническую зрелость. Они научились варить сталь отличного качества,— вспоминая об этом периоде в жизни Казахского металлургического завода, говорит начальник мартеновского цеха Евгений Иванович Шевцов.

Кто же эти молодые сталевары? Инженер Евгений Иванович Шевцов познакомил меня с одним из этих людей.

— Алтынбек Дарибаев, первый сталевар Казахстана! — рекомендует инженер очень скромного, почти застенчивого казахского юношу.

В отлично сшитом костюме из серого шевита, в сорочке светлого тона с полурасстегнутым воротником, молодой человек скорее всего был похож на десятниклассника или на студента. Но никак не вязался весь его внешний, очень скромный и очень юный облик с нашими представлениями об образе сталевара.

До сих пор нам было известно, что профессия сталевара — одна из сложных и тонких профессий в черной металлургии. И овладение этой профессией требует от человека не только технической его зрелости. Как правило, на старейших металлургических заводах хозяевами мартеновских и доменных печей до сих пор являлись пожилые, умудренные производственным и жизненным опытом мастера сталеварения и выплавки чугуна. И, как правило, врожденная любовь к этому тяжелому, отважному, творческому труду передавалась такими мастерами из рода в род, из поколения в поколение, по наследству.

Недаром же история русской отечественной металлургии насчитывает немало фамильных династий прославленных металлургов.

Сталеварение, как и выплавка чугуна,— искусство. А всякое искусство, помимо профессиональных навыков, требует от человека — и это прежде всего — раскрытия его творческой индивидуальности в труде, которому он себя посвящает.

Знаменитый русский металлург академик М. А. Павлов, посвятивший полвека своей научной деятельности изучению процессов сталеварения и выплавки чугуна, в своих превосходных «Воспоминаниях металлурга» пишет, что даже и теперь, полвека спустя, ему «хотя в мартеновской печи и все видно, но не все еще ясно». Вот почему нередко бывает так, что при самом строжайшем соблюдении всех технологических правил сталеварения одна

плавка проходит удачно, а другая — с капризами, с браком, с выходом на некоторое время из строя мартеновской печи.

Все это хорошо знают старые сталевары. И у каждого из них есть свои методы и свои приемы изучения режима мартеновской печи. Эти методы и приемы старых мастеров являются результатом их большого производственного опыта и того особого чутья, которое развивается в мастерере с годами. Хороший, опытный сталевар не только видит, что делается в мартене, но он «чувствует и слышит» дыхание печи, безошибочно определяя, когда сталь «доходит».

Но одно дело — старый мастер.

А перед нами стоял девятнадцатилетний юноша Алтынбек Дарибаев, имя которого с гордостью произносят сейчас на Казахском металлургическом заводе как имя талантливого мастера сталеварения.

Как же смог этот скромный и как будто не совсем расторопный на вид юноша овладеть в таком раннем возрасте столь высоким и сложным искусством?

— Учился,— скромно и скупко отвечает Алтынбек Дарибаев.

— Где же?

— На Урале. В Ревде.

— Старейший завод?

— О да! — оживленно восклицает молодой металлург.— Старейший завод. С большими хорошими производственными традициями. И мастера там замечательные. Мировые. У таких людей нельзя было не научиться...

— Как же вы попали туда?

— Мне повезло. В сорок четвертом году я был командирован в числе пятисот казахских ребят на металлургические заводы Урала и Кузбасса для изучения сталелитейного дела и проката.

— Вы хотели стать металлургом?

— Я заканчивал в Шаульдерском районе, Южно-Казахстанской области, десятилетку и не знал еще толком, какую же мне избрать профессию... Случай помог. И за это я всю жизнь буду говорить спасибо нашему казахскому правительству. В Ревде я впервые в жизни увидел металлургический завод. И скрывать не стану — долго не мог побороть в себе первое время чувства страха перед мартеновской печью. Да, я боялся ее огня. Смешно теперь

вспоминать об этом. Но это было так. У меня ноги подкосились, когда я увидел первую плавку. Когда из мартена забила струя расплавленного металла, я с перепугу спрятался за завалочную машину. Но потом меня поразила храбрость разлильщиков, и я тут же подумал, что если они не боятся, то не буду бояться и я...

— Вот так просто и решили?

— Да. Просто решил. Но не так-то просто это вышло затем на деле...— признается все с той же смущенной улыбкой Алтынбек Дарибаев.— На Ревдинском заводе меня поставили вторым дублером по заправке мартеновской печи. Заправка производилась механическим способом — завалочной машиной. Обязанности мои поэтому были несложные — помочь дублеру открыть во время люк перед заправкой мартена, а затем, когда заправка заканчивалась, — закрыть его. Но на первых порах для меня и обязанности подручного дублера были большим испытанием. Тут я, можно сказать, прошел первое крещение огнем. Ведь не так-то легко и просто без навыка подбежать вплотную к открытому люку мартена, если в печи бушует море огня при температуре в тысячу семьсот градусов!..

— Ну, тут вы уже не очень робели?

— Нет, трусил я тут еще долго, если говорить правду... Трусил, но вида уже никому не подавал. А потом и сам не заметил, как чувство страха перед печью, огнем и расплавленной лавой металла у меня постепенно исчезло. И смешно сейчас вспоминать и говорить о нем...

— И долго вы были вторым подручным дублера?

— Восемь месяцев, — совсем уже другим, деловитым и строгим тоном солидного и уверенного в себе человека заговорил вдруг теперь молодой сталевар Алтынбек Дарибаев.— За это время я не только привык к мартену, но и полюбил его. В этом мне помогло мое увлечение химией. В десятилетке я был первым учеником по химии. Поэтому мне легче было разобраться в технологическом процессе сталелитейного дела. Я понимал, какой химический процесс происходит на моих глазах в мартеновской печи, заправленной железным ломом, доломитом и магнезитом. Но самое главное — я научился уходу за печью. А в умелом уходе за печью — весь секрет сталевара.

— Да, да. Именно в этом секрет — в уходе за печью, — подтверждает слова молодого сталевара инженер Евге-

ний Иванович Шевцов.— Ведь при малейшем недосмотре сталевара всю плавку можно опустить в под, а это — катастрофа. Печь может на недели, а то и на месяцы выйти из строя. Немало бывает таких аварий и у знаменитых талантливых сталеваров—мастеров нашей отечественной металлургии. Но нашего Алтынбека от подобных катастроф и аварий бог избавил.

— Не бог избавил, а Алексей Михайлович Решетников! — полушутя, полусерьезно поправил Алтынбек инженера.

— А это кто такой?

— О, это золотой человек! Золотое сердце. Золотые руки! — с явным волнением заговорил Алтынбек. — Алексей Михайлович Решетников — потомственный сталевар Ревдинского завода. Он ведет свою родословную от прадеда, работавшего на знаменитых демидовских заводах Урала. И я горжусь тем, что этот старый русский мастер сталелитейного дела был моим учителем. На всю жизнь сохранил я в душе сыновнюю мою благодарность к этому замечательному сталевару и человеку! Это не мастер — чудесник! Пятьдесят три года проработал он у мартеновских печей. И вот этот человек учил меня не только видеть, но и «слушать и чувствовать» печь. Я учился у него понимать язык закипающего в мартене металла и безошибочно определять время плавки. Я понимаю — мне далеко еще до высокого мастерства старейшего ревдинского сталевара. Ведь он, хоть и полуграмотный человек, а профессор своего дела! Я же — пока только его ученик... — скромно признается Алтынбек Дарибаев.

Да, это был пока ученик. Но это был одаренный ученик талантливого потомственного металлурга!

Вернувшись из Ревды на Казахский металлургический завод, Алтынбек Дарибаев очень скоро зарекомендовал себя очень способным, творчески растущим и технически обогащающимся практиком-металлургом. Вот почему, проработав сравнительно недолгое время сначала подручным сталевара, он занимает потом место его первого дублера. А в июне сорок шестого года приказом дирекции завода Алтынбек Дарибаев назначается уже на высокий и ответственный пост сталевара.

Таким образом, в историю молодой казахской металлургии имя Алтынбека Да-

рибаева входит как имя первого казахского сталевара.

Между тем полтора года тому назад судьба пущенной в эксплуатацию первой мартеновской печи глубоко волновала и тревожила начальника мартеновского цеха Евгения Ивановича Шевцова. Ведь к моменту ввода в действие первого мартена на заводе не было ни опытных сталеваров, ни сифонщиков, ни разлильщиков, ни канавщиков — мастеров ведущих профессий в металлургии. Правда, начали возвращаться с заводов Урала восемнадцатилетние казахские юноши, прошедшие там недолгую производственную практику и учебу. Сумели ли, однако, эти колхозные ребята освоить квалификацию мартеновцев в столь небывало короткий срок? В надежные ли руки вручили строители и монтажники эту первую мартеновскую печь?

Но тут на помощь молодому заводу пришел Наркомат черной металлургии. По приказу Наркомата для практического инструктажа юных казахских металлургов в Темир-Тау прибывает с разных концов страны несколько отличных мастеров сталелитейного дела. Сталевары Иван Прядко и Николай Набоков приезжают из Белорецка. Из Петровск-Забайкальска прибывают на завод лучшие мартеновцы — Митрофан Федорович Аверьянов, Иван Павлович Филимонов, Илья Авксентьевич Разумов. Из города юности — Комсомольска — на помощь молодым сталеварам Казахстана прибывает прославленный сталевар Приамурья Никанор Фомич Гусев.

Первая плавка, произведенная под руководством специалистов, прибывших с других заводов, прошла удачно. Но вот настали трудовые заводские будни по выдаче заказной стали. Мартеновский цех должен был теперь, не допуская аварий, выдержать плановые коэффициенты по расходу мазута, чугуна, магнетита и других материалов. И вот тут-то, в процессе своего производственного роста и становления мастерства, познали молодые казахские металлурги немало трудностей, горьких неудач и суровых испытаний.

Теперь греха таить нечего, бывали на первых порах у начинающих сталеваров и такие черные дни, когда, например, расход мазута на одну тонну выплавленной стали доходил временами до двух тонн. А мартеновская печь то и дело требовала ремонта подины, что порождало про-

стой, большой перерасход магнетитового порошка, а стало быть, и невыполнение плана по выплавке стали...

Между тем по тому, как тяжело переживали эти свои неудачи, и по тому, как горячо и самоотверженно трудились в цеху молодые казахские металлурги, можно было уже надеяться, что все эти неизбежные, в конце концов, трудности роста и становления технической зрелости сталеваров будут успешно преодолены.

— Мы верили в творческие возможности наших молодых сталеваров и разливщиков. И мы не ошиблись в этом, — сказал мне парторг ЦК ВКП(б) на Казахском металлургическом заводе тов. Исаканов.

Надо заметить, что дирекция завода сразу же встала на правильный путь решительного и смелого выдвижения молодых казахских металлургов на руководящие посты в производстве. Все должности бригадиров и рабочих ведущих профессий, начиная от сталеваров и кончая канавщиками, были распределены между казахской молодежью. Бывший подручный, а затем дублер сталевара Алтынбек Дарибаев становится первым сталеваром Казахстана. Сверстник Алтынбека Дарибаева — Абдрахман Турганов занимает пост мастера литейного пролета. Их товарищи по производственной учебе на Урале — комсомольцы Мажит Сарсенбеков, Нургали Ниязбеков, Утей Избаев и многие другие выдвигаются дирекцией завода на ответственные посты машинистов электрокранов и других обслуживающих цеховых механизмов. Этот смелый шаг дирекции завода был дальновидным и умным мероприятием. Молодые казахские металлурги, окрыленные оказанным им доверием, решили доказать на деле свое желание и умение работать.

И они доказали это!

XI

Теперь, на шестом году эксплуатации мартеновских печей и прокатных станов, Казахский металлургический завод добился огромных успехов в освоении высот социального производства. Особенно плодотворным в работе завода был четвертый год послевоенной стальной пятилетки. В минувшем 1949 году заводской коллектив не только досрочно завершил годовую программу по выпуску проката и стали, но и значительно перевыпол-

или свои обязательства, взятые в письме металлургов Урала и Востока товарищу Сталину.

Напряженная творческая работа молодых казахских сталеваров и прокатчиков сказалась на улучшении технико-экономических показателей завода. Применение более совершенных процессов плавки стали, сокращение нормативов расхода металлов, топлива и электроэнергии, переход всех заводских цехов на хозяйственный расчет и многие другие мероприятия, успешно проведенные на заводе, — все это обеспечило молодому промышленному предприятию в 1949 году около 10 миллионов рублей сверхплановых накоплений.

В социалистическом соревновании за досрочное выполнение послевоенной сталинской пятилетки выросла и окрепла производственная активность металлургов. За последние два года на заводе нашли широкое применение скоростные плавки стали. Инициаторами этих скоростных плавков явились передовые сталевары, в совершенстве освоившие сложную профессию металлургов на казахском металлургическом заводе, — Алтынбек Дарибаев, Искандер Валеев, Абу Абалдуллаев и некоторые другие их друзья и товарищи по профессии. Сокращение каждой плавки на два-три часа стало в обычае этих талантливых молодых мастеров черной металлургии. Достаточно сказать, что за минувшие два последних года — 1948 и 1949 годы — на заводе было проведено свыше 500 скоростных плавков стали. А вес каждой плавки теперь увеличен на одну пятую. Особенно высоких производственных показателей добились сталевары смен Алтынбека Дарибаева и Афанасия Соснина. Обе смены этих замечательных мастеров еще в начале 1949 года выполнили пятилетние задания по производству стали и сэкономили по полтора миллиона рублей каждый.

Внедрение скоростных плавков на Казахском металлургическом заводе позволило резко увеличить сейчас съём стали с одного квадратного метра пода печи и перекрыть проектную мощность мартеновских печей.

Борьба за выполнение обязательств, принятых металлургами Темпр-Тау в социалистическом соревновании, потребовала огромного напряжения физических, творческих и интеллектуальных сил всего заводского коллектива, горячо и вдохновенно взявшегося за усовершенствование производственных процессов. Сейчас, на пятом году пос-

левоенной пятилетки, на заводе уже реализовано немало крайне важных организационно-технических мероприятий. В мартеновском цехе, например, наращивание разливочного ковша позволяет теперь увеличивать вес каждой плавки, как правило, на пятнадцать-двадцать процентов.

Сейчас в прокатном цехе завода значительно улучшена конструкция сводов нагревательных печей. После установки вентиляторов высокого давления производительность нагревательных печей повысилась на восемнадцать-двадцать процентов и полнее стал загружаться нагревыми болванками прокатный стан. Вследствие ускорения процесса нагрева металла количество его проходов через обжимные клетки прокатного агрегата уменьшилось. И теперь бригады лучших прокатчиков — Жакана Койшигулова и Николая Каныгина — катают за смену свыше четырехсот слитков стали. Могучие челюсти прокатного агрегата, схватив добела раскаленный слиток стали, сжимают со страшной силой болванку, вытягивая ее в шестидесятиметровый огненный жгут. Изменение на обжиме ускорило процесс проката стали и дало возможность мастерам проката уже в первые месяцы четвертого года пятилетки работать в счет 1950 года.

Проектная мощность прокатных агрегатов сейчас здесь значительно перекрыта. Талантливые инженеры-новаторы гг. Андреященко, Дюмин, Малыков, Бесчастный, используя богатейший производственный опыт стахановцев, много сделали оригинальных и смелых шагов в области усовершенствования прокатного оборудования. Так, например, по инициативе этих инженеров на методической печи введена специальная сигнализация. Намного сокращено, как указывалось выше, количество проходов горячих слитков на линиях обжима. Изменена калибровка обжимных валов. На обжимной клетке установлены направляющие гребешки, благодаря чему резко облегчился труд вальцовщиков и столь же резко снизилась теперь выход брака.

Весь инженерно-технический коллектив завода работает сейчас в тесном творческом контакте с передовыми рабочими, мастерами скоростных плавки и проката. Введение почасового графика работы прокатного цеха сразу же сказалось на повышении производительности труда. Повысилась ответственность каждого прокатчика за строжайшее соблюдение технологии. А это привело к тому,

что весь коллектив рабочих прокатного цеха теперь стал стахановским.

Ежедневно на заводе проводятся так называемые оперативки — селекторные совещания. На этих легучих оперативных совещаниях с начальниками мартеновского, прокатного, механического, литейного, электроремонтного и других цехов директор завода тов. Бакст подводит итоги суточной работы завода. В конце октября 1949 года директор завода, заслушав по селектору короткие деловые отчеты начальников цехов, в заключение сказал:

— А теперь могу вас порадовать, друзья, неплохими вестями. По подсчетам наших плановиков и экономистов, наш завод выдал уже проката и стали гораздо больше того, сколько было запланировано. Не плохая победа, товарищи?!

— Еще бы!

— Есть чем гордиться!

— Молодцы у нас сталевары!

— А прокатчики — настоящие богатыри! — зазвучали наперебой в селекторе возбужденные и взволнованные голоса начальников цехов.

— Это правильно, товарищи. Богатыри у нас прокатчики и сталевары. Богатыри! — подтвердил столь же возбужденный и радостный директор.

А через мгновение эти крылатые вести облетели уже все заводские цеха и все жилые кварталы юного города металлургов. На досках показателей социалистического соревнования, в боевых листках-молниях металлургии читали и перечитывали цифры и факты крупных побед всего заводского коллектива. То и дело там и тут звучали одни и те же разговоры:

— Слышал, прокатчики отличились сегодня!

— Это смена Петра Чекалова?

— Конечно, он со своими орлами — вальцовщиками.

— У него ребята — один к одному. Как черти, ловко работают у него Касым Нурбеков и Толсбай Сатыбалдиев. Посмотреть на них любо!

— Ну, и сталевары тоже сегодня дали жизни. Алтынбек Дарибаев выдал полтора суточных плана!

— А Нахреддин Убайдуллаев тоже не отстает от своего молодого учителя — Алтынбека. Он вчера также снял стали с одного квадратного метра больше, чем ему полагается.

— Классная работа — ничего не скажешь.

— Вот именно.

— Научились ребята работать. Молодые, а и другим старым нашим мастерам пить дадут! — сказал с восхищением, прищелкнув языком, потомственный сталевар Федор Петрович Терехов, прибывший на Казахский металлургический завод с Кузнецкого гиганта черной металлургии.

Творческая мысль инженерно-технической интеллигенции и передовых рабочих — новаторов производства направлена на дальнейшее улучшение и усовершенствование технологического процесса. Разработав немало новых организационно-технических мероприятий, трудовой коллектив Казахского металлургического завода добился в начале 1950 года больших производственных побед в скоростных плавках и в дальнейшем увеличении съема стали с каждого квадратного метра пода.

Прежде в мартеновском цехе нередко случалось так, что плавка стали, начатая в одной смене, заканчивалась в следующей. Это снижало ответственность сталеваров и за ускорение сроков плавки и за качество стали. Но в начале 1949 года, по инициативе начальника этого цеха инженера Николая Ивановича Шевцова, был детально продуман и разработан новый, уплотненный график работы смен. Этот новый график, построенный на опыте передовых стахановских методов труда, сразу же дал блестящие результаты. Теперь по новому графику каждый сталевар ведет свою плавку от заправки печи до разлива стали в изложницы. При этом, разумеется, предусматривается и значительное сокращение сроков плавки.

Сталевары Темир-Тау соревнуются за широкое внедрение скоростных плавок в повседневную производственную практику. И многие из них, такие, например, мастера, как Искандер Валеев, Алтынбек Дарибаев и Федор Ващенко, варят сталь на 1 час 45 минут быстрее, чем полагается по норме. Все они увеличили теперь съем стали с каждого квадратного метра пода мартеновской печи на пятнадцать-двадцать процентов по сравнению с 1948 годом.

Горячо откликнулись металлурги Темир-Тау на патристический почин москвичей. Пораскинув умом, подсчитав свои силы и возможности, заводской коллектив изыскал новые резервы для того, чтобы давать большие production

на каждый рубль оборотных средств. Довольно значительные суммы были получены за счет ускорения оборачиваемости оборотных средств и за счет сокращения остатков готовой продукции, скопившейся на заводских складах.

Лицевые счета сверхплановой продукции у передовых рабочих в Темар-Тау теперь не редкость. За Алтынбеком Дарибаевым и Искандером Валеевым — лучшими сталеварами Казахского металлургического завода, открывшими такие счета, пошли десятки мастеров стахановской плавки и проката стали.

Главный инженер завода тов. Орлов рассказывает:

— Мы добились снижения себестоимости тонны стали на сорок два рубля. Это — большая победа всего нашего заводского коллектива — сталеваров и прокатчиков, инженеров и техников, стахановцев, новаторов производства. Довольно внушительную сумму дополнительных средств получили мы за счет снижения себестоимости производства стали.

Главный инженер приводит проценты снижения себестоимости продукции и сокращения брака. Это — цифры. Но цифры стали сильнее слов; за ними — живые люди, люди смелых творческих поисков и дерзаний, вдохновенные мастера новаторского, самоотверженного труда.

Зримые приметы торжества нового в этом юном городе металлургов угадываются во многом, и прежде всего — в трудовых буднях огромного заводского коллектива. Так, например, число рационализаторских предложений, сделанных рабочими и инженерно-техническими работниками, увеличилось в 1949 году в десять раз по сравнению с 1948 годом. Изо дня в день повышается в заводских цехах культура производства. Изо дня в день увеличивается количество скоростных тяжеловесных плавки стали и количество сверхплановой выдачи проката. Изо дня в день молодые казахские металлурги повышают свою сложную квалификацию в кружках научного инженерно-технического общества. Сталевары и прокатчики, литейщики и электрики охотно обмениваются друг с другом опытом внедрения передовых стахановских методов в своем производстве. В большой заводской библиотеке никогда не залеживаются новинки технической литературы: они ходят по рукам талантливых мастеров и подмастерьев — патриотов родного завода. Сталевары Искандер Валеев и Алтынбек Дарибаев ведут оживленную дружескую

деловую переписку со знатными сталеварами Узбекского металлургического завода — Максимом Харченко и Гафуром Гилязетдиновым.

Коллективы этих двух молодых металлургических заводов — Казахского и Узбекского — соревнуются друг с другом. Почти ежедневно приходят в адрес металлургов Темир-Тау письма из города Беговата — нового промышленного центра Узбекской республики. Недавно начальник смены сталеваров Казахского металлургического завода Афанасий Соснин сообщил начальнику смены сталеваров Узбекского завода Гафуру Гилязетдинову, что его смена выполнила пятилетнее задание по уровню выплавки стали и что многие сталевары Темир-Тау перекрывают теперь плановые показатели 1950 года.

Но есть чем порадовать казахских друзей и узбекским сталеварам. В одном из последних своих писем к Искандеру Валиеву Гафур Гилязетдинов сообщает, что сталевары его смены перешли на одновременное обслуживание двух мартеновских печей и успешно осваивают их мощности.

Недавно на Узбекском металлургическом заводе в городе Беговате побывала делегация казахских металлургов. А узбекские сталевары затем приезжали в Темир-Тау. Длительная деловая переписка друзей завершилась живым непосредственным творческим общением новаторов социалистической индустрии и принесла немалую пользу тому и другому заводу.

На товарищеской встрече молодых металлургов двух братских республик, посвященной итогам соревнования двух первенцев черной металлургии, Алтынбек Дарнбаев сказал, обращаясь к узбекским друзьям по профессии:

— Мы молоды с вами, товарищи, как молоды оба наших завода. А у всякой молодости есть одно золотое качество — будущее. А наше будущее — это коммунизм. Мы — вчерашние казахские пастухи и вы — бывшие узбекские садоводы, научились у потомственных русских металлургов большому и почетному искусству — сталелитейному делу. И мы по праву гордимся и дорожим любимой нашей профессией — профессией первых казахских и узбекских сталеваров. Можно смело сказать, что наша учеба на металлургических гигантах Урала и Сибири пошла нам впрок; и нам не придется краснеть при встрече перед нашими замечательными русскими учителями —

мастерами плавки высокосортных сталей и богатырями проката Магнитки и Кузнецкого комбината. За это говорят высокие производственные показатели в социалистическом соревновании наших двух молодых заводов — Казахского и Узбекского. За это говорят наши скоростные тяжеловесные плавки. За это говорят доблестные успехи наших прокатчиков. Но нам еще многому надо учиться у первоклассных русских мастеров-сталеваров. И я верю — мы многому еще научимся и никогда не посраим чести родных нам заводов! Русская отечественная металлургия знавала в прошлом и знает сейчас немало славных династий прославленных мастеров сталеварного дела. Мы, молодые металлурги первенцев черной металлургии Казахстана и Узбекистана, являемся родоначальниками будущих и наших фамильных династий мастеров черной металлургии коммунизма! — заключил Алтынбек Дарибаев свою речь под дружные, горячие аплодисменты металлургов двух братских народов.

Прощаясь с металлургами Темир-Тау, узбекский сталевар Гафур Гилязетдинов спросил у Алтынбека:

— А как насчет одновременного обслуживания одной сменой двух мартенов?

— Не беспокойся, Гафур, этим вашим опытом мы, конечно, воспользуемся. Об этом у меня уже был душевный разговор с ребятами моей смены. Все, как один — за, — заявил в ответ Алтынбек Дарибаев.

Пахреддин Убайдуллаев в свою очередь напомнил узбекским друзьям о внедрении скоростных плавков:

— Здесь вы продолжаете пока от нас отставать, дорогие товарищи. Скоростные плавки на нашем заводе стали теперь уже правилом. А у вас они пока — исключение.

— Это правильно. Тут нам придется держать равнение на вас, — согласился первый узбекский сталевар с самым молодым сталеваром Казахского металлургического завода.

А спустя около двух недель после отъезда узбекских металлургов, в Темир-Тау получено было коллективное письмо сталеваров смены Гафура Гилязетдинова, адресованное Пахреддину Убайдуллаеву. В этом письме узбекские сталевары писали:

«Дорогие друзья!

Рады сообщить вам, что после возвращения нашей делегации из Темир-Тау большинство сталеваров Узбекско-

го металлургического завода перешло на скоростные тяжеловесные плавки. Мы широко воспользовались стахановским опытом ваших передовых сталеваров и добились уже не плохих результатов. Путем наращивания разливочного ковша мы теперь, как правило, увеличиваем вес каждой плавки от пятнадцати до двадцати процентов. Наши сталевары Гафур Гилязетдинов и Максим Харченко варят сталь за 7 часов при большой экономии мазута. Пишите нам, дорогие товарищи, о своем житье-бытье, про свои стахановские дела и про свой завод. А мы с ответами не задержимся».

В ответ на это письмо узбекских друзей темиртауские сталевары в своем письме писали металлургам Беговату:

«Очень порадовали вы всех нас своими успехами, дорогие соседи. Похоже на то, что если кто-нибудь из наших ребят чуть зазевается, вы, пожалуй, и обставить можете нас по скоростным и тяжеловесным плавкам. Ну что же, это хорошо. Придется тогда поздравить вас как победителей в нашем соревновании. Но мы постараемся, как говорится, лицом в грязь не ударить, и знамя своих рук не выпускать. Спасибо и вам, дорогие друзья, за совет, за науку насчет одновременного обслуживания двух мартеновских печей. После отъезда вашей делегации в Беговат мы тоже дремать тут не стали. Первыми застрельщиками в этом деле были у нас Алтынбек Дарibaев и Афанасий Соснин. Оба они уже провели несколько односменных обслуживаний двух мартенов. Первый блин не был комом. Сталь в той и другой печи была сварена за 7 часов, а с каждого квадратного метра пода обоих печей было как всегда снято стали на двадцать процентов больше против нормы. Сейчас вслед за Алтынбеком и Афанасием Сосниным начинают переходить на односменное обслуживание двух мартенов и другие сталевары Темир-Тау».

В этой замечательной переписке молодых металлургов двух первенцев черной металлургии Казахской и Узбекской республик раскрываются новые черты и душевные качества рядовых советских людей — строителей коммунизма. В этой творческой дружбе казахских и узбекских сталеваров, прошедших отличную школу на крупнейших металлургических гигантах нашей отечественной металлургии, отражается наша сегодняшняя социалистическая действительность и завтрашний день коммунистич-

ческих отношений людей к своему благородному, светлому, радостному труду. В строках этих писем, написанных трудолюбивыми руками вчерашних пастухов и мирабов, ныне мастеров высокого класса по выплавке и прокату стали, ощущается взволнованное, горячее дыхание подлинных советских патриотов, кристальная чистота изумительных их душ, трепетный, теплый свет их крылатых сердец, преданных Родине, Сталину, партии и всегда готовых на новые трудовые подвиги во имя прославления социалистического отечества, во имя торжества коммунизма в нашей стране.

Алтынбек Дарибаев, Афанасий Соснин, Пахреддин Убайдуллаев, Еркен Марашев, Петр Чекалов и десятки, сотни других металлургов Темір-Тау — все они своим творческим отношением к труду являют яркий пример высокой сознательности. Все они — люди сталинского склада, сталинской закалки, сталинской эпохи. Своим трудом у бушующих мартенов и у грохочущих в заводских цехах прокатных агрегатов они учат дерзать и творить в работе. Это — герои нашей социалистической промышленности. Это — богатыри молодой казахской металлургии. Это — бойцы послевоенной сталинской пятилетки. Это — новаторы, смело ломающие давно устаревшие технические нормы и прокладывающие новые пути в технологии производства.

ХИ

Чувство нового и чувство товарищеского локтя объединяет с передовыми рабочими металлургического завода и его техническую интеллигенцию — талантливых инженеров и одаренных техников — командиров производства. В любое время дня и ночи можно увидеть в жарком мартеновском цеху высокую, подвижную фигуру начальника цеха инженера Евгения Ивановича Шевцова. Впрочем, он меньше всего похож здесь на начальника в обычном понимании этого слова. По внешнему облику, по повадкам, по разговору, по манере держаться среди окружающих его людей так же просто и непринужденно, как просты и непринужденны эти люди. — Евгений Иванович ничем как будто не отличается от рядовых сталеваров. Не отличается он от этих людей и по своей внутренней сущности. Ибо он живет одними интересами со

всем этим новаторским, творческим коллективом мастеров сталелитейного дела. И сила этой глубокой производственной дружбы между начальником цеха и сталеварами кроется как раз в общности их интересов, в их стремлении к новому, к творчеству, к созиданию.

— Как бы блестяще не был образован в техническом отношении инженер-металлург, но если он утратит кровную связь с рабочим коллективом — грош цена его блестящему техническому образованию, — резонно замечает Евгений Иванович.

И это неоспоримо. Только опираясь на стахановскую трудовую практику передового рабочего коллектива, сможет талантливый инженер с наибольшей полнотой раскрыть свое техническое дарование.

В завязавшемся между нами разговоре на эту тему главный инженер завода тов. Орлов сказал:

— Мы не столько учим таких сталеваров, как Алтынбек Дарибаев или Искандер Валеев, сколько сами учимся у них.

И тут же главный инженер припомнил к слову такой случай. Однажды — это было в канун открытия IV съезда коммунистической партии большевиков Казахстана, в марте 1949 года — начальник мартеновского цеха Е. И. Шевцов доложил главному инженеру о затруднительном положении с шихтой. Мартеновский цех взял обязательство выполнить двухмесячную программу 1950 года к открытию съезда партии. Между тем габаритного лома для загрузки мартенов хватало не более, чем на три дня. Допускать же неполную загрузку печей было, разумеется, невозможно. Обо всем этом, как всегда, начальник цеха поделился со сталеварами. И тут все стали ломать головы — как найти выход? Откуда добыть шихту? Ведь немислимо же было мартеновцам вдруг оказаться не хозяевами своего слова. О срыве обязательств, данных съезду казахстанских большевиков, не могло быть и речи. Все это твердо знали. И потому весь коллектив сталеваров крепко задумался вместе с Евгением Ивановичем Шевцовым, вместе со всей дирекцией и партийно-комсомольской организацией завода.

В просторном кабинете директора завода тов. Бакста собрались коммунисты. Директор коротко доложил обстановку, спросил, как быть.

Первым взял слово Е. И. Шевцов.

— Выход из положения имеется. Его мне сегодня подсказали в цеху сталевары,— сказал Евгений Иванович.

— А именно? — нетерпеливо перебил начальника цеха директор.

— Ребята правильно заметили, что на заводской площадке замуровано под снегом несколько тысяч тонн стального скрапа. Мы, стало быть, можем с успехом использовать этот скрап и мартеновские «козлы». Вот вам — простой выход из положения.

— Да, выход более или менее вероятный,— сказал директор.— Скрапа на заводской территории мы, конечно, можем собрать немало. Но как быть с габаритом?

— И тут есть выход,— живо отозвался главный механик тов. Арешкович.— Если смонтировать радиально-сверлильный станок, то все будет в порядке. Просверлив в «козлах» шурфы и заложив в них взрывчатку, мы, таким образом, можем взорвать негабаритные куски на части, которые можно будет затем пустить на завалку в мартеновскую печь.

— Это дело, товарищи. Это, действительно, выход! — заключил директор.

— Правильное предложение.

— Иного не придумаешь...

— Задачу можно считать решенной,— откликнулось несколько ободряющих голосов участников этого летучего совещания.

Тут же кто-то напомнил и о том, что на заводской площадке под снегом, кроме того, найдется немало и габаритного лома. Его только следует откопать — и заваливай сразу в печь!

— Тоже дельное предложение! — сказал директор.

А на другой день, несмотря на разыгравшуюся пургу, сотни заводских рабочих вышли на заводскую площадку и, вооружившись лопатами, горячо принялись за раскопку стального и чугунного лома.

Работа была не из легких. Шквальная снежная буря буквально сбивала с ног. Мороз свирепел. Но народ Темир-тау — тертый, каленый; его ни огнем, ни лютой стужей не проймешь. Работали ребята зло и весело. И к концу дня восемь вагонов вырытого из-под снега драгоценного габаритного лома были разгружены в шихтарнике мартеновского цеха. Победа была одержана. Мартены получи-

ли, как обычно, полную загрузку габаритным ломом. И сталевары, вставшие на предсъездовскую вахту, сдержали слово, данное казахстанским большевикам.

Эпизод, рассказанный главным инженером завода тов. Орловым, весьма характерен как яркий пример тесного творческого содружества между рабочим коллективом завода и инженерно-техническими силами. Это один из многих примеров, свидетельствующих о том, что наша советская техническая интеллигенция, вышедшая из народа, плечом к плечу, локоть в локоть с рабочим классом творит великое дело строительства коммунистического общества.

Так живет и работает многотысячный дружный талантливый коллектив молодого Казахского металлургического завода в таком же молодом и так же бурно растущем городе с железным именем — Темир-Тау!

ХIII

Таковы цифры и факты. Таков непрерывный рост производственных показателей по всем основным цехам Казахского металлургического завода.

Но ведь все эти цифры убеждают железной логикой расчета не только в росте производственных показателей, но и в стремительном техническом прогрессе молодых казахских металлургов. И в этом главное, если учесть, что среди рабочих ведущих профессий завода девяносто пять процентов казахской молодежи. Эти девятнадцатилетние молодые люди — сталевары и разлившники, прокатчики и вальцовщики, электромеханики и машинисты внутрицеховых агрегатов — основная движущая сила завода. И только благодаря самоотверженному труду, мастерскому освоению своих профессий и высокому уровню технической зрелости этих молодых людей достиг завод таких показателей в производстве проката и стали.

В мартеновском и прокатном, в механическом и литейном цехах и на шихтовом дворе завода работают сотни таких молодых людей — пионеров казахстанской металлургии. Это люди одного возраста и одной судьбы. Несмотря на творческие индивидуальности и разницу профессий, все это поколение молодых казахских металлургов роднит почти одинаковая у всех у них биография.

И достаточно рассказать о любом из них, чтобы вынести обобщенное представление о характере, производственном и патриотическом облике многих.

Облик же первого казахского сталевара комсомольца Алтынбека Дарибаева обобщает в себе лучшие качества молодого советского поколения. Вот он, скромно, опрятно, со вкусом одетый юноша сидит в кабинете парторга завода и без позы, рисовки и хвастовства спокойно и просто рассказывает о себе, о мастерской работе своих сверстников. Он влюблен в свою сложную, творческую профессию и влюблен в свой завод. В сияющих глазах его горит огонек здорового и хорошего юношеского задора. Он почтительно встает, когда в кабинет входит директор завода тов. Бакет с инженером Е. И. Шевцовым, начальником мартеновского цеха. Он многим интересуется: атомной энергией и принципом устройства ракетных двигателей, новинками казахской и русской литературы и итогами футбольного сезона в Алма-Ате. Он спрашивает о том, как можно ему заочно изучать английский язык и как пишутся книги. И обо всем этом ему хочется узнать вот сейчас же, немедленно, не сходя с места...

Но совсем другим человеком выглядит Алтынбек Дарибаев в своей рабочей спешковке, на своем рабочем месте в цеху. Тут уже ему не до расспросов, не до разговоров. Весь внутренне собранный, строгий и сосредоточенный, стоит он около мартена и, не спуская своих пронзительных, слегка прищуренных глаз, наблюдает сквозь небольшое окошечко в стене печи за кипящей в ее утробе сталью. Чуть позади его, в тех же напряженных и сосредоточенных позах, стоят его дублеры и подручные. А вокруг печи, подобно часовым на торжественном карауле, выстроились разлившники, канавщики, сифонщики. Все внимание этих молодых металлургов сосредоточено сейчас на их непосредственном начальнике — комсомольце Баймане Турганове — мастере разливочного пролета. А сам мастер не спускает в свою очередь глаз со сталевара Алтынбека Дарибаева.

В цеху стоит глухой, напряженно вибрирующий гул. Это гудит мартеновская печь. Это поет сталь, закипая в огнеупорной утробе мартена. Веселые, злые, ослепительно яркие пузырьки начинают все выше и выше под-

прибивать над расплавленной, грозно и бурно колеблющейся внутри печи массой металла.

Приближается самая волнующая, самая ответственная минута, когда сталевар подает взлетом своей руки безмолвную команду дублерам, подручным, канавщикам и разливщикам приготовиться к выпуску плавки.

Напряжение нарастает с каждой секундой. Глухой, вибрирующий гул мартена начинает стремительно возрастать, достигая предельной силы.

И вот рука сталевара взлетает вверх. И по одному этому безмолвному, призывному и властному жесту Алтынбека Дарибаева мгновенно приходят в движение десятки доселе неподвижных людей.

Вооруженный огромной металлической штангой, мастер разливочного цеха Байман Турганов стремительно бросается к мартену и прямым, расчетливым, сильным ударом штанги пробивает «летку» — окошко над огнеупорным жолобом.

Этот удар требует от мастера не только большой физической силы, но и огромного профессионального навыка, стремительной, почти автоматической реакции в тот момент, когда расплавленная лава металла, прорвавшись сквозь пробитое в мартене отверстие, хлынет наружу, и мастеру надо успеть с артистической ловкостью увернуться из-под огненного фонтана, молниеносно ударившего из печи.

Байман Турганов проделывает всю эту мгновенную операцию классически. И нельзя не залюбоваться в эту минуту атлетической силой этого юноши, его решимостью и отвагой.

Пробив дорогу металлу, Байман Турганов отскакивает в сторону. Он делает это на какую-то, быть может, долю секунды прежде того мгновения, когда мощная струя клокочущей стали начинает бить из мартена, осыпая его каскадом ослепительных, жарких искр.

Поэма огня!

Кипящая лава металла растекается по изложницам, и затем, со временем остывая в них, превращается в готовые для проката стальные болванки.

Разлив стали по изложницам продолжается всего несколько минут.

И пока бригада разлильщиков Баймана Турганова хозяйничает с изложницами, наполняя их расплавленной и

бурлящей сталью, сталевар Алтынбек Дарибаев стоит тем временем у открытого люка печи и внимательно приглядывается к обнаженной ее подине. Опытным, натренированным оком мастера он приглядывается к каждому кирпичу, стараясь обнаружить в огнеупорной утробе мартена какие-либо изъяны. Но все в полном порядке! Сталь выдана высокого качества и во-время. Печь не нуждается даже в заправке порошков. Можно дать команду дублеру о подготовке завалочной машины к новой заправке.

И Алтынбек Дарибаев дает такую команду.

Затем, когда его дублеры и подручные приступают к загрузке мартена железным ломом, Алтынбек отходит в сторону и наблюдает за загрузкой мартена.

XIV

В тысяча девятьсот сорок седьмом году Казахский металлургический переделный завод заверченного цикла вступил в строй действующих индустриальных предприятий Союза.

В широкой, творчески осмысленной и умной пропаганде политического значения послевоенной сталинской пятилетки ощущается благотворное влияние партийной организации завода. Как в годы войны, так и теперь, в обстановке мирного времени, вся практическая работа партийного комитета зиждется на одной идейной основе — воспитании у рабочего чувства ответственности перед народом и любви к Родине.

Парторг ЦК ВКП(б) на заводе тов. Исаканов человек не кабинетный. Большую часть своего рабочего времени он проводит в цехах. В заводских цехах работают тысячи людей. Это люди не одной судьбы и не одинаковой душевной организации. А между тем он, партийный руководитель, не только знает в лицо почти каждого сталевара, прокатчика или дублеров того и другого, но может раскрыть перед вами и их биографии, рассказать об индивидуальных особенностях, о слабостях и достоинствах любого вальцовщика или каменотеса, арматурщика или мастера литейного пролета.

Только в результате столь непосредственной организационной связи с рабочими массами удалось руководителю партийной организации завода найти такие живые и

яркие, доходчивые и увлекательные формы идейного воспитания, которые нельзя выдумать за канцелярским столом — они могут быть продиктованы только самой жизнью.

Вот почему пропаганда грандиозных задач пятилетки нашла свое выражение здесь не только в изобилии пресловутых, отлично запоминающихся и со вкусом оформленных лозунгов, диаграмм, плакатов, но и в иных многочисленных и разнохарактерных формах.

Тематические вечера вопросов и ответов сочетаются тут с индивидуальными беседами о пятилетнем плане с металлургами. Молодые сталевары, собравшись зимним вечером на квартире Алтынбека Дарибаева, горячо и взволнованно обсуждают с первым казахским мастером сталелитейного дела жгучий вопрос о снижении себестоимости тонны стали. Всем им уже известно, что пятилетний план предусматривает это снижение на семнадцать с половиной процентов. Но не всем еще ясно, что нужно сделать для того, чтобы добиться такого производственного эффекта.

И парторг ЦК ВКП(б) на заводе тов. Исаканов, мимоходом заглянув на квартиру знатного казахского сталевара, незаметно включается в эту беседу. Отлично разбираясь в технологии производства, он обстоятельно, толково и просто рассказывает молодым металлургам о том, что снижение себестоимости стали может быть достигнуто только благодаря повышению производительности труда и уменьшению расхода мазута — этого драгоценнейшего в металлургии топлива.

И вот в итоге этой, как бы случайной товарищеской встречи сталеваров в гостеприимном доме Алтынбека Дарибаева молодые металлурги начинают понимать, какое значительное место занимают они в движении всего заводского коллектива, включившегося в борьбу за выполнение боевых задач новой сталинской пятилетки.

Мастер разливочного цеха Байман Турганов и формовщик Асылкан Каликов, как и все остальные их друзья и товарищи по работе, знают теперь, что, помимо выполнения производственной программы по выплавке стали, на них лежит забота о наименьшей затрате труда и материала на единицу готовой продукции. Таким образом, проблемы производительности труда и себестоимости волновали уже не только дирекцию и партийную орга-

низацию металлургического завода, но и рабочих ведущих профессий.

Партийные работники и инженеры, учителя городских школ и директора промышленных предприятий — все культурные силы молодого города Темир-Тау принимают активное участие в пропаганде политического значения сталинской пятилетки. Директор завода тов. Бакст, секретарь Темир-Тауского горкома партии Василий Васильевич Шепелев и другие выступают перед металлургами с докладами и лекциями о пятилетке.

Партийная организация завода росла и крепла в процессе строительства. Коммунисты занимали и занимают ведущую роль на самых трудных и самых ответственных участках строительства и эксплуатации завода. Члены партии — знаменитый рекордсмен бетоноукладки Даку Абдиев и инструктор стахановских методов труда Укен Турмагамбетов воспитали сотни каменщиков, арматурщиков и бетоноукладчиков — мастеров высокого класса. Эти прославленные бригадиры-коммунисты личным примером самоотверженного и высококвалифицированного труда вдохновляли строителей на героические подвиги в суровые дни войны.

А успешным выполнением и перевыполнением плановых заданий по выплавке стали молодые казахские сталевары во многом обязаны членам партии — начальнику мартеновского цеха Евгению Ивановичу Шевцову и начальнику смены Николаю Ивановичу Безотосному. Эти два глубоко образованных инженера-металлурга, возглавив соревнование сталеваров за досрочное выполнение программы пятилетнего плана, помогают молодым казахским металлургам в повышении их технической зрелости и в освоении профессионального мастерства в технологии производственного процесса.

Известные на заводе прокатчики комсомольцы Жакан Қойшигулов и Алымбек Уйсинбаев формируются в мастеров проката под руководством молодого коммуниста, опытного металлурга, начальника цеха инженера Ивана Петровича Дюмина. Именно с помощью этого знатока прокатного дела удалось молодым казахским металлургам добиться в кратчайшие сроки блестящих результатов в промышленном освоении сложнейшего прокатного оборудования стана «400».

Коммунисты занимали и занимают ведущие роли

среди мегаллургов, приступивших к эксплуатации введенных в действие агрегатов.

Большую помощь в благородной и многогранной работе по идейному воспитанию заводских рабочих оказывают партийной организации комсомольцы. Здесь работает около семидесяти комсомольско-молодежных бригад. И на строительстве города Темир-Тау и на эксплуатации завода нет таких комсомольско-молодежных бригад, которые бы не перевыполняли производственных заданий.

Заслуженной и громкой славой овеяны многие имена молодых бригадиров и членов этих бригад. Имя знаменитой комсомолки Зои Дурницыной знает многотысячный заводской коллектив Темир-Тау. Эта юная и отважная девушка, в совершенстве овладев тремя профессиями, выполняет производственное задание на 300 процентов за смену. Молодые рабочие из бригады комсомольца Федя Степурина заняли третье место во всесоюзном соревновании комсомольско-молодежных бригад, и за самоотверженную работу получили Почетную грамоту Центрального Комитета ВЛКСМ. А каждый из членов бригады, которой руководит комсомолец Иван Диордиев, дает, как правило, свыше двух норм за смену, и в надежных руках держат эти ребята переходящее Красное знамя, по праву завоеванное ими.

И не только в самом Темир-Тау, но и далеко за пределами его шумит высокая и светлая слава о знаменитой мотористке металлургического завода Валентине Шелест и станочнице Анне Рожковой, об арматурщице Николае Полякове и сварщице Иване Никитине. В ногу с жизнью; в ногу с передовыми людьми завода — коммунистами идут эти юноши и девушки.

— В личном примере коммуниста, в его самоотверженном труде, — говорит парторг ЦК ВКП(б) тов. Исаканов, — кроется сила и действенность политического и производственного воспитания рабочих. За годы строительства нашего завода здесь воспиталось несколько тысяч строителей и эксплуатационников высшей квалификации. И большая роль в этом воспитании принадлежит коммунистам.

Впереди — решение технических задач бытового строительства самого юного индустриального города республики.

Вольно и молодо раскинулись строгие кварталы Темир-Тау на берегу гигантского Нуринаского водохранилища.

Сейчас уже металлурги получили свыше сорока тысяч квадратных метров жилой площади в новых, отлично оборудованных коттеджах и многоквартирных домах. Превосходный летний кинотеатр, построенный в городском парке Темир-Тау, мог бы быть украшением любого столичного парка. Четыре великолепных по своей внешней и внутренней архитектурной отделке школы-десятилетки подарили строители детям юного города. Свыше четырех тысяч школьников начинают теперь каждый новый учебный год в чудесных, полных света, тепла и воздуха классах, где пахнет мелом и масляной краской и где солнечные блики отражаются в полированных крышках парт.

Черты этого нового индустриального города металлургов сказываются во многом. Их видишь в строгой планировке асфальтирующихся улиц, в ослепительной белизне коттеджей, в свежей зелени молодого городского парка, в простоте и изяществе архитектурного облика монументальных многоэтажных жилых домов и в изобилии электрического света, щедро залившего заводские цеха, жилые дома и улицы. И в трубных звуках заводских сирен, в грохоте прокатных станков, в ровном и мощном гуле турбогенераторов и мартеновских печей звучит над карагандинской степью великая индустриальная симфония нового промышленного очага Казахстана.

По вечерам в просторной четырехкомнатной квартире Алтынбека Дарибаева нередко собираются теперь друзья — сталевары и прокатчики, электрики и литейщики с родного завода. Большинство из них — сверстники Алтынбека, товарищи не только по совместной работе в цехах, но и по совместной учебе на старейших металлургических заводах Южного Урала. Частые гости Алтынбека Дарибаева — сталевары Искандер Валеев, Нахреддин Убайдуллаев и Еркен Марашев, прокатчики — Нурбек Телебаев и Жакан Сатыбалдиев. Все они — люди одного поколения и одной судьбы. Биографии всех этих молодых людей несложны и, в сущности, одинаковы. Все они вышли из рядовых колхозных семей. Все до поступления на Казахский металлургический завод росли, учились, воспитывались в колхозных аулах. Одни из

них окончили семилетку, другие — среднюю школу. Все они — воспитанники комсомола, а теперь — члены коммунистической партии.

Собираясь вместе в часы досуга, эти жизнерадостные, весьма энергичные, зачастую просто, по-юношески озорные молодые люди представляют из себя довольно шумную, веселую компанию.

Народу в квартире Алтынбека собирается иной раз немало. Но у гостеприимного хозяина и его столь же приветливой, расторопной и аккуратной молодой хозяйки места хватает для всех, и ни один из зашедших на огонек друзей не скучает в этой уютной квартире без дела. Одни играют в шашки и шахматы. Другие занимаются коллективным разбором очередной главы из «Краткого курса Истории ВКП(б)». Третьи развлекаются состязанием в виртуозной игре на домбре. Четвертые возятся с превосходным девятиламповым радиоприемником Алтынбека, кочуя по радиостанциям нашей великой Родины.

А чаще всего молодые друзья, собравшись в кружок в одной из уютных комнат хозяина, коротают время за душевным, взволнованным разговором о самом дорогом, самом близком их горячим и юным сердцам — о родном заводе. Стоит только одному из них заикнуться о технологии выплавки стали или проката, как тотчас же, слово за словом, в беседу включатся все присутствующие.

Так было и в этот праздничный вечер, когда мы, приглашенные Алтынбеком, сидели в кругу его друзей за чашкой густого и ароматного чая, сдобренного сливками, и мирно болтали о том-о сем.

Яркий электрический свет, смягченный голубым шелковым абажуром, озарял большой круглый стол, накрытый ослепительно белой скатертью и в изобилии заставленный угощениями. Весело пофыркивал кипящий никелированный самовар. Из настроенного на алма-атинскую волну радиоприемника лилась негромкая трепетная и светлая мелодия «Казахского вальса» — пела народная артистка Союза ССР Куляш Байсентова.

Разговор на этот раз зашел между молодыми сталеварами о книге академика Павлова «Воспоминания металлурга».

— Замечательный старик! Замечательная книга! —

сказал Алтынбек Дарибаев. — Я всю ночь просидел — читал не отрываясь.

— Очень интересная книга. Мы все ее должны прочитать, — оживленно откликнулся Искандер Валеев.

— Правильно пишет старик, что сталеварение — это искусство, — продолжал Алтынбек Дарибаев. — А всякое искусство, кроме трудовых навыков и профессионального мастерства, требует творчества, вдохновения. Вот почему знаменитые русские сталевары, как пишет Павлов, умели и умеют «слушать» мартены и домы — по звукам кипящей стали определять качество и время плавки.

— Это правильно сказано — «слушать печь»! — сказал Пахреддин Убайдуллаев. — Я не читал книги академика Павлова, но сам давно замечаю, что можно по слуху определить, когда «доходит» металл и как начинает петь каждая плавка в печи мартена.

Кто-то из ребят не зло пошутил по адресу Пахреддина Убайдуллаева, припомнив об одной неудавшейся его плавке.

— Теперь все ясно, Пахреддин. Выходит, что слух у тебя неважный. Помнишь, как ты запоролся на двадцать второй твоей плавке?!

— Да, был грех... — признался со смущенной улыбкой самый молодой сталевар Темир-Тау. — Запоролся. «Сыграл в козла». Мне, конечно, еще далеко до таких мастеров, как, скажем, глава знаменитой династии русских металлургов почтенный Иван Григорьевич Коробов. Это же — бог, а не мастер! Но не помучишься — ничему не научишься, как говорится в одной хорошей русской поговорке. Придет время, и я, может быть, научусь так же слушать мартен, как слушает его знаменитый русский сталевар.

— Правильно, Пахреддин. Придет время, и мы заслужим право называть себя обер-мастерами! — поддержал бывшего своего подручного Алтынбек Дарибаев.

Со свойственной ему врожденной скромностью Алтынбек не любил говорить о своих производственных успехах, о бесспорном своем мастерстве в скоростных тяжеловесных плавках. Но отличной работой своих друзей он законно и шумно гордился. Да и как ему было не гордиться бывшим своим подручным Пахреддином Убайдуллаевым, если он на глазах у него вырос в одного из замечатель-

ных на заводе сталеваров, успешно освоившего стахановский стиль работы на трудовой вахте? Ведь Пахреддин был учеником Алтынбека — первого казахского сталевара в республике, в совершенстве владеющего сейчас благородным и сложным своим мастерством, близким к подлинному большому искусству!

До глубокой ночи засиделись мы в этот вечер с друзьями Алтынбека Дарибаева. Все говорило здесь о высоком уровне материальной и духовной жизни обитателей этой квартиры. И строгий порядок со вкусом обставленных комнат. И тюлевые занавески на окнах. И этажерка, битком набитая книгами, где рядом с объемистыми трудами по технологии стали стояли сочинения классиков марксизма-ленинизма Маркса, Энгельса, Ленина, Сталина; и сочинения великих русских мастеров художественного слова — однотомники Пушкина и Чехова, Горького и Льва Толстого; и новинки советской художественной литературы — произведения современных русских и казахских писателей.

После, побывав во многих квартирах металлургов Темир-Тау, мы убедились, что квартира Алтынбека Дарибаева — не исключение, а общее правило. Свыше двухсот тысяч квадратных метров жилой площади получили сталевары и прокатчики с начала 1950 года в новых многоквартирных домах, оборудованных по последнему слову строительной техники. Широко развито здесь и индивидуальное строительство. Сейчас в Темир-Тау выросли целые кварталы очень опрятных и уютных коттеджей с наливными садишками, обнесенными штахетной изгородью, с буйной порослью молодых, но уже окрепших декоративных и фруктовых деревьев под окнами. Эти чистенькие и аккуратные жилые домики индивидуальных застройщиков являются украшением разросшегося за последние годы юного города и придают ему прямым заасфальтированным улицам какой-то особенно обжитый, уютный вид. Получая от государства немалые долгосрочные денежные ссуды и необходимые строительные материалы, металлурги охотно занимаются индивидуальным строительством, возделывая на своих усадьбах превосходные огороды и закладывая фруктовые сады.

Когда между друзьями Алтынбека зашла речь о благоустройстве родного города, сталевар Еркен Марашев сказал:

— Наш город растет, как в сказке, — не по дням, а по часам. Теперь уже даже как-то не верится, что всего четыре года тому назад здесь еще не было ни улиц, ни тротуаров, ни асфальтированных мостовых, ни красивых многоэтажных домов. А сейчас и городской парк культуры разросся — залюбуешься. И десять новых школьных зданий — одно краше другого. И свету на городских площадях и улицах — море.

— Город наш красив сейчас — не похаять. Но еще краше и лучше он будет в будущем, — сказал Алтынбек Дарибаев. — Недавно мне довелось принять участие в обсуждении генерального проекта города Темир-Тау. Не город будет — сказка, дорогие друзья! Один Дворец культуры металлургов чего стоит! А Дом Советов! А Дом техники! А здание Центральной городской библиотеки! А стадион! А трамвайные и троллейбусные линии!

— Тоже нашел чем восхищаться — трамваем! — полшутя, полусерьезно заметил Искандер Валеев.

— А почему бы не восхищаться? Трамвай для нашего города — большое дело.

— Может быть... Но я предпочитаю собственный автомобиль. На первый случай — «Москвич», а потом — «Победа».

— Против собственного автомобиля никто из нас возражать, конечно, не станет. Мы с вами будем, допустим, ездить на завод на собственных машинах. Но найдутся и такие скромные люди у нас в Темир-Тау, которых пока вполне будет устраивать и трамвай, — рассудительно заключил Алтынбек Дарибаев.

Разговор о приобретении собственных автомобилей увлек всех гостей Алтынбека, и они со свойственным юности пылким воображением вновь хором заговорили, заспорили об экономичности «Москвича» и о комфортабельности «Победы». Искандер Валеев тут же поднял вопрос о строительстве общественных гаражей для индивидуального автомобильного парка заводских рабочих.

— Давайте напишем коллективное заявление председателю городского совета товарищу Мухамедьярову, — предложил Искандер. — В самом деле, пора поднять и такой важный вопрос, как постройка общественных гаражей. Ведь в таком гараже легче будет организовать профилактический уход за автомобилями индивидуального пользования.

— Это правильно, Исскандер, — согласился с ним Алтынбек Дарибаев. — Вопрос очень актуальный. Но, по-моему, нам надо поставить его в первую очередь перед дирекцией нашего завода.

— Конечно, перед дирекцией, Алтынбек. Пусть товарищ Бакст позаботится о своих рабочих — владельцах персональных автомобилей, — с живостью отозвалось несколько соучастников этой беседы.

Нурбек Тюлебаев усумнился — не рановато ли говорить об общественных гаражах, если машина еще далеко не у каждого? Но на него ополчились все хором:

— Мы живем не только сегодняшним днем.

— Правильно. Никогда не следует забывать и о завтра.

— Вот именно. Главное — думать о будущем.

...Было уже около трех часов ночи, когда мы с друзьями Алтынбека Дарибаева покинули его полную тепла и света, гостеприимную квартиру. В сопровождении хозяйина мы вышли на залитую электрическим светом, пустынную и непривычно тихую в этот глухой полуночный час городскую улицу.

Город спал. Тихо было на его площадях, на проспектах, скверах, бульварах и улицах. Только где-то поодаль слышался глухой вибрирующий грохот и гул. Это гудела кипящая сталь в огнеупорных утробах мартенов и лягали циклопические челюсти прокатных агрегатов. Сжимаемая стальными зубами раскаленные слитки металла, прокатные станы выбрасывали на рольганги калиброванные огненные жгуты готовой стали самых разнообразных профилей.

Нет, ни днем, ни глубокой ночью ни на минуту не замирает звонкий, четкий пульс напряженной трудовой жизни этого молодого промышленного очага Казахской республики — первенца ее черной металлургии.

Мириады ярко мерцающих в ночи золотых электрических огней, сливаясь со звездами, озаряют многоэтажные жилые дома и гигантские заводские корпуса, просторные городские площади и аллеи молодых парков и скверов Темир-Тау.

Мы шли с друзьями Алтынбека Дарибаева по центральной городской улице, любуясь монументальными

фасадами многоэтажных жилых домов и общественных зданий, строгой планировкой городских кварталов и чистотой залитых асфальтом и обсаженных молодыми деревьями улиц.

Вдруг один из наших спутников — это был сталевар Искандер Валеев — крикнул:

— Смотрите, смотрите, какое зарево! Это смена Соснина жизни дает. Плавку начали.

— Рановато начали, — заметил кто-то из спутников.

— Скоростная! — сказал с гордостью Искандер и, взглянув на ручные свои часы, добавил: — Как всегда, жмут на час сорок пять минут раньше срока. Молодцы соснинцы! Джигиты. Орлы... Орлы!

Мы остановились среди улицы, заглядевшись на голубоватые вспышки огня, запыльхавшего над корпусом мартеновского цеха. Мерцающая в ночном небе то нежно-золотистыми, то багрово-пурпурными, то аметистовыми отблесками и брызгами искр, гигантское огненное зарево, стремительно разрастаясь, вдруг забушевало над заводом, ярко озарив его дымящиеся трубы и корпуса. Было что-то победное, торжествующее в этой озорной игре огненных красок, в неистовом их сиянии в ночи; и мы, стоя с нашими спутниками среди пустынной ночной улицы, не в силах были оторвать восхищенных взоров от этого волшебного ослепительного блеска хлынувшей по изложницам кипящей стали, отраженным огнем которой светилось над ночным городом металлургов высокое звездное небо.

МУХТАР КАПТАГАЕВ

Есть люди, которые с первой же встречи подкупают вас врожденной своей непосредственностью, ярко выраженной самобытностью, глубокой человеческой скромностью, органической простотой и идейной ясностью. Решительно всем тотчас же и безоговорочно располагают они к себе. И доверительно-полузастенчивой улыбкой. И склонностью к легкой шутке. И честным, открытым взглядом. И внешней и внутренней собранностью. И физической и духовной опрятностью. И волевой целеустремленностью, неприметно притаившейся в глубине проникновенных и умных глаз. Даже от случайного, короткого общения с такими людьми долгое время ощущаешь потом тепло их душевного света и с удовольствием вспоминаешь о моральной их чистоте и удивительной цельности их характера. Широко и заслуженно известные на всю нашу страну, люди эти выглядят куда проще, скромнее и будничнее в жизни, в труде и в быту, чем представляли они в нашем воображении до встречи с ними.

К таким людям относится машинист депо Матай Туркестано-Сибирской железной дороги Мухтар Каптагаев, ныне избранный трудящимися Семиречья в депутаты Верховного Совета СССР.

В подвижной, по-юношески собранной фигуре этого сорокалетнего человека, в выразительно-резких очерта-

ниях смуглого, привычного и к ветрам, и к огню, и к загару его лица — нетрудно угадать того бывшего степного джигита, который умел усмирять, останавливая на полном скаку арканом, полудиких, не знавших узды лошадей и который всегда был в особой чести у родного ему кочевого народа как парень с головой на плечах и с золотыми руками, не умевший ни робеть, ни теряться при случае, ни занимать ума у людей.

Таким он был в прошлом, таким остался и поныне этот бывший аульный подпасок, а теперь — вожак пятисотников Турксиба, в недавнем прошлом кочевавший за чужими стадами по чужой для него степи. Неохотно Мухтар Каптагаев вспоминает о детстве. Да у него и детства-то, в сущности, не было. О чем вспоминать? О полуголодной и холодной жизни полураздетого пастушонка, кормившегося недоглоданными костями, презрительно брошенными ему с байского стола? О незавидной судьбе казахского подростка, за гроши чертомелившего зиму и лето на каторге у русского кулака? Нет, не ахти как веселы эти воспоминания! И незачем, пожалуй, лишний раз бередить ими душу в нашу светлую пору, даже если и к слову оно пришлось.

В канун семидесятилетия Иосифа Виссарионовича Сталина Мухтар Каптагаев отправил в Кремль свое немногословное и бесхитростное, но глубоко взволнованное, согретое душевным теплом и светом письмо. «Мой отец всю жизнь батрачил у бая, — писал вождю прославленный машинист Турксиба. — Я тоже пас скот у богачей. И век бы был батраком, если бы не советская власть. Она открыла передо мной широкий, светлый путь. Когда к нам в аул пришла весть о том, что по Вашему заданию начато строительство новой железной дороги, вместе с другими казахами я пошел строить Турксиб. Здесь я овладел сложными профессиями. Здесь научился писать, и первые слова, которые я написал, были: ЛЕНИН и СТАЛИН».

Нелегкий путь с честью прошел за эти годы бывший степной пастух-кочевник, в совершенстве овладевший теперь профессией первоклассного машиниста-новатора. Придя на Турксиб неграмотным землекопом, он нашел здесь идеальные условия для духовного становления и для полного творческого раскрытия своей богато одаренной новаторским духом индивидуальности. Острый ум,

врожденная любознательность и такая же обостренная восприимчивость к новизне в сочетании с огромной любовью к технике — все это помогло Мухтару Каптагаеву в стремительном его росте, не лишенном, разумеется, неизбежных трудностей. Но как и всякий из людей, одаренных живым творческим воображением, волей и целеустремленностью, он не страшился трудностей, не пасовал перед ними, а наоборот, испытывал большое моральное удовлетворение в преодолении их. И еще одно золотое качество есть в характере этого человека — страстное отношение к труду. С одинаковым увлечением работал он в прошлом ломом землекопа и молотом путеукладчика, киркой каменотеса и лопатой паровозного кочегара. Любое дело горело в неспящих его руках. Секрет его успехов крылся не только в одном физическом напряжении, но и в его природной ловкости и споровке, в трезвом расчете и вдохновенном отношении к труду. И не удивительно после этого, что даже и тогда, в канун стахановского движения, человек этот на любом участке работы был всегда в первых рядах тех самоотверженных советских людей, для которых труд в нашей стране звучал и звучит как светлый гимн коммунизму.

Однако настоящая трудовая слава пришла к Мухтару Каптагаеву позднее. Когда четырнадцать лет тому назад, после упорной и кропотливой учебы у потомственного русского машиниста Максима Кондратьевича Давыдова, получил, наконец, Мухтар право на самостоятельное управление локомотивом, он почувствовал себя так, точно у него вдруг выросли за плечами крылья. Не крылья — крыльями. А паровоз — паровозом. Получив высокое звание машиниста, Мухтар был далек от фамильярного, панибратского отношения к доверенной ему умной сильной и сложной машине. Наоборот, он внимательнее чем прежде стал теперь присматриваться ко всем техническим узлам и деталям и еще настороженнее прислушиваться к сердцебиению локомотива. И, кажется, только сейчас понял он в полном объеме, как бесконечно много надо будет ему и впредь изучать паровоз, чтобы заставить работать его в предельную мощность.

Впрочем, где был предел этой мощности? Почему разные машинисты на одинаковых паровозах, при одинаковой весовой нагрузке показывают неодинаковую среднесуточную техническую скорость на одной и той же

дистанции и сжигают в одних и тех же условиях разное количество односортного угля? Эти и множество иных вопросов, касающихся наиболее эффективной эксплуатации паровоза, давно начали волновать беспокойный, пытливый ум молодого машиниста. Но с особенной остротой стал он задумываться над новыми методами работы, когда получил в свое распоряжение новый великолепный паровоз с конденсацией пара — СОК № 1395, которым, кстати сказать, и по сей день управляет Мухтар Каптагаев в течение последнего десятилетия.

Это о людях такого стиля и толка в труде, каким является Мухтар Каптагаев, говорил И. В. Сталин, что они «свободны от консерватизма и застойности некоторых инженеров, техников и хозяйственников, они идут смело вперед, ломая устаревшие технические нормы и создавая новые, более высокие, они вносят поправки в проектные мощности и хозяйственные планы, составленные руководителями нашей промышленности, они то и дело дополняют и поправляют инженеров и техников, они нередко учат и толкают их вперед, ибо это—люди, вполне овладевшие техникой своего дела и умеющие выжимать из техники максимум того, что можно из нее выжать».

Пристально присматриваясь в течение многих лет к достижениям лучших машинистов нашей железнодорожной державы, обстоятельно изучая их методы, Мухтар Каптагаев творчески преломляет все это в практике эксплуатации своего паровоза, неустанно обогащает, развивает и совершенствует весь комплекс технологического процесса работы паровозных бригад, в завершённый цикл которого входит не только эффективная эксплуатация, но и ремонт и текущее содержание локомотива. К числу лучших своих учителей относит Мухтар Каптагаев таких мастеров-паровозников, как Петр Кривонос, Дмитрий Коробков и Николай Лунин. У первого из них он черпал опыт высокоскоростного вождения паровоза. У второго — умение езды на большом клапане при низкосортных углях. У третьего — систему текущего содержания локомотива.

Творчески осмыслив и освоив на практике эти обобщенные передовые методы своих учителей, Мухтар Каптагаев смело восстал против косности и консерватизма, против всяких давно устаревших норм и доморощенных теоретиков так называемого предела. Ставя перед собой

и своей паровозной бригадой одну задачу сложнее и рискованнее другой, он, опираясь на дружескую поддержку всего коллектива, всегда с одинаковым производственным блеском решал эти задачи на практике. И как всякий подлинный новатор и изобретательный человек, он никогда не довольствовался и не кичился достигнутым. Перевыполняя из года в год все производственные измерители, сэкономив около пятисот тонн топлива и не один десяток тысяч рублей государственных средств на эксплуатации и ремонте своего паровоза. Мухтар Каптагаев и его товарищи продолжают поиски новых, неторных троп и дорог к еще более эффективному использованию потенциальных резервов локомотива.

Однажды, пригласив как-то вечером членов своей бригады на чашку крепкого, сдобренного сливками чая. Мухтар Каптагаев слово за слово разговорился с друзьями о своем паровозе.

— Дела у нас идут пока, можно сказать, неплохо. Но я все же многим еще недоволен,— заявил хозяин своим гостям.

Все насторожились, почтительно отставив в сторону чашки с недопитым чаем. Было ясно — хозяин что-то опять задумал, видать, серьезное, и совсем непростое исподволь завел этот разговор. Так оно и вышло.

— Недоволен... Недоволен, друзья,— в более уже утвердительной и резкой форме повторил Мухтар. — А почему — сейчас объясню. Спору нет, паровоз у нас с вами отличный — это верно. Но работает он не в полную силу — это еще верней. Я вот как-то прикинул тут на досуге, сколько теряем часов мы впустую на вынужденные простои на перегоне и в оборотных депо — сердце сжалось у меня от зла и обиды. Нет, непорядок дальше так ездить нашей бригаде, товарищи!

— Не ты один, и другие машинисты так же простаивают на перегоне и в оборотных депо. Тут ничего не поделаешь,— заметил несмело младший брат Мухтара Бисагат Каптагаев, работающий у него помощником машиниста.

— Ну, ты еще мелко плаваешь, чтобы судить об этом,— жестко оборвал своего молодого помощника, задетый им за живое, машинист. — Короче говоря, приш-

ло время решать нам дело это по-государственному. И я думаю, мы с вами способны на это.

— Что же ты предлагаешь, Мука? — не утерпел спросить Бисагат.

— Предложение простое. Увеличить среднесуточный пробег паровоза до пятисот километров.

При этих словах хозяина гости обменялись беглыми, многозначительными взглядами, но вслух своего удивления не высказали, смолчали. Ничего себе, замахнулся — пятьсот километров в сутки! Или он вгорячах забыл, что существуют всем хорошо известные нормы среднесуточного пробега, установленные не нашим братом — паровозными машинистами и бригадами, а транспортными академиками, спорить с которыми не пристало с нашей ликбезовской грамотой и невеликими познаниями в технике. Но нет, ничего не забыл Мухтар Каптагаев. Помнил он и о нормах и о местных теоретиках, много болтавших насчет этого самого предела. И, словно угадав мысли своих товарищей, Мухтар заявил им тоном, включающим уже какое бы то ни было возражение:

— Я знаю, найдутся и на нашей дистанции маловеры, которые станут припугивать нас нормами. Но нормы, как и все на свете, тоже стареют. Конечно, удвоить среднесуточный пробег паровоза при однопутном движении — дело не легкое, понимаю. Но ведь на то мы с вами и коммунисты, чтобы смело браться за самое трудное.

Возразить против этих, как всегда разумных и убедительных речей хозяина гостям было нечего. Оставалось одно — принять новое его смелое предложение и засучив рукава, не мешкая, браться за дело. Все знали, что если уж Мухтар затеял такой большой разговор со своей бригадой, значит он заранее строго продумал и рассчитал все до мелочей в этом новом своем, дерзком плане. И что самое важное — все уже были внутренне убеждены в успешном решении и этой весьма нелегкой задачи.

Несколько позднее такой же принципиально деловой разговор был проведен Мухтаром Каптагаевым в более широком кругу всех паровозных бригад депо Матай. И здесь машинист-новатор нашел горячую, дружную поддержку со стороны передовых паровозников. Но, беседа по душам с товарищами из родного депо, Мухтар

думал не только о том, чтобы в борьбу за пятисоткилометровый пробег паровозов включились паровозные бригады одного Матая, но и о том, чтобы это новаторское движение нашло широкий размах во всех депо Туркестано-Сибирской железной дороги и на всех других дорогах Казахской республики. И в этих своих государственных расчетах и замыслах, как показало впоследствии недалекое будущее, вожак пятисотников Турксиба не ошибся.

Слово у этого человека никогда еще не расходилось с делом. Не разошлось оно и на этот раз. Если прежде на перегоне Матай — Уш-Тобе поезд следовал от восьми до десяти часов, то теперь Мухтар Каптагаев, вступив в тесное творческое содружество с диспетчерской службой, проводил свой локомотив с тяжеловесным составом через этот участок за три-четыре часа. А вместо семи остановок, предусмотренных графиком, на участке Матай-Актогай каптагаевский паровоз делал, как правило, не больше двух, а чаще всего — одну остановку. Новая победа была налицо. Пробег каптагаевского локомотива достигал за сутки четырехсот пятидесяти — пятисот двадцати километров.

Окрыленный блестяще удавшимся личным опытом, позднее Мухтар Каптагаев — это было в первых числах июня прошлого года — обратился с открытым письмом ко всем железнодорожникам Казахской республики.

— Товарищи! Включайтесь в социалистическое соревнование за увеличение среднесуточного пробега каждого паровоза до пятисот километров! — прозвучал на весь Казахстан трубный призыв новатора.

И на голос советского патриота тотчас же откликнулись паровозные бригады всех железнодорожных депо республики. Каптагаевский вызов был принят машинистами Караганды и Чимкента, Кзыл-Орлы и Акмолинска, Петропавловска и Уральска, Гурьева и Усть-Каменогорска.

С тех пор прошло несколько месяцев. И теперь уже на высоких скоростях работают не только отдельные паровозные бригады, но зачастую и весь паровозный парк некоторых депо и Туркестано-Сибирской и других железных дорог республики превышает задания по среднесуточному пробегу на пятьдесят-восемьдесят километров. Между тем сам Мухтар Каптагаев, как и положено

вожаку пятисотников, идет далеко впереди этой мощной колонны, доводя в отдельные дни пробег своего локомотива до пятисот двадцати — шестисот километров в сутки.

Чуждый духу дешевого тщеславия и эгоистического стремления к личному рекордсменству, но и не лишенный в то же самое время здорового чувства хорошего спортивного азарта, дерзко берясь за любое трудное дело, Мухтар решает его со страстностью, государственной широтой и размахом. С блеском освоив методы скоростного вождения тяжеловесных составов с превышением весовой нормы на триста — четыреста тонн, он вышел победителем и в этой борьбе с местными предельщиками, утверждавшими, что в условиях Матайского отделения водить такие тяжеловесные составы — невыносимая затея.

— Все мыслимо, ребята, если браться за дело с душой и сердцем большевика! — весело подмигивая членам своей бригады, говорил в таких случаях машинист-новатор.

Завязав как-то разговор с матайскими машинистами насчет промывочного ремонта, Мухтар заявил:

— Кто как, а я свой паровоз, пока он не сделает у меня восьми тысяч километров, на промывку не поставлю.

Кто-то опять напомнил:

— А нормы?!

— Нормы тут непричем, если за локомотивом будешь ухаживать по-лунински. А наш паровоз за уход за ним на нас не в обиде. Вместо шести с половиной тысяч по норме, он, как часы, пройдет у нас до промывки все восемь.

— Что ж, поживем — увидим... — прозвучал иронический голосок одного из руководящих работников отделения.

— Будьте покойны — увидите. Я в этом не сомневаюсь, — заключил эту короткую беседу Мухтар.

И действительно, каптагаевский локомотив встал вскоре на промывочный ремонт только после восьмитысячекилометрового пробега. Теперь же такой пробег паровозов до промывочного ремонта уже не в диковинку ни в депо Матай, ни во многих других депо Туркестано-Сибирской дороги. И в этом новаторском деле нашлись у талантливого машиниста десятки последователей, доводящих

сейчас межпромывочный пробег локомотивов до семи, а нередко и до восьми с половиной тысяч километров.

Но как ни свыклись в Матае с дерзновенными замыслами и смелыми поисками этого беспокойного, непоседливого человека, однако многие даже из его друзей с недоуменном разводили руками и пожимали плечами, прослышав о решении Мухтара произвести подъемочный ремонт локомотива в депо Матай силами своих бригад. Это уж совсем было делом неслыханным и невероятным. До сих пор такой ремонт паровозов производился только в депо Аягуз, где для этого было в наличии все необходимое техническое оснащение и оборудование. И никому и в голову не приходило прежде поставить на подъемочный ремонт локомотив в депо Матай, лишенном соответствующих приспособлений. И вдруг — на, тебе — каптагаевцы решили и тут пойти против общих правил! Кажется, они тут явно перехватили. Увлеклись ребята. Сгоряча приняли груз не по плечам. А погорячишься — и орамиться недолго!

— Ничего, ничего. Главное — не робеть, джигиты. Не боги, говорят, горшки обжигают! — подбадривал невеликий, но крепко сбитый свой коллектив Мухтар Каптагаев, принявшийся вместе со всеми своими бригадами за новое небывалое дело в Матае — подъемочный ремонт локомотива.

А джигиты в бригадах Мухтара подобрались один к одному, ребята надежные, смекалистые, волевые. Не даром же каптагаевский паровоз прослыл за отличную стахановскую школу на колесах. Бывшие чернорабочие, затем — кочегары, затем — помощники машинистов, а потом — и механики — все эти люди, воспитанные Мухтаром, прошедшие его школу, работали по-каптагаевски, с душой и талантом. Не ребята — огонь. Дисциплина в бригадах — передовому армейскому подразделению не в укор. В паровозе — все до одного души не чают. А уж про учителя и совсем нечего говорить — с ним они готовы и в огонь и в воду! И если Мухтар сказал: «Надо справиться с этим делом, ребята», все, как один, отвечали на это: «Надо — справимся, Мухтар-ага. Не подведем!»

Ни разу не подводили еще каптагаевцы своего вожака и учителя. Не подвели они его и на этот раз, впервые смело и уверенно взявшись по его инициативе за подъемочный ремонт паровоза в своем депо. Подзуживаемые

скептическими охами и ахами маловеров, ребята работали, как черти, с хорошим боевым ожесточением, с подлинным творческим азартом и упоением горячо влюбленных в свое дело людей. И победа была за ними. Локомотив вышел из ремонта раньше установленного срока, а качество произведенных работ было признано отличным.

— На этом деле мы сэкономили больше двадцати тысяч рублей, — рассказывал нам Мухтар Каптагаев. — Плановая стоимость такого ремонта в Аягузе захватила бы в копейку — почти в тридцать пять тысяч рублей... Конечно, тут все дело в моих джигитах, в их добросовестном уходе за паровозом. Народ у нас подобрался в бригадах — зря не похает. Одним словом — лунинцы! За каждым из членов бригады на паровозе закреплены определенные узлы и детали. Это у нас — закон. Один отвечает за арматуру котла. Другой — за паровую машину. Третий — за дышловый механизм. Четвертый следит за экипажной частью. Пятый — за электрооборудованием. Вот так и работаем, — скромно, без всякого притворства и ложной позы заключает немногословный рассказ свой этот смущенно улыбающийся человек, которого хочется назвать по-горьковски человеком с большой буквы!

Он умолчал о том, что такой метод подъемочного ремонта был впервые применен по его инициативе на дорогах Средне-Азиатского округа и что теперь уже во многих депо Туркестано-Сибирской дороги паровозные бригады, последовав его примеру, производят самостоятельный подъемочный ремонт своих локомотивов, экономя на этом сотни тысяч рублей государственных средств.

Впрочем, умолчал Мухтар Каптагаев в беседе с нами не только об этом. Но не молчит о нем его светлая и крылатая трудовая слава. Имя талантливого казахского машиниста-новатора звучит сейчас на всех магистралях Казахской республики как призывный клич к творческому дерзанию, к вдохновению и смелости в благородном труде водителей железнодорожного транспорта великой советской державы.

Узнав о выдвижении его трудящимися Семиречья кандидатом в депутаты Верховного Совета СССР, Мухтар Каптагаев впервые в жизни испытал такое душевное волнение, что, смежив глаза, долго не в силах был вы-

молвить ни слова. Но его друзья, принесшие ему эту весть, и не требовали от него никаких слов. Ибо они знали, как это знают все трудящиеся Семиречья, что этот простой советский человек оправдает с честью высокое доверие своего народа, благодарным и верным сыном которого является он от рождения и останется таким до конца своих дней.

* * *

Каждый водитель локомотива прежде всего старается добиться предельной форсировки котла, то-есть снятия как можно больше пара с квадратного метра поверхности нагрева. Для того, чтобы котел не засорился накипью и сажей, Мухтар Каптагаев прежде всего умело использует промывки котла, во время которых котел тщательно очищается и внимательно осматривается, а его арматура приводится в порядок. Паровозная бригада Мухтара внимательно следит за состоянием котла в практике повседневной эксплуатационной работы локомотива. Как правило, на каптагаевском паровозе во время продувок воды расходуется из котла в два раза меньше чем на других паровозах Туркестано-Сибирской железной дороги. Старший машинист каптагаевской бригады экономит конденсационную воду. Это имеет громадное значение, и вот почему: во-первых, создаются условия для содержания в чистоте поверхности нагрева котла. во-вторых, достигается постоянная экономия топлива.

Мухтар Каптагаев и его бригады паровозников умело применяют сейчас так называемую верхнюю и нижнюю продувку. Когда котел локомотива питается чистым конденсатом, — полезна верхняя продувка, так как она позволяет удалять масло с зеркала воды в котле. И наоборот, когда идет конденсат, разбавленный сырой водой, в таких случаях следует делать нижнюю продувку.

Работа котла локомотива серии СОк, на котором работают каптагаевские бригады, в огромной степени зависит от того, насколько исправно действует конденсационное оборудование. Вот почему Мухтар Каптагаев и его товарищи постоянно добиваются, чтобы это оборудование всегда было в отличном состоянии. Особенно внимательно следят они за секциями холодильников, не допуская их замасливания. Для этого не менее двух раз за каждую поездку на ходу производят пропарку секций холодильников. Это позволяет удалять из них и из баке

масляные наслоения, получать для питания котла чистый конденсат.

Машинисту во многом помогает правильное применение норм внутрикотловой обработки воды. По данным технического паспорта устанавливаются нормы набора воды в различных пунктах водоснабжения. При этом преимущество дается тем пунктам, где вода наиболее пригодна для питания котлов. А в соответствии с этим и рассчитывается расход антинакипина, определяется место продувок и количество их.

Мухтар Каптагаев первый на Турксибе удвоил срок службы деталей локомотива. Огромную роль в этом сыграл прежде всего заботливый уход за прессаппаратом. Лучшие водители локомотивов всегда стремятся к тому, чтобы смазка подавалась в машину нормально, так как и обильная и недостаточная смазка приводят к преждевременному износу золотниковых и поршневых колец. На локомотиве Мухтара Каптагаева эти кольца работают от одного подъемочного ремонта до другого. Многие сделано каптагаевцами и для того, чтобы удлинить срок службы бандажей колесных пар. Это достигается опять-таки тщательным уходом и тщательной сборкой экипажной части локомотива, правильной смазкой всех трущихся поверхностей рессорного подвешивания, своевременным применением песка для предотвращения буксовки. Благодаря этому, Мухтар Каптагаев довел пробег своего паровоза СОк между подъемочным ремонтом до 16 тысяч километров.

Сейчас на Туркестано-Сибирской магистрали каптагаевский опыт удлинения службы деталей паровоза положен в основу ценных нововведений в паровозном хозяйстве дороги. Разработана и внедрена новая схема периодических осмотров наиболее важных частей локомотива. Сокращены нормы простоя, значительно уменьшен объем работы на промывочном ремонте паровоза. Достаточно сказать, что за три последних года Мухтар Каптагаев и его товарищи сэкономили свыше 600 тонн топлива и около 300 тысяч рублей. А пробег каптагаевского паровоза между подъемочным ремонтом повысился до 20 тысяч километров.

Заслуга Мухтара Каптагаева в том, что он не довольствуется высокими показателями своих бригад, а

стремился к тому, чтобы его достижения становились достоянием других паровозников. Так, например, в начале 1950 года паровозники депо Чу полностью перешли уже на работу по уплотненному графику и добились значительного роста эксплуатационных показателей. Сейчас они систематически перевыполняют задания по технической скорости. А паровозники депо Сары-Озек из месяца в месяц перевыполняют задания по среднесуточному пробегу и полному обороту локомотива. Значительно улучшил использование паровозного парка и коллектив депо Алма-Ата. С июня 1949 года на Туркестано-Сибирской магистрали развернулось движение пятисотников, и среднесуточный пробег паровоза по дороге увеличился на многие десятки километров. Однако, по словам начальника Туркестано-Сибирской железной дороги тов. Мезинова, он еще весьма далек от действительных возможностей.

— На Турксибе еще не ликвидированы крупные недостатки в использовании паровозного парка, — говорит товарищ Мезинов. — Взять, например, Аягузское отделение и депо Аягуз. Здесь задание по технической скорости, среднесуточному пробегу и полному обороту паровозов не выполняется. В результате Аягузское отделение стало барьером в продвижении поездов на дороге. Не перевелись еще у нас предельщики и консерваторы, глушащие инициативу передовиков. Начальник депо Аягуз товарищ Дернов и начальник локомотивного отдела Матайского отделения тов. Якунин тормозили работу пятисотников, не приняли самых элементарных мер для лучшего использования паровозов.

Анализ оборота паровоза за последнее время показывает, что особенно большие потери времени происходят из-за задержки поездов на промежуточных станциях, контрольных постах и в оборотных депо. К этому в большинстве случаев приводит неправильная регулировка движения поездов. Немало времени теряется и в результате ограничения скорости движения из-за плохого состояния пути. Между тем успех борьбы за 500-километровый пробег каждого паровоза зависит от слаженной работы железнодорожников всех служб, и особенно движенцев. Продуманная организация движения поездов, правильно подобранная поездная бригада в основном решают успех работы по графику.

Мухтар Каптагаев говорит:

— По-моему, нам следовало бы сократить плечо обслуживания поездов паровозами нашего депо. Это создаст более нормальные условия для работы пятисотников. Нам необходимо включить в работу по уплотненному графику не менее 80 процентов паровозного парка. Кроме того, надо сократить до минимума стоянки паровозов. Объединенные усилия всех служб должны быть направлены на то, чтобы повысить норму оборота всех паровозов депо на 3—4 часа против графика прошлого года. Для этого у нас имеются все возможности. Мы должны сделать это, и мы это сделаем!

Сейчас на всей Туркестано-Сибирской магистрали развернулась борьба за работу по уплотненному графику движения. Широко используется хороший опыт диспетчеров-новаторов. Так, например, диспетчер Алма-Атинского отделения товарищ Юртаева организует в свои дежурства работу паровозов по уплотненному графику, и большинство паровозов оборачивается на ее участке с перевыполнением норм оборота. Большое значение имеет выдача гарантийных марок на сформированные поезда. Коллективы станций Семипалатинск, Алма-Ата и Джамбул отправили уже немало поездов с гарантийными марками. Сейчас на Турксибе добиваются того, чтобы все сформированные на дороге поезда уходили в рейсы с гарантией их полной исправности в техническом и коммерческом отношениях.

Передовые работники диспетчерской службы Турксиба правильно заметили, что создание наилучших условий для пятисотников-«единиц», в конце концов, вредит общему делу. Оборот вагонов в целом на участке не увеличивался, а уменьшался. И вот диспетчеры-новаторы стали теперь так строить свои графики прохождения поездов, что по некоторым пятисотникам должны были работать уже все поездные бригады того или другого депо. Так, например, диспетчер Алма-Атинского отделения А. А. Юртаева, как правило, пускает рядового, «среднего» машиниста перед пятисотником или между двумя пятисотниками. Такой прием оказался весьма действенным. Каждый машинист стремится теперь не отстать от товарища и не задержать скоростника.

Вся новаторская, творческая деятельность лауреата Сталинской премии, депутата Верховного Совета СССР

Мухтара Каптагаева проникнута патриотической заботой об интересах советского государства. На протяжении длительного времени Мухтар Каптагаев упорно трудится над тем, чтобы увеличить полезную работу своего локомотива, удлинить срок службы его узлов и деталей, повысить межремонтный пробег и сэкономить как можно больше государственных средств. Работая с 1940 года на одном паровозе, Мухтар непрерывно улучшает техническое состояние своего локомотива. С именем Мухтара Каптагаева неразрывно связано замечательное патриотическое движение на железнодорожных магистралях нашей республики — движение пятисотников. Это движение направлено к тому, чтобы полнее использовать внутренние резервы транспорта для ускорения оборота вагонов и снижения себестоимости перевозок.

Постановление Совета Министров СССР о присуждении Сталинской премии Мухтару Каптагаеву и другим передовым железнодорожникам показывает, какое огромное значение придают партия и правительство замечательному движению пятисотников на железнодорожном транспорте.

— Все мы, и паровозники, и движенцы, и вагоневики и путейцы. — говорит Мухтар Каптагаев, — должны обеспечить дальнейшее увеличение среднесуточного пробега каждого паровоза. Это поможет улучшить работу не только одной родной нашей Туркестано-Сибирской дороги, но и всех дорог Казахской республики. И это будет лучшим нашим подарком к предстоящему 30-летнему юбилею Казахстана!

Алма-Ата, февраль 1950 г.

ЗОЛОТОЕ ЗЕРНО

I

Ранним погожим утром 5 сентября 1949 года наш серебрянокрылый красавец «ИЛ», дав полный газ, потрясая ревом воздух, стартовал после бешеного разгона со взлетной площадки; легко и неслышно оторвавшись от земли и развернувшись в воздухе над знакомым аэропортом, лег курсом на север. Позади осталась зубчатая гряда обрамленного тяньшанскими горами и увенчанного вечными снегами хребта Заилийского Алатау и потонувшая в садах и парках столица Казахской ССР — Алма-Ата. Впереди простирались уходящие в бесконечность, подернутые сиреневой дымкой полустепи-полупустыни Центрального Казахстана. И долгое время затем неприметно текла под плоскостями нашего самолета одна и та же, то пепельно-серая, то шафранно-желтоватая равнина — край редких караванных троп, песчаных бурь и полузабытых древних колодцев. Неживой и безмолвной казалась эта кремнистая и песчаная степь с высоты двух тысяч метров. И что-то первобытное и извечное было в суровом и строгом ее безмолвии и в той веселой пляске песчаных смерчей, которую долго наблюдали мы с борта самолета в мгlistом от зноя великом земном просторе.

Но вот впереди ослепительно блеснул изумрудно-зеленоватым своим оперением красавец Балхаш, и через несколько минут самолет шел, уже купаясь в голубой бездне воды и неба. Потоки жаркого солнечного света, хлынув

в нашу кабину, слепили глаза. Там, внизу, на зашплевшей зеркальной поверхности огромного озера угадывались смутные очертания кильватерной колонны рыбацких лхун, а вдали чуть маячил, как в сновидении, полупризрачный, зыбкий дермонтовский парус...

А через четверть часа, заходя на посадку, мы уже шли, разворачиваясь над бухтой Бертыс, в купоросно-зеленоватой воде которой отражались и редкие, раскиданные ветром кучевые облака и циклопические дымящиеся трубы раскинувшегося на южном ее побережье Балхашского медеплавильного завода — крупнейшего в Европе гиганта цветной металлургии. Огромные голубоватые шлейфы дыма, стлавшегося из труб, плыли над бухтой, пропадая и растворяясь в такой же зыбкой и голубой, сливающейся с небом морской дали озера.

Снизившись до двухсот метров, мы прошли над заводом и городом, любясь из окна самолета величественной панорамой заводских корпусов, строгой планировкой городских кварталов, красотой многоэтажных, монументальных жилых и общественных зданий, суетливым оживлением на улицах, бульварах и скверах города. И трудно было представить, что всего каких-то полтора-два десятилетия тому назад на месте этого крупнейшего промышленного центра республики лежала такая же бесприютная полупустыня-полустепь, какой выглядит, впрочем, она и теперь на подступах к южному берегу Балхаша, за чертой этого большого и шумного города.

Приземлившись на четверть часа на Балхашском аэродроме, мы ощутили знойное, сухое дыхание пустыни. Бурые, выжженные немилосердным солнцем и поросшие редкой нехитрой полынкой пески лежали вокруг. Ни завода, ни города, заслоненного голыми сопками, с аэродрома не было видно. И если бы не верхушки дымящихся заводских труб да не чуть приметная цепочка длиннейшего железнодорожного состава, медленно удаляющегося в стрекочущий от зноя степной простор, то можно было бы почувствовать здесь себя пассажиром с самолета, совершившего вынужденную посадку в каком-то необитаемом, забытом людьми и богом краю.

Пролетая над Балхашом, я вспомнил чудесную песню заслуженного деятеля искусств Казахской ССР народного акына Шашубая, которую однажды слышал, сидя в доме гостеприимного певца родной казахской степи. Яр-

кие, вдохновенные строки посвятил этот замечательный мастер народной поэзии родной ему прибалхашской пустыне и горячо любимому Балхашу. В этой песне-импровизации (перевод Н. И. Титова) акын говорил:

Дремали берега твои,
Унылые всегда,
Не зная, что такое гул
Чудесного труда.
Он, этот гул, вокруг меня,
Куда ни погляжу, —
Везде следы великих дел
Я тут же нахожу.
Вглянну направо — медьзавод
Бросает в небо дым.
Поднялся он в седой степи
Гигантом молодым.
Налево, за моей спиной,
Грохочет Коунрад.
Тяжелой медною рудой
Навеки он богат.
Фабричные гудки теперь
Я слышу ночью, днем.
Все это наше, все мое,
Все — мой родимый дом.
О люди новых, ярких дней!
Сыны мои, творцы!
В краю пустынном смело вы
Возводите дворцы.
Вдохнули жизнь вы в эту степь,
Где беркут лишь порой
Летал, как призрак, чтоб затем
Исчезнуть за горой.
Ты, партия большевиков,
Великий Сталин, ты,
Преобразили степь мою,
Ее лица черты.
Мой город меди, ты растешь,
Мужая с каждым днем.
Заботится любимый вождь
О будущем твоём.
Как всей стране, он дал тебе
Великий план работ.
Начертан для тебя, Балхаш,
Прекрасный путь вперед.
О родина моя, Балхаш, —
Богатств священных клад,
Далекий парус на ветру,
Листвой звенящий сад!
Пою... И слезы на глазах.
И песня хороша.
В ней — отблеск меди и волны,
В ней слава Балхаша!

В буфете аэропорта нам предлагают салат из свежих помидоров, огурцов, зеленого лука. За стеклянной витриной на буфетной стойке красуются огромные арбузы и дыни. Кто-то из пассажиров изумляется этому изобилию овощей.

— Неужели все это доставляется самолетом из Алма-Аты?

— С какой стати — из Алма-Аты? — обидчиво откликается юная официантка в накрахмаленном кружевном чепчике. — У нас, будьте покойны, своих овощей вдоволь.

— С каких это пор?

— А вы что, с неба упали? — замечает, смеясь, официантка.

— Фактически — да. Только что приземлились...

— Вот и именно — балхашским фруктам удивились.

— Как же не удивиться? Ведь у вас все-таки здесь не черноземы — пустыня!

— А вы бы съездили в город да полюбовались, какие чудеса в заводском подсобном хозяйстве у нас творятся — не так бы еще удивились, — решительно вмешивается в разговор тучный, но необыкновенно подвижной человек в синей спецовке. — Да что там говорить о подсобном хозяйстве, когда теперь у нас в Балхаше и индивидуальные огороды не редкость. А вы извольте отведать, какие отменные помидоры мы тут выращиваем — объеденье!

— Помидоры — да-а.. Прямо скажем — прелесть. Ароматные, сочные. Не похачешь, — подтверждает один из наших спутников.

— То-то. Вот вам и так называемая пустыня! — продолжает словоохотливый человек в спецовке. — Я по профессии инженер-металлург, огородник — по душевному складу. В земле, доложу вам, люблю ковыряться с неменьшим азартом и увлечением, чем ломать голову над новыми методами в технологии сплавов цветных металлов... В Балхаше живу и работаю пятнадцатый год. Можно сказать — абориген, старожил. На моих глазах каждое деревцо здесь принялось, и бульвары и скверы в городе разрослись — сердце радуется. А ведь были и тут малозерны и нытики. Мы — за огород, а они на нас безнадежно руками машут: ничего, дескать, у вас из этой затеи не выйдет. Зря, мол, любезные трудитесь. А теперь многие из них и сами отпетыми садоводами и огородниками ста-

ли. И такие помидоры, арбузы и дыни на своих участках выращивают, что и сами иной раз глазам своим не верят.

— Трудно и поверить.

— Посмотришь, и впрямь чудеса делают везде и всюду наши советские люди,— с живостью откликается несколько голосов.

— Мичуринская биология — мать плодородия. В этом я убедился, батенька, на своем личном опыте,— сказал инженер, разделявая ножом на тарелке сочный, кроваво-красный арбуз.— Если бы мы не научились здесь с боем брать от природы все, что она может дать, то и по сей день смотрели бы на эти вот арбузы, дыни и помидоры, как на редкое заморское лакомство. А теперь — в пору самим экспортировать наши овощи в любую да хорошую сторону. Да мы, в сущности, и экспортируем их. Снабжаем из подхожа горняков Джекказгана и Коунрада. Не в обиду на нас за эти овощи и странствующие вокруг геологи и строители новой железнодорожной линии Моннты — Чу,— заключил мимолетную нашу беседу разговорчивый инженер за завтраком в опрятном буфете Балхашского аэропорта.

А смуглолицая юная девушка в накрахмаленном чепчике, провожая нас к самолету, сказала, весело махнув нам рукой:

— Счастливого полета, друзья! Бывайте у нас почаще. Сегодня мы угощаем своих пассажиров собственными овощами, а скоро станем потчевать нашими фруктами.

И мне невольно припомнилось, как неоднократно пролетая в прошлые годы через Балхаш, я нередко выслушивал прежде здесь одни и те же жалобы на бесплодие этой песчаной земли, на отсутствие собственных овощей и фруктов. А теперь, несколько лет спустя, было приятно услышать тут совсем другой разговор от людей, сумевших за последние годы подчинить своей беспокойной творческой мысли и воле не ахти как отзывчивую в былые годы в этих широтах на труд садоводов и огородников, не избалованную ни дождями, ни почвенной влагой, скупую на растительный мир природу. И напутственные слова юной балхашской патриотки прозвучали теперь для нас далеко не наивной шуткой. Что ж, сумели же вырастить здесь чудесные овощи. Сумеют вырастить со временем и не менее чудесные фрукты!

Распрощавшись с гостеприимными хозяевами Балхашского аэропорта, мы заняли места в кабине нашего самолета. Девушка в кружевном чепчике и ослепительно белом передничке стояла на крылечке аэровокзала, продолжая приветливо помахивать нам полуобнаженной, загорелой своей рукой. Юная, тоненькая, гибкая, она была похожа в эту минуту на одинокое, озорное деревцо, что красовалось на солнцепеке под окошками аэровокзала. Может быть, деревцо было ее погодком и сверстником, вместе с которым родилась, мужала и крепла она на горячем балхашском ветру, прочно пустивши здесь крепкие корни в эту кремнистую землю и навсегда связавши свою судьбу с этой небогатой красками, прохладой и влагой, но навеки родимой природой веками пустынного Прибалхашья. И не потому ли казалась девушка эта живым воплощением того жизнеутверждающего торжества красоты, силы и молодости, зримые приметы которого видны здесь во всем, и прежде всего, — в зеленых шатрах юных скверов гордо вставшего над пустыней крупнейшего промышленного центра Казахской республики?

... Снова — неистовый рев запущенных на полные обороты моторов. Снова — легкий, едва ощутимый толчок при взлете. И наш воздушный корабль — опять в воздухе. В последний раз блеснуло на солнце и тотчас же погасло под плоскостями нашего самолета жемчужное крыло Бертысской бухты. Исчезли вдаль, как корабельные мачты в морском просторе, дымящиеся трубы Балхашского гиганта. И опять неприметно текла вниз, на глубине двух тысяч метров под нами, подернутая легкой голубоватой дымкой, изрезанная теперь глубокими впадинами, холмами и сопками, похожая на огромную рельефную карту земля Центрального Казахстана. Слева заметны были неярко поблескивающие под солнцем стальные нити железнодорожной магистрали, связывающей город меди Балхаш с его промышленными сверстниками и братьями, с городами руды и угля — Коунрадом и Карагандой. Справа долго маячил в знойной, мерцающей дымке своими островерхими грифельными сопками Джезказган — величайшая из подземных кладовых драгоценных цветных и полиметаллических руд.

Мы пролетали теперь над теми самыми местами, которые имел ввиду небезызвестный хищник английского

империализма сэр Лесли Уркварт, нагло писавший Главному концессионному комитету Советской России в 1920 году о том, чтобы дали ему «возможность поковыряться в киргизской степи около Балхаша и дальше. Раньше чем через пятьдесят, а может быть, и все сто лет,— цинично заявлял Уркварт,— вы этими местами все равно не займетесь».

История показала, как жестоко просчитался этот обнаглевший империалистический волк, норотивший пробраться в подземные кладовые казахской земли для того, чтобы поживиться несметными ее сокровищами. Нет, не сто и не пятьдесят, а всего-навсего одно только десятилетие потребовалось большевикам, чтобы превратить этот некогда пустынный и дикий край в цветущую индустриально-промышленную зону советского Казахстана!

...Второй час полета. Прорвав фронт сплошной, густо спрессованной облачности, мы вдруг оказались над Карагандой. Как на гигантском киноэкране, разворачивалась теперь перед нами величественная, волнующая панорама огромного промышленного очага республики. Мы прощали над многоэтажными жилыми домами, над садами и парками, над скверами и бульварами Нового города и над сердцем угольного бассейна — Старой Карагандой. Впрочем, все было ново и в этой так называемой Старой Караганде. Те же сады, бульвары, скверы и парки. Те же строгие и красивые здания общественных и жилых кварталов. То же оживленное движение на улицах, что и в Новом городе. Разница лишь в пирамидальных пиках курящихся терриконов, в бесчисленном множестве конусных башен и эстакад, в снующих на подъезжающих путях груженных углем железнодорожных составах... Даже и с воздуха по всему было видно, какой напряженно-трудовой и творчески созидательной жизнью жил теперь вместе со всей нашей страной этот громадный промышленный город.

Один из наших спутников — это был инженер-геолог Иван Иванович Фролов — сказал, любуясь вместе со всеми нами панорамой Караганды из окна кабины:

— Я подсчитал однажды и ахнул, товарищи. Оказывается, за одни только сутки работы карагандинские шахтеры выдают теперь на-гора в несколько сот раз больше угля, чем здесь добыли его за все время эксплуата-

ции Карагандинских угольных копей английские концессионеры!

Ничего удивительного в этом нет при нашем размахе. В социализме, слава богу, живем, — заметил на это рассудительным тоном хозяйственник из Акмолинска.

— Все это я понимаю. И все-таки все это чудо! — сказал инженер. — Ведь я помню и хорошо знаю Караганду начала тридцатых годов. Все сопки исколесили мы вокруг с нашей геолого-разведочной партией. Что тогда было на месте этого города? Несколько жалких землянок. Два-три ветхих барака. А теперь полюбуйтесь, что здесь творится. Разве это не чудо?!

— Чудо, конечно. Но мы уже привыкли не удивляться таким чудесам. Принимаем все, как само собой разумеющееся, — подал голос пожилой пассажир в старомодных очках и велюровой шляпе — плановик одного крупнейшего промышленного предприятия Казахской республики.

— А вот это другой разговор! — удовлетворенно воскликнул геолог.

Но не успели мы налюбоваться панорамой Караганды, как самолет наш шел уже над новым, не менее крупным промышленным очагом республики — над городом металлургов и энергетиков, раскинувшимся на берегу гигантского водохранилища.

— Темир-Тау! Темир-Тау! — закричали наперебой пассажиры, снова прильнув к окнам кабины.

— К Караганде мы уже попривыкли. А вот это, я вам должен заметить, товарищи, воистину настоящее чудо! — воскликнул плановик, взволнованно откинув на затылок свою помятую шляпу.

— Да, пять лет тому назад здесь ютился один неприметный с воздуха поселок. А ни заводов, ни этого озера и ни города — и в помине не было. Все это, и в самом деле, похоже уже на настоящее чудо. Вот тут-то и я согласен с вами, товарищ геолог, — откликнулся хозяйственник из Акмолинска.

Все замолчали. И долго, прильнув к окошкам, любовались пассажиры нашего воздушного корабля ослепительным сиянием и блеском огромного, точно оправленного в позолоченую тяжелую раму зеркала Нуринского водоема и панорамой раскинувшегося на его берегу юного города.

Между тем самолет уносил нас все дальше и дальше на север республики. За Темир-Тау, по ту сторону невеликой, перехваченной железобетонной плотинной степной речки Нуры, начинались вековые ковыльные степи. И чем ближе мы были к Акмолинску, тем все чаще и чаще степь эта обретала золотисто-шафранную окраску. Это — от обилия сплошных массивов созревшего хлеба и воскового отблеска обнаженной стерни на убранных нивах. Там, внизу, на колхозных полях была сейчас ключом напряженная трудовая жизнь — уборка была в разгаре. То и дело попадали теперь в поле нашего зрения многочисленные тракторы и комбайны, едва приметные с высоты среди необозримых пашен и нив; и колонны грузовых автомашин пылили по окрестным степным дорогам.

Это уже был Северный Казахстан, — золотое дно Казахской республики.

II

В Акмолинске, пересев с самолета на автомашину, мы выехали по старому скотопогонному тракту на Атбасар. Хотелось проехать по тому же маршруту, по которому проезжал я не раз в прошлом, лет десять-пятнадцать тому назад. А маршрут этот лежал через основные зерновые районы Акмолинской, Кокчетавской и Северо-Казахстанской областей — житниц республики.

И вот, покинув шумный и пыльный, оглушивший нас ревом паровозных гудков и неузнаваемо выросший за последние годы Акмолинск, мы — как в море с попутным ветром — ушли на нашем газике-вездеходе в великий степной простор. И снова я видел за дни своих странствий: и розовые от утренних и вечерних зорь ковыли степей Атбасара, и легендарные сопки прославленного на всю страну Борового, и скромные березовые перелески Северо-Казахстанских равнин.

Как и в прошлые мои поездки по этим родным, близким сердцу северным местам, был я и нынче свидетелем многих великих перемен, свершившихся в колхозных аулах и селах за последние, послевоенные годы. Снова я встретил в пути немало интересных, глубоко взволновавших меня людей, о которых хотелось бы написать столь же скромно, просто и ясно, сколь предельно скромны, непринужденно просты и идейно ясны эти ря-

ловых советские люди — труженики колхозных полей: руководители сельхозартелей и полеводы, комбайнеры и лобогрейщики, трактористы и участковые агрономы—мастера и новаторы социалистического земледелия. Никогда не забудутся эти встретившиеся мне на полевых станах и на колхозных токах загорелые, трудолюбивые, веселые люди; как не забудется и милый сердцу сухой медовый запах тяжеловесного золотого зерна и густой бражный аромат свежей пшеничной соломы. Не забыть мне бронзовых степных закатов над золотящимися в вечерней мгле нивами; как не забыть и мирных бесед наших с колхозными хлеборобами у ночных костров; как не забыть и тех проголодно тревожных русских песен, которые певали девчата по вечерам, вглядываясь в степную даль своими позолотевшими от заката глазами...

Первое, что поражает при выезде из Акмолинска,— это иной, новый, непривычный облик здешней степи, который обрела она в Северном Казахстане за последние годы. Навсегда здесь исчезло бывшее царство вековой, нетронутой лемехом, покрытой седым ковылем целины. Куда ни взглянешь, везде и всюду—от Акмолинска до Атбасара и от Атбасара до самого Петропавловска — простираются возделанные колхозные поля. Тучные нивы созревшей, но местами еще необранной пшеницы чередуются с огромными массивами заново поднятой целины, с любовно, по-хозяйски обработанными парами. Кругом — пашни, пашни и пашни! А ведь еще в начале тридцатых годов здесь шумело открытое море девственных ковылей. От села до села по левобережью Ишима, бывало, иной раз за день не доскачешь. Так, например, на протяжении ста километров, между селами Петровским и Вознесенским, лет десять тому назад можно было встретить всего несколько сот гектаров пашни, принадлежавшей единственному тогда здесь колхозу «Маргук». А теперь на этом участке разместилось около десяти казахских и русских колхозов, каждый из которых засеивает сейчас от трех до четырех тысяч гектаров зерновых культур.

Сотни тысяч гектаров новых целинных земель поднято за последние годы и во многих других степных районах Акмолинской, Кокчетавской и Северо-Казахстанской областей. Во всех этих трех зерновых областях, не исключая Кустанайской, остается еще немалый резерв ве-

ковых целинных земель, разработав которые, можно будет дополнительно получить не один миллион пудов зерна. Средняя урожайность зерновых культур по Казахстану в 1940 году вдвое превысила урожайность 1928 года, а по сравнению с дореволюционным временем она возросла в четыре раза. За четыре года Великой Отечественной войны колхозы республики сдали государству хлеба на несколько миллионов пудов больше, чем за соответствующий предвоенный период. А в минувшем 1949 году казахстанские хлеборобы сдали государству зерна на 20 миллионов пудов больше против довоенного 1940 года. Только колхозами одной Акмолинской области было сдано в этом же году государству хлеба на сотни тысяч пудов больше против того же предвоенного 1940 года.

Таковы цифры, свидетельствующие о высокой урожайности колхозных полей республики. Но производство товарного хлеба в Казахстане возросло не только за счет разработки новых громадных массивов целинных земель, но и прежде всего — за счет повышения культуры земледелия. В результате освоения новаторских приемов передовой мичуринской агротехники и внедрения в практику колхозного земледелия агротехнического комплекса Докучаева — Костычева — Вильямса, валовой сбор зерна в республике увеличился теперь в несколько раз по сравнению с 1913 годом.

— Вырастить два-три колоса там, где раньше выращивали один — вот какую боевую задачу поставили мы теперь перед собой. А раз поставили, значит, и решим ее в ближайшее время по-большевистски, с честью! — заявил нам председатель одного из передовых колхозов Акмолинской области, сельхозартелю имени Сталина — Петр Петрович Игнатов.

Так и будет. Ибо казахстанские хлеборобы знают теперь, что путь к высоким урожаям лежит через мичуринскую агробологию. Никогда в прошлом имена знаменитых русских новаторов и революционеров в земледелии — биологов и агрономов, прославивших нашу отечественную науку, не были так знакомы, близки и дороги широким массам колхозников, как знакомы, близки и дороги они труженикам колхозных полей ныне. Классические труды Мичурина, Вильямса и Лысенко стали настоящими книгами не только специалистов, но и ря-

довых колхозников республики. Достаточно сказать, что зимой 1949-50 года свыше 40 тысяч северо-казахстанских колхозников и механизаторов изучали в мичуринских кружках и школах технического опыта теорию и практику корифеев отечественной сельскохозяйственной науки и опыт их многочисленных последователей. Свыше четырехсот агрономов и сотни новаторов — практиков сельского хозяйства познакомили колхозников с новаторскими приемами обработки почвы и рекомендованным академиком Т. Д. Лысенко методом яровизации семян.

И лекции агрономов, и эксперименты научных работников сельскохозяйственных институтов, и творческий опыт колхозных практиков.— все это те благоприятные семена, которые, падая на благоприятную почву, дают уже обильный урожай. Недаром же за успехи, достигнутые за последние послевоенные годы в развитии сельского хозяйства, и за высокие показатели урожайности колхозных полей около 7 тысяч передовиков социалистического земледелия республики награждены орденами и медалями Советского Союза, а свыше 700 мастеров-новаторов колхозной деревни удостоены высокого звания Героя Социалистического Труда!

Бескрайние степные просторы Северного Казахстана изрезаны сейчас клетками травопольных севооборотов. В течение 1950 года гигантская работа по внедрению этих севооборотов будет завершена целиком во всех зерновых колхозах республики. Уже и сейчас больше 700 сельскохозяйственных артелей Акмолинской, Кокчетавской и Северо-Казахстанской областей успешно осваивают травопольные севообороты, а чередование культур производят по строго переходной таблице. Метод яровизации семян, рекомендованный Т. Д. Лысенко, как известно, значительно ускоряет процесс развития и созревания культур. И вот уже в 1949 году в трех зерновых областях Северного Казахстана яровизированными семенами было засеяно в колхозах свыше 250 тысяч гектаров. То же самое можно сказать и о стерневых посевах по методу Т. Д. Лысенко; они с таким же успехом широко применяются сейчас в передовых колхозах Казахской ССР.

Здесь можно было бы назвать десятки сельхозартелей одной только Акмолинской области, блестяще освоивших высокую культуру земледелия, в которых весь комплекс современной передовой агротехники стал непреложным.

железным законом ведения полеводства. Как правило, во всех этих колхозах земельный надел разбит на несколько полей травопольного севооборота. Границы этих полей защищены густыми лесными заслонами. Посев зерновых в таких колхозах из года в год производится исключительно сортовыми семенами. Пашут здесь только с предплужниками на глубину не менее 20—22 сантиметров. Все яровые культуры размещаются здесь по парам и по зяби — это тоже закон. В 1949 году все эти колхозы вырастили превосходные урожаи, а уборку и отгрузку зерна государству провели в предельно сжатые сроки. Так, например, колхоз имени Сталина, Ленинского района, Северо-Казахстанской области, снял с площади в 2 тысячи 500 гектаров зерновых культур в среднем по 95 пудов с гектара. Такой же примерно урожай был снят и во многих других колхозах Акмолинской и Кокчетавской областей, освоивших травопольный севооборот. Все эти колхозы превратились теперь в высокопродуктивные зерновые фабрики.

В республике воспитались и выросли десятки тысяч механизаторских кадров, сыгравших огромную роль в успешной битве за хлеб, за высокие урожаи, за расцвет социалистического земледелия. Это — трактористы и комбайнеры, шоферы и механики, руководители МТС и председатели колхозов, бригадиры и звеньевые. О роли механизаторских кадров и новой сельской интеллигенции в борьбе за подъем культуры земледелия говорят, например, такие цифры. По данным Северо-Казахстанского областного земельного управления сельского хозяйства, выработка на один трактор в 1949 году, по сравнению с 1940 годом, поднялась с 400 га до 600 гектаров, а выработка пятнадцатифутового комбайна в этом же году возросла с 320 га убранной площади до 500—550 гектаров. Такие же МТС области, как Интернациональная и Пресновская, довели в минувшем году среднюю выработку каждого условного трактора до 700—800 га пахоты.

Партия и правительство приняли в послевоенные годы неотложные меры по восстановлению и дальнейшему развитию сельского хозяйства, по дальнейшему организационно-хозяйственному укреплению колхозов. Закон о послевоенной сталинской пятилетке, постановление Совета Министров Союза ССР и Центрального Комитета партии «О мерах по ликвидации нарушений Устава сель-

скохозяйственной артели в колхозах», исторические решения февральского пленума ЦК ВКП(б), гениальный сталинский план преобразования природы — все эти знаменательные документы, принятые по инициативе И. В. Сталина, вооружили тружеников колхозной деревни развернутой программой борьбы за новый подъем и расцвет социалистического сельского хозяйства. Уже в 1949 году колхозы республики заложили свыше 5 тысяч гектаров полезащитных лесных полос, а план закладки лесных питомников в колхозных аулах и селах Казахстана перевыполнен более чем в три раза.

Своим разумным, творческим, плановым трудом советские люди остановят, в конце-концов, наступательные действия пустыни на колхозные нивы и пашни, перейдя в развернутое контрнаступление против слепых, губительных сил природы. И совсем недалек уже тот светлый день, когда советский народ осуществит на практике великий сталинский план преобразования природы, опоясав наши плодородные степи зелеными поясами полезащитных лесных полос, соорудив тысячи искусственных прудов и водоемов в колхозах и полностью освоив систему травопольных севооборотов.

Излагая свое прогрессивное агрономическое учение о почве и о биологических основах плодородия почвы, Василий Робертович Вильямс писал, что «если растения обеспечены всеми условиями жизни, то урожай их неограничен». Таким образом, опытами выдающегося русского ученого и практикой передового социалистического земледелия был начисто опровергнут так называемый закон убывающего плодородия почвы, выдуманный буржуазными лжеучеными и реакционерами Запада.

На основе научных достижений Докучаева и Костычева, критически освоив эти достижения, В. Р. Вильямс разработал учение о почвообразовании, создал теорию о восстановлении структуры почвы путем введения в севооборот посевов многолетних злаковых и бобовых трав. Эта теория является основой предложенной В. Р. Вильямсом травопольной системы земледелия.

Травопольная система земледелия является практической основой согласованного развития двух важнейших отраслей социалистического сельского хозяйства — полеводства и животноводства. Травопольные севообороты, помимо их огромного агротехнического значения, играют

не меньшую роль и в создании прочной кормовой базы для животноводства. В травопольную систему земледелия входит и правильная, строго научная обработка почвы — пахота с непременно предплужником и лущение стерни вслед за уборкой хлебов, и система удобрений. Сюда же входит и посев сортовыми, отборными семенами высокоурожайных сортов, приспособленных к определенным климатическим условиям и к определенной структуре почвы.

Высокую эффективность внедрения травопольной системы можно воочию увидеть на примере такой, скажем, сельхозартели, какой является сельхозартель имени Сталина, Акмолинского района, Акмолинской области. После введения на полях этой артели травопольных севооборотов урожайность зерновых культур здесь резко повысилась, и что самое главное, она стала более устойчивой и независимой от непрошеного вмешательства случайных, стихийных сил природы, против которых всю свою жизнь столь горячо, страстно и вдохновенно боролся выдающийся русский агробиолог В. Р. Вильямс. На практических делах одного только этого колхоза мы видим, что знаменитый комплекс Докучаева, Костычева и Вильямса — это надежное и совершенное оружие в руках советских людей, взявшихся на основе мичуринской биологической науки за преобразование природы и проявивших активное творческое вмешательство в биологические процессы жизни культурных растений.

Разговорившись как-то о В. Р. Вильямсе и о законе возрастающего плодородия, председатель этой сельхозартели П. П. Игнатов сказал:

— За примерами правоты учения Вильямса далеко ходить не приходится — они налицо и в нашем колхозе. Начнем с того, что у нас завершается полная механизация полеводства. На наших полях работает восемь тракторов, в том числе два гусеничных НАТИ и один восьмидесятисильный дизель. При такой широкой механизации мы, ясное дело, всегда во время и полностью справляемся с пахотой, культивацией, боронованием и другими видами обработки почвы. Урожай у нас убирают четыре комбайна. Три наших грузовых автомашин выполняют основные транспортные работы.

— Техника немалая. А как же с культурой земледелия?

— Скажу и об этом. Сеяли мы и до войны порядочно. Но не сдали своих позиций и в трудные военные годы. Ни разу не было случая, чтобы наш колхоз не выполнил своих обязательств перед государством. Сотни тысяч пудов хлеба, тысячи центнеров мяса, масла и шерсти — вот наш вклад в победу над врагом. Однако все это я говорю просто так, к слову... Дело не в этом. А в том, что сеяли мы и в прошлые годы немало, но урожай снимали не всегда одинаковый. То засуха нас поджимала. То земля подводила — был и такой грех. Словом, урожан были у нас неустойчивые, скачками: когда густо, когда пусто, а когда и совсем почти нет ничего, как говорится в русской пословице. Так продолжалось до тех пор, пока мы не взялись за ум — не ввели травопольный севооборот. Больше полуторы тысяч га занято у нас сейчас под травяным клином. И теперь совсем другая картина с урожайностью на наших полях выходит. Так, например, в сорок девятом году мы собрали в среднем по 15-18 центнеров с гектара. И в позапрошлом году, примерно, не меньше. Теперь плохих массивов у нас не увидишь. Натуральная стоимость трудодня увеличилась за последние годы с полутора до четырех с половиной килограммов зерна. Больше пятидесяти членов нашей сельхозартели получили в сорок девятом году дополнительную оплату за перевыполнение планов по полеводству — это тоже уже говорит о многом! В чем тут секрет? Ответ один — в культуре земледелия. Не ковыль, а пырей царствует нынче на наших полях, и это уже сказалось на плодородии почвы. Сеем мы только сортовыми семенами. Пашем непременно плугом с предплужником, при глубине не менее двадцати двух сантиметров. Применяем яровизацию. Практикуем из года в год стерневые посеы. Словом, теперь мы смело можем сказать, что передовая советская техника и освоенные нами основы мичуринской агробиологической науки — вот что помогло нам добиться таких немалых успехов в полеводстве. Опираясь на них, члены нашей сельхозартели меняют облик степи, преобразуют матушку-землю.

За последние два-три года колхозники этой сельхозартели рассадили по границам севооборотных полей около семи гектаров полезащитных лесных полос. К ве-

сенним посадкам 1950 года сталинцы закупили в акмолинском питомнике около 60 тысяч саженцев. Кроме того, несколько десятков тысяч молодых кленов и акаций даст к осени 1950 года свой колхозный лесопитомник. Таким образом, лесные посадки на полях этого колхоза будут планомерно расти и расширяться из года в год.

— Но хлеб — не единственное богатство нашей сельхозартели, — продолжает Петр Петрович Игнатов. — Мы имеем теперь в своем хозяйстве высокотоварные животноводческие фермы. По сравнению с первыми годами жизни колхоза, поголовье овец, например, у нас увеличилось в десять раз, а стада крупного рогатого скота — в четыре раза. Обзавелись мы за последние годы свиноводческой и птицеводческой фермами. И если подсчитать весь наш общественный скот, то в среднем на каждый колхозный двор придется по сорок голов. О таком поголовье никто из нас и думать не мог в прежней дореволюционной нашей Семеновке.

— Да и скот-то нынешний не сравнишь с прежним! — вмешавшись в беседу, говорит колхозный чабан, орденосеиц Борис Матвеевич Луковский. — Вместо былых никудышных, малопродуктивных пород, на фермах у нас теперь племенные коровы — красностепной породы, дающие высокие удои молока. И овцы тоже не прежние — чистопородные, тонкорунные. А рысаки с нашей конфермы славятся теперь на всю Акмолинскую область.

Мы заинтересовались — давно ли Борис Матвеевич работает чабаном.

— Двенадцать лет, славу богу, — ответил за него председатель сельхозартели. — Ни много, ни мало — семь тысяч овец вырастил за это время Борис Матвеевич. По заслугам наградило нашего чабана советское правительство орденом Трудового Красного Знамени! По заслугам!

В завязавшемся разговоре мы заинтересовались прошлым Семеновки. Оказалось — село это было переселенческим. Основали его в 1909 году пришедшие из центральных губерний России мужики-новоселы. Петр Петрович Игнатов отлично помнит, как оседали в этих пустынных и безлюдных тогда Акмолинских степях российские переселенцы.

— Больше месяца тащились мы на немудрой единственной своей лошаденке от железной дороги по бескрайним Акмолинским степям, пока добрались с грехом пополам до этого места, — вспоминает П. П. Игнатов. — Помню, отец говорил мне: «Смотри, Петро, какое раздолье вокруг. Беги, собирай цветы!». Вместе с другими мои сверстниками я целыми днями носился как угорелый по степи. Но цветов тут было немного — один ковыль. По приезде на место начал отец мой обзаводиться хозяйством. В первый год подняли кое-как две десятины целины, раздобыли семян и посеяли хлеб по новни. Но лето, как на грех, выдалось засушливое, знойное, — ни одного дождичка в пору. Пришла осень, и мы со своего посева едва вернули семена. С двух-то десятин намолотили всего-навсего четырнадцать пудов хлеба. — вот каким, с позволения сказать, урожаем порадовало нас новоселье! Как ни ломал головы отец, а иного выхода у него не было, как бросить надел и податься всей семьей в батраки. Так мы и сделали. Лошаденку последнюю — по боку, плужишко — за полцены кулаку, сами — в работники. Шли годы. А из нужды мы выбиться не могли.

— Да никогда и не выбились бы, не погодись советская власть, — вставляет престарелый колхозный плотник Михаил Васильевич Дурнов. — Я, вот, и в прежние времена топора из рук не выпускал. Всем семеновским кулакам дома и дворы построил. А сам только при советской власти из землянки вылез.

— Что тут говорить. Вспомнишь прежнюю нашу жизнь — сердце кровью обливается — ни тепла, ни белого свету, бывало, не видели, — замечает Надежда Петровна Кириченко, председатель колхозного женсовета. — Взять нашего брата — женщин. Раньше у всех нас одна была участь — горшки да пеленки. А теперь колхозницы — активные участницы производственной и общественной жизни нашей сельхозартели. Возьмем для примера таких колхозниц, как, скажем, Дарья Елецкая и Екатерина Шевченко. Ведь каждая из них имеет сейчас по шестьсот трудодней. А шестьсот трудодней в нашем колхозе — это большое богатство. Одного хлеба эти стахановки по четверста с лишним пудов в сорок девятом году получили. Я уже не говорю о других доходах. А ведь таких у нас женщин сотни.

— Да, большая сила теперь у нас с вами, товарищи, — заключает председатель сельхозартели. — Сила эта пришла к нам вместе с советской властью, с колхозным строем, с комбайнами и тракторами. Теперь у нас из года в год растет урожайность наших полей. Растет и культура нашей колхозной Семеновки. И электростанция у нас своя, и радиопункт на двести пятьдесят точек, и телефон. Словом, куда ни глянь, — везде и всюду видишь и чувствуешь могучую силу колхозного строя и заботу великой партии Ленина — Сталина о подъеме сельского хозяйства и благосостоянии колхозного крестьянства.

П. П. Игнатов прав. Жизнь колхозной Семеновки — это жизнь многих тысяч колхозов Казахской республики, умножающих свой вклад в послевоенную пятилетку, добывающихся изобилия сельскохозяйственных продуктов в нашей великой стране, успешно и уверенно идущих к коммунизму. Вместе со всем колхозным крестьянством нашей Родины, члены сельхозартели имени Сталина живут не только сегодняшним, но и завтрашним днем. Взгляд их устремлен в будущее.

— Наше будущее — в дальнейшей механизации и электрификации сельского хозяйства, — говорит талантливый руководитель этой сельхозартели Петр Петрович Игнатов. — Полеводы наши мечтают сейчас об электропахоте и электромолотбе. Животноводы хотят, чтобы на фермах были у нас и подвесные дороги, и механическая вентиляция, и автоматические поилки. Колхозники справедливо говорят, что пора нам обзаводиться бытовыми электроприборами — чайниками, утюгами и плитками. Думаем мы сейчас и над строительством новой Семеновки — кирпичных домов с водопроводом, асфальтированных улиц и фруктовых садов. А раз думаем — значит, сделаем. Обязательно сделаем. Не такой наш народ, чтобы зря болтать языком и мечтать впустую! — заявляет Петр Петрович, многозначительно кивнув головой в сторону односельчан, соучастников этой непринужденной, душевной беседы.

1949 год выдвинул тысячи новых передовиков сельского хозяйства Казахской республики. Массовый трудовой подъем в колхозных деревнях и аулах свидетельствует о том, что у тружеников социалистических полей,

воспитанных партией Ленна — Сталина в духе пламенного советского патриотизма, нет более важной заботы, чем забота об умножении общественной социалистической собственности и об укреплении могущества нашей Родины.

Мастера высоких урожаев есть теперь в каждом колхозном селе и ауле республики. Многочисленные примеры наших колхозов и совхозов, блестяще осваивающих методы передовых достижений агробиологической науки, увековечили мечту замечательного советского ученого — почвоведа и агробиолога Василия Робертовича Вильямса, пророчески утверждавшего о том, что **«земля будет работать на социализм. Невиданные в мире урожаи способна собирать страна Советов, и я верю, что недалек тот час, когда 100 центнеров с гектара будет средним урожаем моей Родины».**

Такие мастера — новаторы колхозной земли, как известные теперь на всю страну казахстанские колхозники — лауреаты Сталинской премии просовод Чаганак Берснев, рисоводы Ибрай Жахаев и Ким Ман Сам, рекордсменка по выращиванию свеклы Ольга Гонаженко, доказали на практике всему миру правоту корифея отечественной агробиологической науки В. Р. Вильямса. Да, земля Страны Советов способна родить не только по 100 центнеров, но и по 200 центнеров зерна и по 1700 центнеров свеклы на каждом гектаре!

Полвека тому назад великий писатель земли русской Лев Николаевич Толстой опубликовал весьма любопытную книгу, написанную крестьянином бывшего Минусинского уезда Тимофеем Бондаревым. В этой книге — «Трудолюбие и тунеядство, или торжество земледельца» — автор писал: «Я от имени всех земледельцев пишу и ко всем, сколько есть вас на свете, не работающим хлеб на себя. Вся моя история состоит только в двух словах: во-первых, почему вы по первородной заповеди сами для себя, своими руками хлеб не работаете, а чужие труды поедаете? Во-вторых, почему у вас ни в богословских, ни в гражданских, ни в каких писаниях хлебный труд и трудящиеся не ободряются, а донельзя унижаются?»

И далее:

«Сколько много на свете уму непостижимых хитростей, на всякое изделие придуманы машины: где бы

нужно сто человек работать, там одна машина чище всяких человеческих рук работает, хлебная же работа, как крестьяне сами придумали еще с незапамятных времен, так и мучаются».

В этой потрясающей простой и правдивой, написанной кровью человеческого сердца крестьянской исповеди запечатлен безрадостный каторжный труд задавленного беспросветной нуждой и гнетом буржуазно-помещичьего строя русского мужика, добывавшего потом и крошью в прежнее время на кусок насущного хлеба. Автор этого скорбного и гневного сочинения был бесспорно одаренным, талантливым русским земледельцем — это чувствуется в каждой строке его глубоко волнующей, искренней книги. Но не было и не могло быть в ту недавнюю, навсегда ушедшую, к счастью, в прошлое дореволюционную пору никаких условий для вдохновенного, творческого труда мастеров земли, талантливых и самообытных умельцев земледелия. Ссылаясь на разные «хитрости» и машины, применявшиеся в те времена в капиталистической промышленности, минусинский хлебороб Тимофей Бондарев не мог назвать ни одной доступной ему машины и «хитрости», при помощи которой он мог бы облегчить тяжелый и неблагоприятный в то время свой труд. Миллионы русских земледельцев, занятых «хлебной работой», гнули в три погибели спины за древней сохой, единственной тогда «техникой» деревенской бедноты, добывавшей в поте лица своего право на полуголодную жизнь и полухолодное существование.

Полвека спустя после обнародования Л. Н. Толстым сочинения сибирского хлебороба Тимофея Бондарева, казахстанская колхозница, лауреат Сталинской премии Ольга Калистратовна Гонаженко тоже опубликовала книжку «Мой опыт выращивания высоких урожаев сахарной свеклы». И если сочинение минусинского крестьянина Тимофея Бондарева мы называем скорбной, обличительно-гневной исповедью, то скромную книжку Героя Социалистического Труда Ольги Гонаженко можно назвать светлой, волнующей повестью советской крестьянки о радости творчества, о торжестве коллективного труда, о новой счастливой судьбе советского крестьянства. Эта скромная, простая женщина, вырастившая на колхозных полях небывалый в мире урожай сахарной свеклы, пишет в своей книжке о том, что «теперь крестья-

нии-колхозник в своем труде — не один в поле воин, а член большого и дружного коллектива. Он постоянно чувствует локоть своих товарищей, творческую поддержку механизаторов, агрономов и ученых. Труд в коллективе стал для нас, советских крестьян, источником светлой радости».

Если одинокий, задавленный нуждой дореволюционный русский крестьянин Тимофей Бондарев в отчаянии готов был проклясть свою каторжную «хлебную работу», то труд колхозных мастеров земледелия звучит теперь как гимн счастья и радости. Овеянный славой, всенародным признанием и уважением труд советских земледельцев стал делом чести, делом славы, делом доблести и героизма. У Тимофея Бондарева не было и не могло быть друзей в дореволюционной деревне. У Ольги Гонаженко — их тысячи. Друзья этой талантливой самоотверженной труженицы колхозной деревни и мастерицы небывалых в мире урожаев сахарной свеклы — везде и всюду: в Советской Прибалтике и на Украине, в Узбекистане и на Дальнем Востоке, в солнечной Молдавии и на Дону. Ежедневно Ольга Калистратовна получает сейчас десятки писем от своих товарищей и подруг по земледельческому труду.

— Откуда только не пишут мне простые советские наши люди! — восклицает Ольга Калистратовна. — И я с большой радостью отвечаю моим многочисленным друзьям на их письма, рассказываю о своем опыте. Приятно сознавать, что твой скромный труд приносит пользу Родине. Наши люди хотят работать с каждым днем лучше. Я получила в 1949 году по 1 тысяче 515 центнеров сахарной свеклы с одного гектара — это, конечно, небывалый в мире урожай. А сейчас уже семнадцать человек из разных концов Советского Союза взяли обязательства вырастить в 1950 году по 2 тысячи центнеров с гектара! И я верю: они вырастят такой урожай. На колхозной земле урожаем нет предела.

Рекордные урожаи на колхозных нивах и плантациях — не случайность, а плоды большого, напряженного творческого труда не единиц, не одних выдающихся личностей, а целого коллектива колхозных тружеников.

— Наша плантация сахарной свеклы, — рассказывает Ольга Калистратовна, — размещена по хорошим предшественникам. С осени она была вспахана на боль-

шую глубину тракторными плугами. Механизаторы же провели летом на нашей плантации десять тракторных рыхлений. Наш колхоз получил много минеральных удобрений: суперфосфата, аммиачной селитры, хлористого калия. А летом к нам на плантацию то и дело приезжали агрономы, ученые. Они расспрашивали, как мы работаем, и давали свои советы.

В социалистическом соревновании Ольги Гонаженко с такими мастерами высоких урожаев и новаторами колхозного земледелия, как Варвара Шоколова и Мария Гурлак, рождался успех и вырабатывалась наиболее совершенная агротехника. Благодаря упорному труду, мастерству и бесспорному дарованию рядовых сельских тружениц — новаторов, они добились такого блестящего успеха — небывалого в мире урожая свеклы.

Мог ли мечтать крестьянин-одиночка из дореволюционной сибирской деревни Тимофей Бондарев о таком торжестве земледельческого труда? На этот вопрос хорошо ответила Ольга Калистратовна.

— Я считаю себя вправе говорить от имени всего нашего советского крестьянства, — сказала она. — И от имени всех наших тружеников колхозной деревни я говорю, что только советская власть, только колхозный строй превратили труд земледельца в источник счастья и светлой радости.

Так то, чего не мог сказать полвека тому назад русский крестьянин дореволюционной деревни, автор скорбной и гневной книги Тимофей Бондарев, во весь голос сказала теперь от имени всех советских крестьян-земледельцев внучка Тимофея Бондарева, простая русская крестьянка — колхозница Ольга Гонаженко.

Успех Ольги Гонаженко и Чаганак Берсиева, Ибряя Жахасва и Ким Ман Сама, Тимофея Федоровича Мальцева и Андрея Петровича Румянцева и сотен других казахстанских Героев Социалистического Труда, добившихся рекордных урожаев свеклы, риса, проса и зерна — яркое свидетельство того, что покорение природы — это уже не мечта колхозных земледельцев, а реальная действительность. Зерновые области Северного Казахстана по праву слывут за житницу Казахстана, как Казахстан в целом по праву называется теперь мощной зерновой базой на востоке нашей великой Советской страны.

III

Богатейшее зерновое хозяйство Казахской республики и, в частности, основной житницы ее — Северного Казахстана, имеет свою давнюю, весьма поучительную и весьма увлекательную историю.

До конца XVIII столетия этот, издревле обжитый кочевыми народами бывший Киргиз-Кайсацкий край, земледельческой культуры не знал. Кочевники не возделывали обширных своих степей. Они жили, довольствуясь теми благами, на которые не скупилась для них эта издревле щедрая на жизненные дары земля.

И история земледелия этих плодороднейших в Казахстане мест прочно связана с историей их колонизации.

Правда, проникновение первых русских людей в степные владения кочевников произошло почти на два столетия раньше того дня, когда сквозь взрыхленный воеводским мечом пласт благодатной земли пробился первый пшеничный колос. По горячим следам Ермака в 80-х годах XVI века пошли по диким степям те боевые дружины служилых русских людей, коим доверено было, согласно царевой грамоте, окончательно «подвести непокорных инородцев под высокую царскую руку». Ермак, разгромив в прииртышской решающей битве Кучума, не добил его. И некогда грозный татарский хан с остатками потрепанного своего войска «утече» тогда, как свидетельствует знаменитый сибирский летописец Михайло Ремезов, на «калмыцкий рубеж Ишима» где и стал, «живяша сокрыто и омерзительно пакостиша русским и ясачным людям зельне». Этим «калмыцким рубежом Ишима» и являлись плодороднейшие степные пространства нынешних Северо-Казахстанской, Кокчетавской, Акмолинской и частично Кустанайской областей.

В 1598 году боевые дружины русских воевод окончательно разгромили и покорили бывшее кучумское царство. Сам Кучум, бежав в южную глубь ногайских степей, погиб. Но кровопролитные битвы за эту богатую рыбой, солью и зверьем землю не затихали потом на протяжении почти двух столетий. Так, вскоре после бесславной гибели татарского царя русским воинам пришлось сражаться с ногайцами, у которых нашли себе приют сыновья грозного татарского властителя Канай и Алей. Затем на завоеванные русскими дружинниками степные рубежи хлынули с юга несметные полчища джунгар. Они стали гра-

бить ясачных татар и опустошать при набегах воеводские остроги русских людей, охранявших обширные завоеванные владения. И только вспыхнувшие вскоре среди джунгарских орд междоусобицы помогли России удержаться в орбите покоренных владений. Когда же в долинах Иртыша и Ишима был открыт принятый за слюду алебастр, сибирский генерал-губернатор князь Гагарин донес Петру I о необходимости воздвигнуть в завоеванном крае несколько военных укреплений. Царь незамедлительно откомандировал сюда для этой цели три тысячи конного и пешего войска во главе с бригадиром Бухгольцем, кои, прибыв на место, вскоре и заложили основания сначала Омской, а затем Семипалатинской и Усть-Каменогорской крепостей.

В 1752 году генерал Киндерман построил на правом берегу Ишима крепость Петра и Павла — нынешний Петропавловск, и воздвиг целую цепь укреплений, земляных городищ, маяков и редутов, что пролегали близ горькосоленых озер от Яика до Иртыша. От обилия горькосоленых озер линия эта и была названа Киндерманом Горькой. К этому времени значительная часть кочевников уже признала над собой власть России, и русское правительство стало проявлять заботу об организации оседлого населения в воздвигнутых форпостах. С этой целью и было образовано в 1808 году линейное Сибирское казачье войско. Правительство наделило военных колонизаторов землей, жалованием, фуражом и продовольствием. А спустя лет двенадцать линейные казаки уже захватили все окрестные степи от Петропавловска до Кокшетау, от Акмолинска до Каркаралов. Так завершён был первый тур колониального освоения Россией Северного Казахстана.

Первые военные колонизаторы края были и первыми его земледельцами. В 1745 году командир всех сибирских пограничных линий генерал Киндерман, желая удешевить продовольствование подчиненных войск, приказал ввести казенное хлебопашество. А через год после киндермановского приказа на Горькой Линии были уже организованы так называемые казенные пашни. Из шестисот линейных казаков, снабженных из казны земледельческими орудиями и волами, каждый обязан был засеивать ежегодно по три десятины ржи и по три — ярицы. Однако казенное или, как его называли позднее, «палочное»

хлебопашество большой пользы не принесло. На посеянные казаками в 1747 году 1759 четвертей ржи, ячменя и ярицы получено было только 6174 четверти. Следующий год был еще менее урожайным: вместо ожидаемого урожая в сам-11-12, казаки получили только сам-3,5-3. Затем дело пошло еще хуже. Почти ежегодно командиры линейных крепостей доносили Киндерману о том, что «во многих местах был великий недород за жарам и морозами, а в некоторых крепостях и семена едва возвратились». Таким образом, казенный хлеб обходился значительно дороже привозного. Этого хлеба не только не хватало для пропитания линейных войск, но и самих хлебопашцев. И все же, несмотря на столь явные неудачи, казенные пашни просуществовали здесь целых 24 года, и только в 1770 году, по представлению нового командира линейных войск, «палочное» хлебопашество было отменено сенатом.

Через 50 лет после отмены сенатом казенного хлебопашества прибывший в линейные укрепления генерал Капцевич узнал, что казаки продолжали заниматься земледелием и что урожай они местами собирали вовсе не плохой. Тогда, по предписанию Капцевича, были введены «общественные войсковые пашни». От киндермановских казенных пашен общественные отличались тем, что казаки, засевая положенные по приказу 112 десятин ржи и овса на эскадрон, стали пользоваться теперь установленной командиром нормой урожая. Таким образом, военные земледельцы могли уже сами свободно распоряжаться своими излишками, сдавая их в войсковые лабазы по ценам, значительно превышающим рыночные.

Но время было еще тревожное.

Линейным земледельцам то и дело суждено было превращаться в воинов. Часто в полдень неожиданно грохотал над редутом оглушительный залп ядерной пушки, и казаки, тотчас же побросав свои немудреные сошки в поле, мгновенно слетались под пробитые вражьи стрелами боевые знамена на крепостную площадь.

«Чу, не в нас ли палят,
Не идет ли супостат,
Не в поход ли итти нас заставляют?!

Так спрашивали в такие минуты друг друга, слетевшись на условный пушечный залп, земледельцы и воины. И тут же гремела по всем эскадронам команда:

«Жизь стройся в ряды,
Атаман едет суды, —
Предстоит нам поход небывалый!»

А спустя полчаса, казаки, сомкнувши боевые колонны, уходили от редутов, пыля по глухим и неверным степным дорогам за своим атаманом туда, в глубинную степь, на очередное усмирение немирных своих соседей. И совсем нередко такие командировки принимали очень длительный, затяжной характер. Это были настоящие боевые походы во владения Средней орды, с кровопролитными битвами, с поражениями и победами.

Боевая жизнь линейных воинов не могла, разумеется, не отразиться на успехах войскового земледелия. Однако реформа генерала Капцевича дала благотворные результаты. Линейные земледельцы во много раз приумножили войсковые капиталы и, самое важное, они явились пионерами в развитии в полудиком крае вольного общественного хлебопашества. Недаром в превосходном стихотворении нашего современника, талантливого сибирского поэта Леонида Мартынова завоеватель Сибири Ермак представлен как первый русский землепашец. Поднявшись до высот обобщения, этот яркий и своеобразный поэт, глубоко осмыслив и прочувствовав тему, дал такую интерпретацию образа Ермака, которой нельзя отказать ни в художественной, ни в исторической правде.

Вот как звучат мартыновские стихи:

Еще торчит татарская стрела
В стволе сосны на берегу тобольском;
Смердят непогребенные тела
Там, на яру, еще от крови скользком.
— Мы голову Кучуму отсечем! —
Сказал Ермак. — Сибирь на меч подьемлю!
Он вынул меч. И боевым мечом
Ударил в землю и разрыхлил землю.
Подходит пленник. Он хитер и стар,
Мурза татарский с жидкими усами.
— Ермак могилу роет для татар? —
Ермак в ответ: — Ее вы рыли сами! —
И засмеялся. Острием меча
Он продолжает рыть еще упорней.
Он рушит дерн. И слышно, как, треща,
Растений диких лопаются корни.
Земля, на меч налипшая, жирна:
В ней кровь, в ней пепел от лесных пожаров.
— Кольцо! Достань-ка горсточку зерна,
Немолотое есть у кашеваров.

...Глядят на атамана казаки
И пленники — праправнуки Батя.
Летят из атамановой руки
В сырую землю искры золотые.
«Я много ль сеял на своем веку?» —
Так думает страны завоеватель.
Иван Кольцо подходит к Ермаку,
Его помощник и большой приятель.
Ивану заглянул Ермак в лицо
И шепчет он — тревогой полон голос:
— Как думаешь, дружок Иван Кольцо, —
Не вытопчут? Взойдет? Созреет колос?

Ровно шестьдесят пять лет тому назад щеголеватый акмолинский почтмейстер заштемпелевал в присутствии губернаторского письмоводителя и отправил в далекий Петербург особо важное, за сургучной печатью губернаторской канцелярии, строго секретное письмо. Это был увесистый казенного образца пакет, адресованный в личные руки императора. А месяц с лихвой спустя царь Александр III, вскрыв упомянутый пакет, нашел в нем всеподданнейший отчет на свое имя, подписанный великолепным, тонким и легким росчерком степного генерал-губернатора Казнакова. Вот что писал тогда Казнаков царю: «Положение степных областей требует особого внимания. Со времени принятия киргизами русского подданства успехи, сделанные оными в гражданственности, весьма ничтожны. Попытки же перехода сих инородцев к земледелию также не заслуживают внимания. Между тем, — продолжал генерал, — доколе киргизы будут одиноко совершать в пустынных пространствах степей огромные орбиты своих кочевков, вдали от русского населения, они останутся верноподданными лишь по названию и будут числиться русскими только по переписям. Сопредельные с ними по линии казаки, по малочисленности своей, не могут принести оному делу большой пользы, но сами поголовно обучились киргизскому царению и переняли некоторые, впрочем безвредные, привычки кочевого народа».

Мысли эти были высказаны губернатором императору в канун второго тура уже не военной, а крестьянской колонизации Северного Казахстана. Отчет Казнаковым был написан царю в 1875 году, через 15 лет после окончательного завершения военной колонизации. Россия к тому времени уже продвинула свои границы до Туркестана, и нужды в приумножении боевых сил линейного казачества теперь здесь не ощущалось.

Тяжелые это были времена для сибирского войска! Правда, правительство щедро наградило казаков землей — по 30 десятин на душу. А для того, чтобы превратить былых воинов в примерных и мирных хлеборобов, казна не поскупилась на разные льготы и ссуды. К тому же под боком были даровые рабочие руки кочевнической бедноты да и земля родила из года в год — не то, что в старину — на славу. Но, не взирая на все эти явные блага, примерных земледельцев из линейных старожилов не выходило. Не помогали ни грозные губернаторские приказы, ни многословные проповеди гарнизонных попов. Казаки явно отлынивали от непривычной и тяжелой для них сельскохозяйственной работы. Они, издревле свыкшиеся с боевой, полной тревог и лишений, но зато вольной походной жизнью, не в силах были изменить своему нутру и тотчас же превратиться, по высочайшему повелению российского императора, из воинов в безобидных трудовых хлеборобов. Нет, романтика былых битв и сражений с мятежными ордами и навсегда ушедшая в прошлое полная увлекательных приключений пора — все это не давало покоя хмельным от вольности казачьим душам. Вот почему благие надежды правительства не сбылись: ожидаемого мгновенного превращения линейного воина в земледельца не произошло, и казаки, изнывая от тоски и безделья, остались прежними казаками.

Тогда-то генерал Казнаков и поднял перед императором вопрос о втором туре колонизации края, предложив государю открыть доселе запретный доступ к казахским степям для крестьянского переселения.

Получив губернаторское донесение, император не очень-то поспешил с ответом. И только спустя 14 лет, в июле 1889 года, Петербург откликнулся, наконец, на акмолинские предложения. В это время в России было обнародовано «высочайшее уведомление» о том, что отныне акмолинские и все западно-сибирские степи объявляются открытыми для вольного крестьянского переселения.

Приближался к концу XIX век. Но Россия уже успела насчитать за это, пока еще неполное столетие, 40 голодных лет. Со страшной закономерностью каждые два-три года страна терпела неурожай, за которым следовал голод. Если в начале столетия в центральной полосе импе-

рии одновременно голодали и по 6 и по 8 губерний, то в сороковых годах их было уже по 18, а в девяностых — 60. Однако все эти страшные цифры не ахти как тревожили коронованную романовскую династию самодержцев. Императоры, ревностно поддерживаемые помещиками на протяжении всего этого столетия, боролись не с голодом, а с... голодающими. Так, например, когда в 1840 году голод окружил двух десятков губерний, Николай I, образовав секретный комитет, соблаговолил дать ему для руководства по борьбе с голодающими следующую директиву: «Надлежит помнить,— писал император,— что от достаточной помощи в крестьянах возбудится леность и тунеядство, и правительство, ограждая народ от физического бедствия, может сделаться невольной причиной распространения нравственных недугов, в существе своем несравненно вреднейших и опаснейших...»

Что же представляла из себя российская деревня XIX столетия? Нельзя скучнее, ярче и проще ответить на этот вопрос, чем ответил на него А. С. Пушкин:

Смотри, какой здесь вид: избушек ряд убогий.
За ними — чернозем, равнины скат отлогий,
Над ними — серых туч густая полоса.
Где нивы светлые? Где темные леса?
Где речка? На дворе у низкого забора
Два бедных деревца стоят в отраду взора.
Два только деревца. И то из них одно
Дождливой осенью совсем обнажено.
И листья на другом, размокнув и желтея,
Чтоб лужу засорить, лишь только ждут Борей.
И только. На дворе живой собаки нет.
Вот, правда, мужичок, за ним две бабы вслед,
Без шапки он: несет подмышкой гроб ребенка
И кличет издали ленивого попенка.

Сквозь этот печальный, безотрадный осенний пейзаж выступает трагический облик задавленной нуждой, голодной, холодной, сирой и нагой российской деревни времен Николая I. Однако ничто не изменилось в этом облике и за целое столетие. Все тот же знакомый нам пушкинский образ нищей деревни проходит через всю великую нашу русскую литературу от гениальнейшего русского поэта до блестящего мастера прозы Ивана Бунина. И в суровой поэзии Н. Некрасова, и в беспощадной прозе Глеба Успенского, и в проникновенных, полных великой жизненной правды, мастерски выгравированных бунинских

новеллах — везде и всюду, во весь разворот художественной исторической правды дана, в сущности, одна и та же потрясающая реалистическая картина все той же забитой, задыхавшейся под помещичьим произволом и голодавшей на протяжении столетий русской деревни, где мужики, не видевшие пока впереди ни зги, могли лишь «до смерти работать, до полусмерти пить».

Вот почему, прослышав о том, что государь открыл доселе наглухо замкнутые на двенадцать засовов ворота в далекую хлебородную степь, десятки тысяч изголодавшихся на родине, отчаявшихся мужиков тотчас же снялись, не раздумывая, с родовых насиженных мест и тронулись в неведомые акмолинские степи.

По терновому, по каторжному пути шли в те годы переселенцы, колеся по градам и весям обширной Российской империи. История дореволюционного переселения российских крестьян — это целая эпопея страшных, почти неправдоподобных бедствий, чудовищных лишений и неисповедимого народного горя, мужественно перенести которые способен был только русский мужик.

Писатель Н. Д. Телешов рассказывает в своих воспоминаниях о том, как однажды, в пору своей литературной юности, совершенно случайно встретился он в вагоне пригородного подмосковного поезда с А. П. Чеховым. Телешов ехал на одну из пригородных станций с намерением снять там для себя дачу на летний сезон. Разговорившись с Чеховым, молодой писатель пожаловался ему на отсутствие тем. Внимательно выслушав юного литератора, Антон Павлович, мягко улыбнувшись, сказал ему:

— Послушайте, а зачем вам эта самая дача? Знаете, что я вам посоветую? Ежели хотите стать серьезным писателем, плюньте-ка, батенька, на все эти дачные затеи. Я бы на вашем месте сию же секунду вернулся в Москву, купил билет и завтра же выехал бы третьим классом куда-нибудь подальше... ну, скажем, за Урал. Уверяю вас, там вы встретите немало интересного, и вам будет потом о чем рассказать...

Телешов так и сделал. Распрощавшись на первой же дачной остановке с Чеховым и горячо поблагодарив его за полезный совет, он вернулся с первым же встречным поездом в Москву, немедленно выправил билет на вокзал и на другой день уехал в вагоне третьего класса в далекую зауральскую степь.

А через два года в Петербурге вышла в свет книга, сразу же обратившая на себя внимание критики и доставившая доселе мало кому известному автору ее широкую популярность в читательских и литературных кругах. Это были телешовские «Переселенцы» — правдивая, глубоко волнующая повесть о русском мужике, рискнувшем попытать свое счастье в пустынных акмолинских степях. Именно Телешов первым из писателей рассказал языком художника горькую правду об этой переселенческой голгофе, где столько было страдания, народного горя, гнева и слез, что далеко не у каждого из читателей хватало тогда мужества и решимости дочитать эту книгу до конца.

Как Н. Д. Телешов в литературе, так другой значительный русский художник С. В. Иванов в живописи оставил нам яркие художественные документы, свидетельствующие о трагической судьбе дореволюционного русского переселенца. Все мы помним и по «Третьяковке» и по многочисленным репродукциям широко известную картину «Переселенцы». И тот из нас, кто хотя бы раз в жизни видел в Третьяковской галерее это ивановское полотно, — тот никогда не забудет ни жалкой переселенческой повозки, одиноко торчащей среди дороги в глухой степи, ни страшного в своей неподвижности, прикрытого грубой холстиной трупа кормильца осиротевшей семьи, ни этих обреченно опущенных под тяжестью невыплаканного горя страдальчески выразительных женских плеч.

И книга Н. Д. Телешова, и картина С. В. Иванова, и превосходный, как всегда предельно выразительный и яркий рассказ «На край света» Ивана Бунина — все это документы одного плана, где путем обобщений и изобразительных средств художники раскрыли нам с потрясающей психологической глубиной внутренний мир русского мужика, вынужденно покинувшего свою родину и отправившегося на поиски некоей обетованной страны.

Но существуют документы и другого плана, где скупой и точный язык фактов и цифр, пожалуй, не уступает по своей выразительности ни объективному телешовскому слову, ни острому бунинскому перу, ни строгой и смелой ивановской кисти. Так, например, в XVIII томе полного географического описания России, изданном в С-Петербурге в 1903 году, мы читаем:

«С девяностых годов начался усиленный наплыв переселенцев в Акмолинскую область, с которыми админист-

страция первое время не знала, что делать и куда их размещать. Так, летом 1890 года в области скопилось свыше 17 тысяч никуда не причисленных переселенцев. Они буквально наводнили все казачьи поселения. Но так как везде все было переполнено, то они целыми месяцами бесцельно блуждали из поселка в поселок в тщетных поисках пристанища. Уездные власти, не видя возможности как-нибудь устроить всех этих несчастных и опасаясь волнений и развития различных эпидемий, употребляли все меры, чтобы удалить переселенцев из пределов области».

Вот как встретили акмолинские власти в лице так называемой особой комиссии по делам переселения прибывших сюда россиян. Зато на покинутой пришельцами родине им было обещано немало всяческих благ: и свободный выбор земельных участков, и льготы по податным платежам и натуральным повинностям, и бесплатные сто корней на каждый двор для обзаведения постройкой, и даже 20 рублей наличными на каждую семью обещала переселенцам казна «на предмет обзаведения скотом», как говорилось в особой «переселенческой инструкции». Но как переселенец-бедняк мог обзавестись скотом на посуленную ему казной двадцатку, если сносная рабочая лошаденка стояла по тем временам в этих местах около полусотни целковых,— об этом в инструкции ничего не говорилось.

...И наступила грозная, до сих пор многим памятная в Северном Казахстане осень 1890 года. 915 семьям из 17 тысяч переселенческих душ, мечтавших найти в акмолинских степях свою обетованную землю, наконец, повезло: их кое-как, с грехом пополам, все же «устроили» на прирезанных межевиками земельных участках. Но что это были за участки? Межевые партии землеустроителей меньше всего заботились о благополучии новоселов и в спешке селили их где попало. Вот почему через год многие из вновь возникших в степи переселенческих сел, хуторов и отрубов вынуждены были снова сняться с обжитых за зиму мест и тронуться на поиски новых, более пригодных земельных угодий. Причины к тому были веские: то близ поселков воды не оказалось, то почва была солончаковой, то новоселам межевники «забыли», оказывается, прирезать сенокосные угодья. «Забывчивость» землеустроителей объяснялась очень просто: землеустрои-

важные ими мужики, как потом оказалось, недостаточны щедро «позолотили господам землеустроителям ручку» и вот теперь вынуждены были расплачиваться за свою недогадливость более крупной монетой, разоряясь вчистую. вконец...

Судьба же нигде не приписанных переселенцев была еще ужасней. Очутившись к зиме без крова, без куска хлеба, без расколотого гроша за душой, тысячами оупело кружились они по окрестной степи, бродили по линейным казачьим станицам в тщетных поисках пристанища. Но казаки не очень-то радушно привечали пришельцев из далекой «Лапотной Расеи». Видя в новоселах своих врагов, посягающих на священную казачью землю и по наитию чувствуя в них опаснейших своих конкурентов в земледелии, линейные старожилы не только не давали приюта обездоленным мужикам, но с молчаливого согласия начальства, а нередко и подстрекаемые им, казаки гнали переселенцев из своих станиц прочь, не позволяя даже укрываться от дождей и непогоды под крышами пустующих войсковых амбаров. Прогнанные из станиц, злорадно освищенные и осмеянные злыми на язык старожилками, измученные бесконечными скитаниями, отчаявшиеся, изголодавшиеся и почти уже утратившие былой человеческий облик переселенцы вынуждены были искать защиты в пустынных степях или у редких зимовок кочевников. Однако казаки, сами вытесненные из прежних богатых пастбищами просторных угодий, не могли сочувственно отнестись к русским новоселам. Аткаминеры, влиятельные степные князьки и баи натравливали казахскую бедноту на блуждающий по степи бездомный русский народ, и сложнейший переплет национальных и классовых отношений обретал теперь самые злые, острые формы.

Нет, некуда было преклонить головы в этом просторном краю затравленным, попавшим под перекрестный огонь национальной, сословной и классовой ненависти переселенцам. На суровом чужестранном ветру, под проливными дождями ютились они в жалких своих шалашах и, простужаясь и голодая, равнодушно умирали близ глухих дорог, беспомощно цепляясь цепенеющими пальцами за жестокую, не ласковую к ним землю...

«Употребив все меры к удалению переселенцев из пределов области», акмолинское степное генерал-губер-

паторство разогнало чудом уцелевших от голодной смерти людей куда попало. Часть из них была выпровожена на Алтай. Иные уплелись в соседнюю, Семипалатинскую область. Иные — таких, правда, было немного — рискнули вернуться на родину.

Могучий переселенческий поток, хлынувший к прославленным берегам Ишима, не затих и после пережитой первыми переселенцами катастрофы. К 1896 году здесь уже осело свыше 80 тысяч курских, орловских, пензенских и тамбовских мужиков. Потом появились белые, крытые золотистой соломой хаты с молодыми вишневыми садиками около них прикочевавших сюда киевлян, херсонцев, полтавцев и черниговцев. Задумчивый и уютный украинский пейзаж сменил библейскую суровость этих равнин. Вскоре приветливо замахали могучими крыльями высокие, со стрельчатыми шпанами на макушках украинские ветряки. Приятно было смотреть теперь издали на неутомимую работу этих тружеников усталому степному путнику, завидевшему вдалеке новое, прочно обжитое трудовым народом селение.

Эти гордо поднимавшиеся над степью ветряки были первыми маяками зародившегося в степном краю и стремительно разраставшегося торгового земледелия. И зоркие, наметанные глаза екатеринбургских, ирбитских и шадринских зерноторговцев сразу же заметили новую, весьма обширную зону для хищных своих промыслов и спекуляций. Вот почему все чаще и чаще стали кружиться теперь окрест незнакомых переселенческих сел бойкие на язык, расторопные и всегда как будто полухмельные заезжие с Урала хлеботорговцы.

А в канун 1917 года чиновники Акмолинского губернского статистического управления доносили по начальству, что «согласно последних статистических данных, собранных по степному краю, на территории Акмолинской губернии числится уже свыше одного миллиона двухсот тысяч осевших на землю переселенцев».

Так был завершён второй тур колонизации бывшего Киргиз-Кайсацкого края. По тропе Ермака, по следам служивых людей государя, за полками бухгольцевской пехоты и лихими эскадронами казачьей конницы пришла в эту степную окраину Российской империи великая армия земледельцев, армия будущих мастеров земли.

Сокровенная мечта Ермака — завоевателя и первого

земледельца края — сбывалась. Зерно, некогда брошенное во взрыхленную боевым мечом землю, дало ростки. И напрасно тревожился вдруг затосковавший по пашням полководец: пригоршня золотых искр, оброненная им на поле брани, не была вытоптана потомками.

Но до урожая, о котором часто мечтал в бессонные ночи задумавшийся под шатром Ермак, было еще далеко.

Наступал только 1917 год.

V

Редкий, пожалуй, из наших современников знает о том, что еще совсем сравнительно недавно, всего каких-нибудь лет пятьдесят тому назад, в Северном Казахстане существовало поливное земледелие. И здесь, как на юге Казахстана, весело журчали музыкальные арыки, орошая пашни и омывая луга. Глуховатый, дремотный говор арычной воды звучал под северным небом Казахстана еще в конце девяностых годов прошлого столетия. Характерную болтовню сумерничавших арыков можно было услышать тогда в самых северных районах нынешней Акмолинской области, под Атбасаром и близ Петропавловского менового двора — на берегах полноводного в те времена Ишима. И там, где ныне тяжело клонятся долу золотовесные колосья вызревших колхозных хлебов, где шумят на ветру голубые волны овсов и смыкаются с далеким степным горизонтом шафранно-желтые массивы пшеницы, — там в недалеком прошлом ютились близ безымянных степных речушек и ручейков жалкие клочки искусственно орошаемых человеком пашен.

Это были пашни кочевников. Пашни казахов.

Именно казахи занесли сюда от ворот Ташкента и Бухары эту древнюю культуру поливного земледелия. Еще не имея под руками более совершенных сельскохозяйственных орудий, чем, скажем, кетмень, кочевники не в силах были одолеть вековые залежи спрессованной за столетия земли. Но появление в этих местах испытанной и многострадальной русской матушки-сохи произвело целый технический переворот в истории казахского земледелия. После первого же знакомства с сохой арычные пашни были заброшены. И казахский народ, как и русские земледельцы, начал в поте лица добывать трудовой кусок хлеба уже не при помощи библейского кетменя, а

более совершенным орудием — обутой в железный сошник сохой.

До первой половины прошлого столетия казахи почти не знали земледельческой культуры. Но позднее, когда большинство казахского народа, изнуренное неудачными войнами с народами Туркестана и войсками русских колонизаторов, стало из года в год терпеть разорение и великую нужду, беднота была вынуждена искать спасения от угрожающей ей голодной смерти. А угроза была реальная. Страшные бедствия кочевого народа — джугы наконец разорили и без того небогатых скотом казахских бедняков. И кочевник, лишившийся в такую пору последней коровы, волею-неволей превращался в земледельца. Человек искал спасения в единственной своей кормилице — земле.

Так, например, когда в 1879 году, во время великого джуга, у казахов бывшего Казалинского уезда погибло свыше двух третей всего скота, тотчас же десять тысяч кибиток из 25 вынуждены были перейти от скотоводства к земледелию, занявшись рытьем арыков и посевами проса и ячменя. Еще раньше казалинцев взялись за посевы пшеницы и овса казахские земледельцы с берегов Или и из Каратальской долины. Причем, по свидетельству пристава Большой орды, как илийские, так и каратальские кочевники, согласно особому договору с тогдашним военным управлением Заиллийского края, уже поставляли продовольствие и фураж для казахских войск, сосредоточенных в 1855 году в укреплении Верном.

Приблизительно в эти же годы казахское земледелие получило довольно широкое распространение и в северных районах нынешнего Казахстана. А в канун революции казахи Актюбинского уезда занимались посевами уже почти поголовно. Около 80 процентов полукочевого казахского населения имело к тому времени свои посевы в Кустанайском и свыше 60 процентов — в Лбищенском уездах. Это были районы наиболее развитого казахского земледелия, где, по данным бюджетного обследования, произведенного около тридцати с лишним лет тому назад проф. Щербиной, годовой расход хлеба на одно казахское хозяйство выражался в среднем в ста девятнадцати пудах.

Казахи же бывшей Акмолинской губернии, по сравнению с кустанайцами и актюбинцами, сеяли меньше и

доход от своих посевов имели незначительный, ежели не ничтожный; он не превышал 6 — 8 пудов годового потребления зерна на душу. Объясняется это тем, что крупные скотоводческие хозяйства акмолинских полуфеодалов земледелием не занимались: им еще пока было выгодно гонять по куендинским и каркаралинским ярмаркам тысячные гурты своего скота и вступать в привычные торговые сделки с российскими скотопромышленниками, чем пускаться в весьма рискованную конкуренцию с местными «зерновыми королями» и набившими руку на хлебных спекуляциях, прожженными петербургскими и челябинскими авантюристами. И если годовой денежный доход казахских земледельцев Кустанайского и Актюбинского уездов выражался к концу 1913 года в 24 рублях, то казахи Акмолинского уезда получали от своих посевов не более трех рублей в год, а среди казахских земледельческих хозяйств Петропавловского уезда годовой доход не превышал н... пяти копеек.

В эти предвоенные годы среди казахского населения бывшей Акмолинской губернии хлебопашеством занимались почти исключительно одни бедняки. В основном это были люди, близкие к полному разорению. Чудом удержавшись за последнюю лошадь и не имея иных источников существования, они брались за поручни сохи и начинали ковырять жалкий клочок земли, надеясь таким образом поддержать угасавший огонь семейного очага и спасти свою семью от нищеты и голодной смерти. Нам теперь трудно даже представить, как это могло держаться такое хозяйство с... пятикопеечным доходом в год. А между тем это было так. Это было так потому, что выбора у казахского бедняка, в сущности, не было: или ковыряться с грехом пополам в земле и хоть впроголодь, но кормить до половины зимы свою семью хлебом, или, бросив эту семью на произвол судьбы, отправляться к линейному казаку или степному баю в батраки, возврата откуда — это знали все назубок — уже не было и не могло быть.

Развитие торгового земледелия в дореволюционном Казахстане шло за счет линейных казахских и, главным образом, переселенческих хозяйств, прибравших к рукам за два тура военной и крестьянской колонизации края 44 миллиона 986 тысяч десятин самой лучшей и плодороднейшей казахской земли. Итоги сельскохозяй-

исенной переписи 1916 года свидетельствуют о том, что около 80 процентов всех посевных площадей бывшего Киргизского края было сконцентрировано в переселенческих хозяйствах. Вся посевная площадь переселенцев, живших в границах нынешнего Казахстана, исчислялась накануне первой мировой войны в 2 миллиона 864 тысячи десятин из 4 миллионов 259 тысяч десятин посевной площади края. Таким образом, остальная посевная площадь в количестве 1 миллиона 395 тысяч десятин падала на хозяйства линейных старожилов — русского казачества, на хозяйства казахские и на хозяйства других коренных национальностей, населявших дореволюционный Казахстан.

Нельзя, разумеется, думать, что все осевшие на казахской земле русские переселенцы жили одинаково хорошо и получали от земледелия одинаково большие доходы. Наоборот, классовая дифференциация среди носителей в канун первой мировой войны обрела особенно обостренный характер. Из обследования переселенческих хозяйств, произведенного проф. Румянцевым в Лепсинском, Копальском, Сергиопольском и Верненском уездах, видно, что 35 процентов из проживавших здесь в 1912 году переселенцев считались «неприписными», т. е. они не имели ни своей земли, ни клочка своих собственных посевов. Эти русские люди, наравне с казахской беднотой, терпели такую беспросветную нужду, такие нечеловеческие бедствия и лишения, о которых знаем мы теперь только по просторным, как степи, по горьким, полным тревоги, тоски и гнева русским народным песням, да по вдохновенным и непосредственным творениям степных акынов, воспевавших в своих стихах скупую на счастье и радости жизнь казахской кочевнической бедноты.

— Где ты бродишь, моя доля? —
Не докличусь я тебя.

Так спрашивал украинский бедняк-переселенец, гляючи с тоской на чужую, безучастную к судьбе его степь, и, не дождавшись ответного отклика, он — так же как и бедняк-казак — мыкался целый век ради куска черствого хлеба и ковшка студеной воды по батракам, гнул в три погибели спину свою по немилым кулацким постаньям, где, как рассказывается в печальной девичьей песне:

Гуделя рученьки от работушки,
Изнывала бела грудь от заботушки;

Не видали солнышка очи ясные,—
Только видели непогодь — дни ненастные.

Пролитым на чужих полях кровавым потом кормилась и русская и казахская беднота в эти страшные, навсегда ушедшие в прошлое годы, и горек был добытый ею хлеб и солоня водица!

По свидетельству того же проф. Румянцева, только 15 процентов из обследованных им в упомянутых уездах переселенческих хозяйств жили в полном достатке, изобилии и довольстве. В руках этих пятнадцати процентов было сосредоточено около 70 процентов всего имевшегося в переселенческих хозяйствах скота и свыше половины всей посевной площади. Это были кулаки — типичнейшие представители тех самых капиталистическо-фермерских хозяйств, на которые возлагал в свое время все надежды земледельческой России известный «реформатор» Столыпин. По хвастливым и самоуверенным заявлениям этого реакционнейшего царского министра, именно таким «крепким хозяйствам» суждено было открыть новую эру технического прогресса в русском земледелии. Однако история показала, что никакой такой новой эры столыпинские отрубные кулаки не открыли и никакого прогресса в своем земледелии не произвели.

Особенно яркие, предельно выразительные примеры, обнажавшие сущность столыпинской «реформы», можно было наблюдать в дореволюционном Казахстане. О каком же техническом прогрессе могла идти речь, когда акмолинские, верненские, копальские и прочие кулаки отнюдь не нуждались в сколько-нибудь серьезно механизированном земледелии! Не нужна была им эта механизация. Ведь куда было дешевле и выгоднее со всех точек зрения кулацко-фермерского хозяйства эксплуатировать русско-казахскую бедноту и грошовыми ее, но на редкость выносливыми мужественными руками загребать золотовесный жар урожаев в свои закрома! Эти в большом изобилии имевшиеся под боком у кулака даровые рабочие руки обходились столыпинскому фермеру дешевле любой простейшей сельскохозяйственной машины.

Можно смело сказать, что такой варварской, хищнической обработки земли, какую до самой революции

практиковали в казахстанских степях стремительно богатевшие кулаки столыпинского толка, не знала ни одна губерния Российской империи и особенно центральной ее части. Арендую у казахской бедноты землю, кулаки, высосав за эксплуатационное пятилетие из этой земли все соки, бросали ее и переключались на новые целинные массивы. Ни о каких, разумеется, агротехнических мероприятиях тут не могло быть и речи, ибо кулак не нуждался в них, хищнически эксплуатируя даровую арендную землю. Выжав за первое пятилетие из этой земли всю ее первобытную плодородную силу, арендатор цинично заявлял: «Спасибо этому дому, пойдем к другому!» И он шел, распахивая новые девственные участки и собирая на них обильный урожай без мастерства, без творчества, без любви к земле и без тревоги за ее будущее. Таковы были непреложные законы капиталистическо-фермерского земледелия.

Разработанное при участии Столыпина «Особое степное положение» установило такой порядок, согласно которому казахский народ мог сдавать в аренду принадлежавшую ему землю только «людям русского происхождения», то-есть надо понимать — кулакам. Причем вопрос о сдаче земли в аренду мог решаться только съездом выборных волостных. Этим новым положением широко воспользовались влиятельные верхи дореволюционного аула — аткаминеры, тотчас же занявшиеся от имени таких фиктивных съездов самой бессовестной распродажей казахской земли. Сдавая в аренду русским кулакам земельные наделы казахского народа, они в большинстве случаев клали полученные от арендаторов деньги в собственный карман, а бедняков, действительных хозяев земли, выживали с запроданных угодий и лишали таким образом казахский народ последних источников существования. Так, например, в одном только Акмолинском уезде к концу 1912 года таким мошенническим путем сдано было в кулацкую аренду свыше 6 тысяч десятин казахской земли.

Идеологи столыпинской аграрной политики в лживых и ханжеских своих выступлениях болтали о том, что якобы к началу первой мировой войны, за шесть лет реакции, подавляющее большинство земледельческих хозяйств России экономически окрепло, поднялось и обогатилось. Однако В. И. Ленин на том же самом материа-

ле, которым грубо жонглировали все эти столыпинско-пуришкевичские трубадуры, доказал обратное. Оперировав взятыми из помещицкого журнала «Русская мысль» цифрами и фактами, Владимир Ильич в ответ на неумную болтовню реакционнейших писаков заявил, что ежели одна пятая часть земледельческих хозяйств действительно окрепла, то две пятых за это время дошли до полного разорения и две пятых остались на прежнем уровне. В замечательной речи, подготовленной для думских большевиков к произнесению 10 апреля 1914 года в Государственной думе, Ленин писал:

«И помещик, дающий зимой под работу хлеб или деньги, вовсе не похож ни на «европейского» хозяина, ни на капиталиста-предпринимателя вообще... Усовершенствования производства не только ненужны при такой «системе хозяйства», а прямо нежелательны, с ее точки зрения, ненужны и вредны для нее. Разоренный, нищий, голодный мужик с голодным скотом и убогими орудиями — вот что нужно для подобного помещицкого хозяйства, которое увековечивает отсталость России и забитость крестьян» (т. XVII, стр. 397, 3-е изд.).

Второй тур крестьянской колонизации бывшего Киргизского края привлек в дореволюционный Казахстан огромные массы русских переселенцев, сыгравших решающую роль в развитии товарного земледелия. Казахский народ, вытесненный из районов, более благоприятных для сельского хозяйства, не мог угнаться за русскими хлеборобами, и формы его дореволюционного земледелия носили чисто потребительский характер. Все это в канун первой мировой войны привело к небывалому в истории края обострению национальных, сословных и классовых отношений и к тому резкому различию в структуре и динамике земледелия, которое существовало здесь между потребительской и товарной системами в сельском хозяйстве пришлых русских и коренных обитателей края — казахов.

И, наконец, здесь было еще одно противоречие, включающее всякую возможность в развитии какого бы то ни было технического прогресса в капиталистическом земледелии. Противоречие это крылось в условиях дореволюционного казахского рынка, диктовавшего крайне

низкие цены на хлеб, что в свою очередь было вызвано почти полным отсутствием в крае железнодорожных магистралей. А низкий уровень цен на зерно требовал такой себестоимости продукции, которая могла быть достигнута в кулацком хозяйстве не столько механизацией, сколько неслыханной эксплуатацией казахской и русской переселенческой бедноты. Таким образом, законы дореволюционного казахстанского рынка тоже способствовали развитию варварски хищнического капиталистическо-фермерского земледелия, а отнюдь не техническому прогрессу его.

Станичные и отрубные столыпинские кулаки, глумясь и издеваясь над земледельческой беднотой казахского народа и горланя при случае на всех перекрестках о том, что «из орды хлеборобам не бывать», в то же самое время охотнее брали на работу казахских, чем русских батраков. Это было выгоднее степным «зерновым королям». Казах добросовестнее русского трудился на кулацкой земле. Кто знает, что двигало им? Может быть, желание угодить хозяину и не потерять последнего куска хлеба, который зарабатывался ценой каторжного, подвижнического труда? А может быть, в кочевнике, упрямо шагавшем от зари до зари за плугом по влажной борозде, жило подсознательное стремление постичь тайны нелегкой земледельческой науки, которая могла пригодиться в будущем и ему и его отсталому, забитому, загнанному в глухие степи многострадальному народу.

Все, в конце концов, способен почувствовать человек.
Мог он почувствовать и это.

VI

Вторая половина сентября.

Осень — по календарю.

Но совсем еще, пожалуй, по-летнему пылает над северной степью голубой огонь неба, а в зеркальном блеске озер отражаются и прибрежные камыши и одинокие облака.

Тихо вокруг.

В раздумьи природа.

Полные неповторимого очарования, стоят в ожидании близкого листопада слегка тронутые позолотой березовые леса. А листопад и непогодь не за горами. Об этом

напоминает многое. И невесомые нити повиснувшей в воздухе паутины. И нездоровый жаркий румянец на рубиновых листьях осин. И чуть слышное, горькое курлыканье проходящих на большой высоте журавлей...

Скоро, скоро затрубит в медный рог щедрая на ливни и ветры северная наша осень. Свинцовое плоское небо опустится ниже над степью. Потонут в зыбком дыму дождей и туманов озера. И неприветливым покажется в такую пору колхозное поле, на котором отшумит к тому времени жаркая жатва. И невеселым будет выглядеть гигантский артельный ток, когда умолкнет на нем ритмичный гул молотилки и надолго замрет озорной девичий смех.

Не далека пора затяжных осенних пенастий. Но еще ближе конец колхозной страды. В сорока восьми колхозах Пресновского района остаются необранными считанные гектары. На полях восемнадцати сельхозартелей жатва была закончена в канун сентября.

Лето выдалось нынче жаркое. Хлеба, посеянные преимущественно по залому, по парам и перевороту, да к тому же еще и в предельно короткие сроки, налились и выспели дружно.

Небывалое дело: яровые начали убирать в Северном Казахстане чуть ли не вместе с озимыми! Во всяком случае, былой «глухой поры» — передышки между уборкой ржи и пшеницы — не было. Тяжелые, точно литые колосья пшеницы, красуясь под солнцем, прежде обычного запросились под серп. Однако колхозных тружеников земли врасплох эта ранняя страда не застала. В открытое море созревших хлебов вышло девяносто восемь комбайнов трех МТС и свыше двухсот пятидесяти простых машин сорока восьми колхозов. Не побрезговали кое-где расчетливые хозяева и серпами. В умелых и жадных до труда руках мастеров колхозной земли сослужили немалую службу в разгар страды и эти древние орудия жатвы.

Весь август стояли безоблачные, знойные дни. На глазах, не по дням — по часам, созревали один за другим бескрайние, уходящие к горизонту массивы. Зевать было некогда, знай — разворачивайся.

Напряженно забился пульс коллективного труда на полях и токах, близ колхозных амбаров и государственных зернохранилищ. Опустели колхозные станицы и села. На улицах — ни души. Все, от мала до велика, ушли ту-

на передний край заключительной битвы за хлеб — в бригады, в степь, в поле.

И сейчас, когда страда подходит к концу, так же, как в начале ее, не умолкает ни днем, ни ночью в степях ритмичный рокот тракторов и глухой рев молотильных барабанов. Грейдированные степные дороги и тракты превратились в шумные автострады. Колонны груженых зерном тяжелых отечественных автомашин двинулись из степей на пристанционные элеваторы. Вереницы бестарок с пшеницей и рожью потянулись с артельных токов к глубинным пунктам Заготзерно.

Золотые потоки хлеба хлынули в государственные макрома. Стойкий запах сухого пшеничного зерна перемешался с ароматом прогретой солнцем земли, с бражным привкусом свежей соломы. Так вкусно и сытно может пахнуть в осеннюю пору только земля, политая трудовым потом.

VII

Пройдут долгие годы. Забудется многое. Но никогда не забудет Герасим Павлович Шальнов одну из ночей в январе. Поздно, в глухой послеполуночный час, возвращался он домой с общеколхозного собрания. Мело. Не видно было ни зги. Шагать сквозь пургу, против встречного ветра, ему, при немолодых годах, было трудно. Он остановился. Перевел дух. Постоял. Подумал. Вот стоит он один среди завьюженной сельской улицы. Ночь. Пурга. Родное село в сугробах. Ни огонька. Ни живой души вокруг. Степь окрест — ни конца, ни края. А там, за тысячи верст отсюда, сияют в ночном небе Москвы лучистые кремлевские звезды, и рубиновый свет их проникает сквозь тысячеверстную мглу ночи, согревая душу.

Высоко поднимаются над зубчатыми стенами Кремля граненые шатры сказочных его башен. Это туда, в Москву, в Кремль, к Сталину, уйдет сегодня письменная клятва Герасима Шальнова, скрепленная собственной его росписью.

И Герасим Павлович, стоя среди безлюдной улицы, необъясненно ярко и живо представил себе в эту минуту все: и Москву, и Кремль, и Сталина, бодрствующего в ночи за свершенном великих государственных дел. И может статься, что в такую же глухую, вьюжную москов-

скую ночь прочтет великий обитатель Кремля про обязательства колхозников «Красного партизана», где имеется несколько строчек и про Герасима Павловича Шальнова — звеньевой сельхозартели «Красный партизан» Пресновского района, Северо-Казахстанской области. Так там все сполна и записано: имя, отчество и фамилия в точным адресом — все налицо.

Все это может запомнить Сталин, а потом так, примерно, спросить по осени: «А как там дела у Герасима Шальнова? Собрал ли он на площади в тридцать гектаров по двадцать два центнера? Не подвел?»

VIII

...Долго не мог сомкнуть глаз в ту январскую ночь звеньевой, воротившись домой с собрания. Впрочем, спокойного сна не знал он и позднее. Ведь как для кого, а для его звена страдная-то пора началась с зимы. Шестеро членов невеликого его коллектива — Иван и Мария Бобковы, Марня и Дмитрий Юрасовы, Михаил Сафронов и Маша Баклакова — уважали своего старшего вожака и равнялись по нему в трудолюбии. И старик дорожил своим коллективом. Что говорить, народ подобрался один к одному — золотые руки. Все трудились, можно сказать, на совесть. Против агротехники не грешили. И снегозадержание на своем участке во-время провели. И посеяли раньше всех — к 30 апреля. И семена, отобранные вручную, заделали на надежную глубину, на 5—6 сантиметров.

По полувековому опыту земледельца и по верным народным приметам, предугадывал звеньевой жаркое лето. Поэтому и рискнул семена заделать поглубже, чтобы корни зерна могли жить за счет глубинных запасов почвенной влаги.

В расчетах своих Герасим Павлович не ошибся, и расквашивая ему в этом риске по осени не пришлось. Прекрасные всходы, пустившие третий лист, были подкормлены навозной жижей. А прополку звено провело такую, что и соринки не осталось в хлебах.

Лето и впрямь не баловало дождями. И грозы и ливни шли стороной. Между тем урожай, выращенный на полях «Красного партизана», радовал душу. Новая, отлично возделанная земля, ранние, до предела сжатые

сроки весеннего сева, безупречное соблюдение агротехнических правил — все это дало отличные результаты. Хлеб на площади в две с лишним тысячи гектаров вырос на славу.

— Будет дождь — хорошо. Обойдет нас — горевать не приходится. Что там ни толкуй, а десять центнеров с гектара вкруговую — наши. Не говоря уже про Герасима Шальнова... — сказал мне председатель колхоза С. Л. Болахонцев еще недели за две до жатвы.

Не говоря уже про Герасима Шальнова!

А колхозники не давали звеньевому проходу. Каждый при встрече норовил своим долгом заметить:

— Ну и хлеб у тебя на участке, Павлыч, — залюбуешься!

— Ничего особого, нормально...

— Не скажи. По двадцать центнеров с гаком будет.

— Не знаю. Не жал. Не мерял...

— На глаз можно определить.

Герасим Павлович отмалчивался. Он вообще недолюбливал считать журавлей в небе. Мало ли что может случиться с хлебом, пока он стоит на корню! Нет, чувство великой тревоги за судьбу урожая, возникшее в нем в ту январскую ночь, когда он поставил свою личную роспись под обязательством, адресованным в Кремль, — это чувство не только не покидало Герасима Шальнова, а наоборот, нарастало и обострялось с каждым днем все больше и больше.

Но самое удивительное было в том, что не обрел душевного равновесия звеньевой Герасим Павлович Шальнов даже и тогда, когда весь высокоурожайный участок его звена благополучно был убран комбайном. Чистый вес отборного зерна, собранного на шальновском участке, показывал, что слово, данное Сталину, звено Герасима Павловича сдержало. С гектара было получено по двадцать два центнера вкруговую, на всем участке.

— Ну вот теперь-то уж наверняка можно поздравить тебя, Герасим Павлыч, с урожаем! — сказал, благодарно пожимая руку звеньевому, председатель колхоза С. Л. Болахонцев.

— Благодарствую, Сергей Леонидыч. Но это еще не урожай!... — резонно заявил звеньевой.

— Так-то оно так, Павлович... Но и двадцать два центнера по нынешнему лету — для нас не шутка.

— Нет. Мало. Мало... О тридцати подумываю,— сказал Герасим Павлович.

— Это — тоже резон,— заключил председатель.

Что же еще можно было сказать на это Герасиму Шальнову! Характер звеньевого председатель знал. Беспоконный характер. Упрямый мужик. И если уж он задумался насчет тридцати центнеров — все! Можно не сомневаться. Даст и тридцать!

Все коммунисты из первичной партийной организации «Красного партизана» — активные, деятельные производственники. Они работают бригадирами и лобогрейщиками, звеньевыми и скирдовальщиками, трактористами и комбайнерами, кузнецами и плотниками. Не все они, далеко не все, мастера на красные речи. Зато в деле среди них подмастерий нет. Живой пример — лучшая агитация. Рядовой колхозник, член партии Семен Колоснев — человек не очень словоохотливый. Но в колхозе все знают, что любое дело горит в умелых и проворных руках этого молчаливого человека. Он слыл за лучшего скирдовальщика на сенокосе. Началась жатва, и одним из лучших лобогрейщиков в колхозе стал все он же, коммунист Семен Колоснев. Однажды, при обсуждении календарного плана уборки, один из колхозников усумнился:

— Не многовато ли это — убирать лобогрейкой по четыре гектара в день на быках? Воле — не кони. Понимать надо...

Тогда коммунист Семен Колоснев сел на лобогрейку, запряженную быками. Изю дня в день убирает он с той поры по восемь гектаров.

По две с лишним нормы в день выполняет и другой коммунист — лобогрейщик П. И. Брыканов, убирая на конной тяге своей лобогрейкой по десять гектаров за смену. Такое же страстное, творческое отношение к труду проявляют и беспартийные, рядовые колхозники — люди благородной души и горячего, светлого сердца. Засучив рукава, как перед поединком, вышли на уборку колхозных хлебов братья лобогрейщики Леонид и Иван Бобковы.

— Орлы — не ребята,— сказал о них председатель колхоза.— Восемь гектаров в день для них — закон. А бывают дни, каждый из них выкашивает и по десяти.

Характерно, что уборка в нынешнем году проходит здесь почти вдвое быстрее, чем в прошлом. Это зависит

только от четкой организации труда, правильной расстановки сил, окрепшей за последнее время дисциплины, но и от нового отношения рядовых колхозников к труду, от повышенного чувства ответственности каждого члена сельхозартели за порученное дело. Государственное отношение к труду — вот новая черта в характере сегодняшнего труженика колхозной деревни. Теперь каждый колхозник, и старый и малый, знает, что вес трудодня зависит от урожая, от личного трудолюбия каждого, от качества и сроков уборки.

Нет, не один звеньевой Герасим Павлович Шальнов подосыпал ночей, озабоченный думой о честном выполнении своих обязательств, данных товарищу Сталину. Думали и думают об этом все — от председателя артели Сергея Болахонцева до лобогрейщика Ивана Бобкова. Коммунист Иван Петрович Романенко, работающий плотником (он строит за счет колхоза дом для многодетной колхозницы М. Федосовой, муж которой погиб при штурме Нарвы), первым завел разговор с председателем артели о сверхплановой сдаче хлеба государству. Когда до «Красного партизана» дошли слухи о том, что колхозники соседней сельхозартели имени Ленина решили достойно ответить на патриотический призыв алмаатинцев и сдать три тысячи пудов хлеба государству сверх плана, коммунист Романенко сказал председателю колхоза:

— Подумать надо и нам об этом, Сергей Леонидович. Давай-ка соберемся да подсчитаем.

Собрались. Прикинули. Подсчитали. Выходит, есть все возможности не отставать от соседей. Вполне можно справиться с уборкой к 5 сентября, с хлебосдачей — к 15, а к 20 сентября сдать три тысячи пудов в государственные зернохранилища сверх плана. Так решили коммунисты «Красного партизана». Дело за общим собранием колхозников. Между тем колхозники, прослышав о решении соседней артели, поговаривают:

— И у нас урожай не хуже...

— Факт, не хуже. Три тысячи пудов для государства и у нас найдется, — заявил бригадир полеводческой бригады Никифор Федорович Терехов.

— О чем разговор! Нашли три тысячи соседи, найдем и мы, — не беднее! — как всегда, по-хозяйски бескопассудительно, сказал лобогрейщик Иван Бобков.

— Народ у нас надежный. Сказано — сделано. Не

подведем, — убежденно заявил председатель колхоза Сергей Леонидович Болахонцев.

Для такого утверждения у председателя были все основания.

IX

Жатва подходит к концу.

Золотистой парчой горят и искрятся под солнцем последние массивы необранных нив. Близок конец самой трудной, но и самой веселой и радостной поры. Но по-прежнему ни на минуту, ни днем, ни ночью не умолкает шум полевых работ в степи, по-осеннему прозрачной, задумчивой, блеклой.

Лучшие комбайнеры трех МТС — Иван Савинков и Григорий Вдовин, Мукутан Жакупов и Николай Ребрий — соревнуются между собой, докашивая восьмые и девятые сотни гектаров. Золотые потоки до звона сухого, весомого, точно литого зерна хлещут из бункеров в кузова грузовых автомашин и вместительные бестарки.

Лучшие шоферы Пресновского автоотряда — Георгий Грицан и Петр Смирнов, Михаил Дерюгин и Василий Герасименко — отгрузили с глубинных пунктов и колхозных токов на пристанционные элеваторы по несколько сот тонн зерна каждый. Без минуты простоев, без каких бы то ни было потерь драгоценного государственного груза, без аварий и вынужденного ремонта своих машин каждый из них имеет на своем счету десятки тысяч тоннокилометров, пройденных в дни уборки, сэкономив при этом тысячи килограммов горючего.

На токах, где водятся над степной равниной небоскребы скирдованной пшеницы, гудят глухо и гневно молотильные барабаны, бойко перестукиваются решетками сортировки и веялки. Легко и проворно, как взмахи крыльев чайки, мелькают в вихре соломы, полковы и пыли вооруженные граблями руки девушек, работающих на току.

— Поторапливайся, поторапливайся, сударушки, — завалю! — подзадоривает их пожилой подавальщик Терентий Труба с высоты своих молотильных подмостков.

— Сам не зевай, дядя. Заглядишься на нас — в барабане будешь! — отшучиваются девчата.

— Так я за вас, красавицы, и в огонь и в воду!

Не молод, Терентий Ильич. Осевь... Простудилсья!
кричит ему в ответ самая бойкая из девушек Паташа
Чекмасова.

Но Терентий Ильич, забыв уже о мгновенной шутке,
попрежнему ожесточенно и ловко направляет поток не-
вязанной пшеницы, привычным движением рук погружая
тяжелые пряди колосьев в воющий барабан.

Так вот, с шуткой, с присказкой и с прибаской, несут
свою трудовую вахту люди колхозной деревни — творцы
высоких урожаев, мастера социалистического земледелия,
преобразователи цветущей советской земли.

В ладу живут они с нелегкой работой. Не в споре они
с весельем и песней. И как бы ни горяч был минувший
рабочий день на колхозной ниве, на току — все равно
взвучит в ночи на всю степь проголосная девичья песня,
от которой также покойно, светло и тихо становится на
сердце, как покойно, светло и тихо сейчас в окрестной
степи.

Х

Зима в 1949 году выдалась в Северном Казахстане
ранняя. Снег лег на талую землю небывалый — метровой
глубины. И сразу же, с места в карьер, разыгрались та-
кие бураны и вьюги, каким положено было по календарю
доходить до такого разгула разве только лишь в декабре.

Да и морозы завернули — ни вздохнуть, ни охнуть. Два
дня в неделю буранило. Три — мело. А остальные четыре —
все трещало от лютой стужи: и земля под ногами, и льды
на озерах, и дерсянные стены в добротных колхозных
домах.

— Вот жмет — воробы, говорят, на лету замерзают!
— с восхищением говорили о сорокапятиградусных мо-
розах одни.

— Вот метет — в селе ни зги, не говоря уже о степи! —
восклицали о бушующих вьюгах другие.

— Давненько таких снегов у нас не бывало! — с не-
меньшим удовольствием утверждали третьи.

И все старые, бывалые, смекалистые люди, говоря об
этих морозах, буранах и вьюгах, сходились на одном:

— Быть напрок богатому урожаю.

— Все приметы к этому налицо.

— Факт. Снегопад на талую землю — вернее приметы
нету.

— А ранние выюги — это, как пить дать, к дождливой весне...

— Судя по морозам, зноль будет жарким. А жаркий зноль — наруку созреванию хлебов.

Молодежь осторожно замечала старикам:

— Приметы — приметами. А о снегозадержании тоже забывать не надо.

— Агротехника повернее примет...

— Без минеральных удобрений и своевременные дожди не шибко помогут.

Старики соглашались:

— Это само собой разумеется.

— На бога, как говорится, надейся, да сам не плошай.

— Вот именно.

— Против агротехники спорить не приходится. Не парни бы мы в прошлом году с предплужниками, не лучи в позапрошлом году стерни следом за жатвой хлебов — не видать бы нам и нынче такого урожая.

— Правильная обработка почвы — большое дело, конечно. Но многое значат и сортовые отборные семена, которыми сеяли мы в прошлом году.

— Нет, главное — травопольный севооборот. Поля нашего колхоза прошли только три ротации севооборота, как выражаются агрономы, а результаты уже сказались. И урожайность повысилась. И устойчивей она стала. А это — большая победа.

— Да, травопольный севооборот — это самая большая, пожалуй, наша победа. — соглашались старые люди с молодежью.

Такой разговор, или приблизительно такой, можно было услышать теперь между членами сельхозартели «Красное Знамя», собирающимися каждый зимний вечер или в колхозной конторе, или в уютном, вместительном и теплом сельском клубе. Впрочем, такой разговор можно было услышать и во многих других передовых колхозах Пресновского района. Из сорока пяти сельхозартелей этого крупнейшего в Северном Казахстане зернового района, тридцать две уже полностью перешли на травопольную систему, освоив на практике агротехнический комплекс Докучаева-Костычева-Вильямса.

В один из февральских вьюжных вечеров, когда на улице большого степного села, и в самом деле, не видать

было ни зги, в зрительном зале клуба села Архангельского собрались колхозники на лекцию участкового агронома Петра Андреевича Субботина. Несмотря на метель, клуб был набит битком и старыми и молодыми колхозниками. Всем было интересно послушать молодого агронома-земляка, всего два года тому назад окончившего Омский сельскохозяйственный институт и вернувшегося на работу в родной колхоз, в котором нынешний агроном работал когда-то бороноволоком и плугатарем, прицепщиком на тракторной сеялке и штурвальным на комбайне.

Вместе с колхозниками мы слушали в этот вечер увлекательную лекцию Петра Андреевича об учении Василия Робертовича Вильямса. Я видел, с каким напряженным вниманием слушали молодого ученого его односельчане, как живо реагировали они на обстоятельное, строго продуманное выступление своего земляка, как активно затем обсуждали колхозники научные проблемы повышения плодородия почвы, — и я понял, что иных, больших и страстных мастеров социалистического земледелия воспитала и вырастила наша партия за последнее двадцатилетие колхозной жизни. Это были люди новой формации, научившиеся с боем брать милости от природы, а не ждать их от нее с той фатальной обреченностью и покорностью, с какой ждали, бывало, от земли урожая не менее трудолюбивые предки этих односельчан.

Слушая лекцию А. П. Субботина, я подумал: «А поймут ли его рядовые колхозники?» Уж слишком сложно, на мой взгляд, излагал он перед колхозной аудиторией учение великого русского агробиолога о возрастающем плодородии почвы.

— Василий Робертович Вильямс, — говорил молодой агроном, — еще в молодости заметил, что под покровом многолетних луговых трав почва становится богаче перегноем и становится куда плодороднее. Вообще растения обогащают почву азотом и кальцием и цементируют ее. Если же почвенные комки — кладовые почвы — постоянно разрушать пахотой, то дожди затем постепенно вымоют из этих кладовых весь запас кальция, а бактерии разложат до тла перегной. Комки превратятся тогда в пыль, которая частью заполнит промежутки между оставшимися комочками, а частью выдуются. Такая почва утратит плодородие. В ней не станет держаться влага. Она слезится. И все будет кончено.

— Это — так точно. Я на своем опыте знаю, — подал голос один из старейших членов сельхозартели, полевод Яков Петрович Сукманов.

— Правильная наука! — поддержал полевода восьмидесятитрехлетний колхозник Федор Лукич Жакни.

И молодой агроном, почтительно выдержав небольшую паузу, затем продолжал:

— Взять луг. Если его оставить на несколько лет без надзора, то он превратится в болото. Это произойдет оттого, что мертвые остатки луговых трав постепенно все больше и больше заполняют промежутки между комками, и вода перестает проникать в почву.

— И это правильно. Мало ли у нас на глазах бывших лугов в болота превратились. Тут за примером далеко ходить нечего—до них рукой подать, — снова, не утерпев, вставил и свое слово спокойный и рассудительный полевод Яков Петрович Сукманов.

— Да, сколько хотите таких примеров можно найти и окрест нашего колхоза,— подтвердил агроном. — Вот почему и предложил Вильямс чередовать время от времени посевы хлебов с посевами многолетних злаковых и бобовых луговых трав. Многолетние луговые травы помогают полям восстанавливать плодородие. Луг и поле, полевой и кормовой севообороты должны взаимно дополнять друг друга. А полям и лугам должен оказать помощь лес. Лес, посаженный под склоном, служит как бы распределителем равномерных доз влаги. Вот как, товарищи, зародилась у русского ученого Вильямса мысль о создании стройной системы земледелия.

Озорной и веснушчатый комсомолец Ваня Самарцев — один из лучших трактористов в Баянской МТС — нетерпеливо спросил:

— Вы говорите, что Вильямс додумался до травопольной системы еще тогда, когда он был молодым. А почему раньше не применялась такая система в сельском хозяйстве?

— Вопрос вполне уместный, товарищи. Сейчас ответишь на это,— сказал молодой агроном.— Таковую совершенную систему немислимо было применить в сельском хозяйстве раньше, когда землей владели в царской России кулаки и помещики. Вильямс говорил тогда, что нельзя правильно построить сельское хозяйство, если оно целиком и полностью приспособлено к требованиям частно-ка-

италистического рынка. Еще в тысяча девятьсот пятнадцатом году Василий Робертович написал книгу, в которой доказывал необходимость общегосударственной перестройки земледелия. Но это тогда была только мечта замечательного ученого. Однако Великая октябрьская революция вскоре превратила эту мечту в действительность.

Заканчивая свою лекцию об учении выдающегося русского агробиолога, Андрей Петрович сказал:

— Василий Робертович Вильямс не раз говорил, что хлеб должен быть доступен человеку так же, скажем, как воздух. А для этого нам необходимо добиться как можно меньших затрат труда на производство этого хлеба, добиться неограниченно высоких урожаев. И мы этого добьемся, товарищи. Недалек тот день, когда наша земля будет родить повсеместно те двухсотцентнеровые урожаи, о которых мечтал великий русский агроном вместе с такими же великими учеными, как Докучаев и Костычев. Мы многого достигли уже в этом деле. И урожай на наших колхозных полях теперь выше дореволюционных. И добиваемся мы их теперь не кровью и потом, а разумным трудом коллектива, при помощи высокой механизации всего цикла сельскохозяйственных работ. Могли ли каких-нибудь два десятка лет тому назад мечтать хлеборобы нашего села Архангельского о таких тракторах и комбайнах, какие работают сейчас на наших колхозных полях? — воскликнул взволнованный агроном.

И тотчас же эта своеобразная лекция, похожая скорее всего на оживленный душевный разговор между агрономом и колхозниками, обрела ярко выраженную форму еще более оживленного и задушевного разговора. Как бы отвечая на заключительный полувопрос агронома, Яков Петрович Сукманов сказал:

— О прошлом вспомнишь — в душе потемнеет. Мы вот, к примеру, с покойным родителем бились как рыба об лед на своей пашне от зари до зари, а своего хлеба все равно нередко до рождества едва хватало. Обзавелись, помню, немудрым железным плужком и на десятом небе от радости были. А толк-то какой? Целину на паре лошадей таким плугом нам поднять было не под силу. Третьей лошади взять было негде. Волей-неволей ковыряли все одни и те же полосы. Прыгали с чернопара на пустоша, с пустошей на чернопар. Чертомелишь все лето, а осень пришла — убирать нечего.

( ) чем говорить! — поддержал старого полевода сверстник его и сосед Антон Михайлович Железнов. — Незавидная наша была по тем временам жистянка. На все село, помню, одна была молотилка с чугунным приводом у кулака Евлампия Анисимовича Скуратова да пароконная сеялка у его дружка, такого же куркуля Бориса Самохина. Вот вам и вся механизация! А наш брат беднота да середняки, кроме рандруповских плужков да деревянных борон, ничего не имели. Бывало, попрыгаешь день за таким плужишком по целине, а к вечеру и поясницы разогнуть не можешь.

— Я этот рандруповский плуг помирать буду — не забуду, — вставил свое слово заведующий колхозной молочно-товарной фермой, наглухо заметенный седной, но коренастый и крепкий еще на вид Михай Егорович Куприянов. — Сколотился я средствами и тоже взял этот плуг в кредит. Думал, обзаведусь таким орудием — сразу стану кумом королю. Ладно, обзавелся. Была у меня пара коней. Попробовал по весне распахать десятину целинной земли — не тянут мои лошадушки. Я к Борису Самохину: помоги, дескать, одолжи упряжки на три-четыре коня, а я, мол, тебе отработаю. Поломался кулак, но уважил. Дал мне коня на четыре упряжки. Спахал я с грехом пополам немногим больше полдесятины. Посеял на будущий год хлеб. А тут — засуха. Недород, стало быть. А тут старый мой мерин пал, от шатуна извелся. Ну, куда я с одной-то лошадыю? Опять — к Самохину. А он — отказ. Я к другому такому же живоглоту. И там та же песня. Хорошо. Помаялся я, помаялся — выхода нет. Вижу, и время сева выходит — совсем ремиз. А тут и за плуг доплату пришла пора погашать. Вывернуться не могу — денег не наковал. Староста пригрозил мне описью. Совсем худо мое дело. Нет фарту — и шабаш... Ну, и пришлось мне вполцены тому же Борису Самохину рандруповский плуг отдавать, — куда денешься — отдал. Отдал плуг, а сам — прямым маршем в работники. Так вот с тех пор восемнадцать лет из хомута и не вылезал — чертомелил на всякую чужую шкуру, — заключил недолгую, но скорбную повесть горьким вздохом Михай Егорович Куприянов.

— И не вылезти бы тебе, Михай Егорыч, кабы не советская власть, — заметил участливо председатель сельхозартели Сергей Федорович Болахонцев.

— Ежели бы да кабы, выросли бы теперь на моей могиле грибы! — ответил с веселой усмешкой престарелый животновод. — Все это само собой разумеется. Если бы не советская власть да не колхозная наша жизнь, мы бы оба с тобой, председатель, до сей поры спину на чужих людей ломали.

На минуту в переполненном зрительном зале сельского клуба установилась та хорошая, почти благоговейная тишина, которая сопутствует обычно еще более хорошему и глубокому раздумью людей, к слову припомнивших за разговором об ушедшей в прошлое, скупой на счастье и радости, но зато богатой лихими бедами, горькой нуждой и незабываемыми обидами единоличной крестьянской жизни. А минуту спустя снова полилась негромкая, полная душевного тепла и света дружеская беседа о сегодняшнем и завтрашнем дне колхоза. И больше всего, как водится у хлеборобов, разговор вертелся вокруг предстоящей посевной.

— За весеннюю посевную нынче можно не беспокоиться. У нас, слава богу, кругом полный порядок. И земля подготовлена — только поборони да сади тракторной сеялкой. И семена отборные — зерно к зерну. О чем тут может быть разговор?! — прозвучал молодой, резвый голос заведующей колхозной птицефермой Агриппины Яковлевны Марконенковой.

Но ей сразу же возразило несколько голосов:

— Брось зазнаваться, Агриппина Яковлевна.

— Правильно. Не говори «гоп», пока не перепрывнешь.

— Не в этом дело, товарищи, — сказал, решительно вмешиваясь в этот разговор, председатель сельхозартела. — Агриппина Яковлевна по-своему права. К сеvu мы нынче подготовились не худо — это факт. Весь сельхозинвентарь еще накануне нового года отремонтирован. Земля у нас на все сто подготовлена: сорок три процента поднятой целины, тридцать с лишним процентов паров, остальное — переворот. Семена сортовые, отборные. Все это так, конечно. Все это верно. Но все это вовсе не значит, что мы должны сидеть теперь сложа руки в ожидании весны. Далеко не так, товарищи. Во-первых, нам надо продолжать борьбу за снегозадержание...

— Щиты на всех массивах поставлены, Сергей Федо-

ровнич. — напомнила ему звеньевая высокоурожайного звена Наташа Троицкая.

— Не мешает еще кое-где поставить, Наташа. А особенно — на участке второй полеводческой бригады, — сказал председатель сельхозартели, кивнув в сторону бригадира второй полеводческой бригады Якова Кузьмича Пояркова.

— Правильно. — там надо еще поработать.

— Есть смысл...

— Снегопахами следует еще раз пройтись по некоторым полям, — слышались оживленные реплики колхозников.

Посевная площадь этого колхоза в нынешнем, 1950 году, достигнет четырех тысяч гектаров. Это один из крупнейших зерновых колхозов не только в Пресновском районе, но и во всей Северо-Казахстанской области. По границам полей колхоза здесь насажены лесные полосы. Они помогли задержать большое количество зимней влаги. Снежный покров около этих полос достигает двух метров, а в открытой степи, где задерживали снег при помощи снегопахов, щитов и снежных валов, толщина снега достигает 70 — 80 сантиметров.

Снегозадержание на колхозных полях «Красного Знамени» проводилось в зиму 1949-50 года по-боевому. Это считалось авральской работой в колхозе. Еще в начале января на собрании первичной партийной организации здесь обсудили доклад председателя сельхозартели о проведении комплекса зимних агротехнических мероприятий. Партийная организация направила в полеводческие бригады коммунистов, ответственных за проведение снегозадержания и сбор местных удобрений. В течение января и февраля ежедневно сто человек колхозников выходили на снегозадержание. В борьбе за выполнение зимних агромероприятий большую победу одержала бригада Якова Кузьмича Пояркова.

Первичная партийная организация колхоза после выполнения плана снегозадержания поставила перед колхозниками новую задачу.

— Нам необходимо провести снегозадержание на посевах озимых и на участках, где будут расположены посевы зерновых и трав, а также задержать зимнюю влагу на будущих сенокосах, — заявил секретарь первичной партийной организации Федор Крючков.

Колхозники и в этом начинании дружно поддержали руководство сельхозартели.

В агротехническом плане сельхозартели предусматривается задержание талых вод и прикатывание специальными катками снега на посевах озимых. Для задержания талых вод, поперек склонов колхозники предполагают сделать ранней весной мелкими снегопахами гребни из мокрого снега. И нет никакого сомнения, что накопление зимней и весенней влаги в почве обеспечит здесь значительную прибавку урожая.

В Пресновском районе работает сейчас около двадцати агрономов. Агрономы, как и учителя,— ведущий отряд сельской интеллигенции. И те и другие возглавляют борьбу труженников колхозных полей за высокий урожай, за претворение в жизнь сталинского плана преобразования природы, за подъем культуры земледелия.

Стремление к агротехническим знаниям в колхозной деревне огромно. Агротехнические кружки и лекции специалистов сельского хозяйства здесь охотно посещаются и старыми и молодыми колхозниками во всех сельхозартелях.

Старший агроном Пресновской МТС Кузьма Ильич Бухалов с первых же дней зимы организовал широкую массовую учебу во всех колхозах радиуса Пресновской МТС. Такие же лекции проводятся и в колхозах радиуса Брянской, Майбалыкской и Николаевской МТС.

Вопросы организации агрономической пропаганды в колхозах рассматривались и на советах всех четырех МТС, и на бюро Пресновского райкома партии, и в райсовете депутатов трудящихся. Была утверждена строго разработанная программа зимней учебы и выделены руководители агрокружков. В районе организован постоянно действующий семинар агрономов при райсельхозотделе. Как показал результат первых занятий, это мероприятие принесло большую пользу. Кроме того, здесь практикуются семинары с бригадирами полеводческих и тракторных бригад, с председателями сельхозартелей по вопросам освоения севооборотов. Председателям колхозов, бригадирам полеводческих и тракторных бригад здесь вручены карты севооборотов с точным указанием, в каком именно поле и какая именно культура будет посеяна весной 1950 года. Это, разумеется, поможет избежать ошибок и промахов в освоении севооборотов.

Освоение севооборотов не может проходить успешно без внедрения травосеяния. Это отлично понимают руководители передовых сельскохозяйственных артелей Пресновского района. Здесь в распоряжении колхозов зимой 1950 года имелось свыше трехсот центнеров семян бескорневищного пырея. Кроме того, такие колхозы, как «Баян», «Орталык», им. Ленина и «Жан-Жол», запаслись семенами житняка, люцерны. А колхоз «Баян» весной 1950 года засеет тридцать гектаров люцерны на семена. Посев будет производиться здесь с гранулированными минеральными удобрениями по лучшему земельному участку. Это положит начало семеноводству люцерны, как известно, самой необходимой травы для быстрого восстановления плодородия почвы.

Семенам как основе урожая в колхозах Северного Казахстана, Акмолинской, Кустанайской, Кокчетавской и Карагандинской областей уделяется большое внимание. Зимой 1950 года в колхозах этих областей работало около пятисот подвижных зерноочистительных отрядов. Как правило, при каждом таком отряде безотлучно находятся агрономы, строго присматривающие за ходом очистки семян. В результате этой большой работы для семенных участков отобран лучший посевной материал.

Такой напряженной, созидательно-творческой жизнью живут в дни послевоенной сталинской пятилетки труженники колхозных сел и аулов Северного Казахстана — житницы Казахской Республики.

Странствуя каждое лето по необозримым степным просторам родного мне края, наблюдая на каждом шагу черты вошедшего в быт социализма и зримые приметы коммунистического завтра, я невольно припоминал каждый раз при этом теплые, взволнованные слова поэта и повторял их, любуясь героическими делами героических наших людей:

Вот она, отчизна! Огляните
Эту землю в буднях трудовых
Пятилетки. На ее границе,
На ее вершинах снеговых
Есть такая высота, с которой
Едва откроются перед тобой
Коммунизма ясные просторы
Всю прелесть нашей и судьбы.

Станица Пресновская,
Сентябрь 1949 г.

ЗАПЕЧАТЛЕННЫЙ ТРУД

I

коло дюжины шустрых и озорных ребяташек, лихо размахивая ученическими сумками и портфелями, шли развернутым строем по сельской улице. Все они были, видать, погодками — не ахти какими великанами на двенадцатом году! И как во всякой детской артели, среди этой неробкой ватаги тотчас же можно было узнать вожака. Ростом он был чуть даже меньше сверстников, но держался в центре своей дружины солидней, строже и собранней остальных. Шел он, придерживая свою сумку, набитую книжками, походкой хозяйственной и мужиковатой — вразвалку. Бойко шагая в центре развернутого отряда, он то и дело кивками и взглядами сдерживал рвавшихся вперед и ломавших строй ребяташек. Он знал — торопится им, собственно, было некуда. Шел всего только седьмой час утра. Между тем солнышко припекало не по-осеннему, и день намечался светлый и звонкий, как серебряный колокольчик. Покосившись на бирюзовое небо, главарь сверстников оценил погоду — хороша, ничего не скажешь! В такой день только стоял да стоял бы себе на штурвальном мостике «Сталинца» и поглядывал в оба, как и положено штурвальному, за зубчаткой и мотовилом, за молодецким аппаратом и хедером...

Заметив впереди председателя Троицкого сельисполкома, ветерана Сталинградской битвы Ивана Никитовича

Придворного, ребяташки притихли и сбавили шаг. Затем, взяв нечто вроде равнения направо, они все враз, как по команде, смахнули с голов картузы и, почтительно кланываясь председателю, хором приветствовали его:

— Здравствуйте, Иван Никитович!

— Здоровы были, орлы! С праздником вас, выходные. С новым учебным годом,— сказал председатель.

— Выходит — так. Спасибо, Иван Никитович — прозвучал рассудительный басок.

— Ах, и ты здесь, Иван Михалыч?! — удивленно воскликнул председатель. Он, и в самом деле, не сразу заметил в толпе ребяташек этого невеликого ростом парнишку.

Ребяташки, переглянувшись, негромко хихикнули. Хотя и знали они, что знаменитого в их колхозе «Жизнь»-тринадцатилетнего штурвального Ваню Семенюка навеличивают взрослые люди, как равного, по имени и отчеству, но все же непривычно им было слышать, как сам председатель сельисполкома всерьез величал их друга и сверстника Иваном Михалычем.

— Так. Так, Михалыч. Так, Ваня... Значит, и ты — в школу? Правильно. Хорошее дело. Порядок. А как же теперь твой комбайн? — спросил председатель.

— Все в порядке, Иван Никитович. Работает попрежнему — как часы. Сегодня мой батя на нем пятую сотню гектаров без меня косить начинает.

— Один? Без штурвального?

— Зачем — один? Одному комбайнеру несподручно. Нет, по закону... На пару с новым штурвальным.

— Да где ж его взяли?

— Не знаю. Говорят, где-то в радиусе эмтаэса нашли...

— И каков штурвальный? Не ровесник?

— Нет. В годах. Говорят, толковый.

— Стало быть, смена надежная, Ваня?

— Наверно...

— Ну, тогда другой разговор.. А штурвальным ты был у нас, Михалыч,— не похачешь. Да и вас, орлы, есть за что похвалить,— сказал председатель сельисполкома, обращаясь к притихшим вокруг него ребяташкам.— Поработали все вы нынче в нашем колхозе на славу. Хвалили вас за труд по заслугам. А вот если в школе вас так же

станут хвалить за вашу учебу — будет еще лучше, — заключил на прощанье Иван Никитович Придворный.

— Постараемся — похвалят и в школе, — все тем же рассудительным тоном ответил за всех своих сверстников тринадцатилетний штурвальный Ваня Семенюк.

И дети, почтительно расступившись перед председателем сельисполкома, дали ему дорогу. Затем, сразу же присмирев и уgomонившись, они, уже более серьезные и подтянутые, направились к школе.

II

Вечером, в канун нового учебного года, все пятнадцать учителей Троицкой семилетки собрались в своей школе. Снова каждый из них заглянул еще раз украдкой во все классные комнаты, присмотрелся ревнивым, придирчивым глазом к каждому уголку этого просторного, светлого здания. Все здесь было проникнуто в эту минуту особой, свойственной только школам торжественной тишиной, безупречной опрятностью, строгим уютом. Капитально отремонтированное за лето здание выглядело помолодевшим, выпрямившимся, раздавшимся вширь и в рост. Пахло мелом, охрой и вымытыми полами. Веселые полевые и комнатные цветы, украсившие вместительный школьный зал, придавали праздничный вид всей скромно принарядившейся сельской школе.

За огромными чисто промытыми окнами лежала такая же тихая и неяркая в предосеннюю пору степь. Таким же тихим и скромным был ничем особо не примечательный погожий вечер, обнаживший над сельскими крышами трепетные мечи заката. Притихли в этот час и учителя, собравшиеся в учительской. Один сидел, задумавшись, над раскрытой книгой. Другой без нужды пересчитывал десятки раз уже считанные ученические тетрадки. Третий как бы прислушивался к священной школьной тишине, заглядевшись в окошко. Разговор не клеился. Песня, запетая вполголоса, оборвалась на полуслове; она не подхватывалась, как водилось, на лету даже самыми отзывчивыми, светлыми голосами. Охваченные глубоким душевным волнением, сидели учителя, стараясь не выдать его друг перед другом.

Нет, почти ни один из пятнадцати учителей этой рядовой сельской школы не в силах был скрыть в такую ми-

зугу той благородной душевной тревоги, которая хорошо знакома людям творческого труда — композиторам и конструкторам, художникам и артистам. Как писатель, начинающая новую повесть, всегда чувствует себя некоторое время новичком в литературе, впервые взявшимся за перо, так и учитель начинает каждый новый учебный год, как новую книгу, за которую он в ответе перед партией и народом. Все как будто есть налицо: врожденное дарование и жизненный опыт, профессиональная подготовка и известное мастерство. Но всегда для начала не хватает главного — полного душевного спокойствия, без которого немисливо никакое творческое дело. А труд учителя — творческий труд. Он требует вечных поисков и дерзаний, смелости и упорства. Передовой советский учитель, вооруженный марксистско-ленинской теорией, всегда является новатором, выразителем передовых педагогических идей нашего времени. Он воплощает эти идеи в практике своей повседневной, нелегкой и будничной работы в школе.

Про директора Троицкой семилетки Ивана Гавриловича Разгоняева один из недалеких районных работников сказал мне так:

— У этого — полный порядок. Школа — на все сто. Крышу даже покрасили... Дров — завались. Ему нечего волноваться...

Приехав в село Троицкое, я увидел отличное здание школы. Правильно. Здесь был полный порядок. С первого взгляда чувствовалось — хозяин у этой школы есть! Хочется назвать его сразу. Это — местный сельисполком и его председатель Иван Никитович Придворный. И если зашла речь о Троицкой школе, то нельзя не сказать об этом человеке, к которому с большим уважением относятся и старый и малый в селе. Лишившись в битве под Сталинградом левой руки, рядовой русский солдат — коммунист Иван Придворный вернулся с фронта в родное Троицкое село все тем же волевым, энергичным, деятельным и инициативным, каким и ушел на фронт. И односельчане не ошиблись, избрав его своим депутатом в Пресновский районный Совет и председателем Троицкого сельисполкома. Сейчас об Иване Никитовиче Придворном все в голос здесь уважительно говорят: «Хозяин. Любит порядок. Школу отремонтировал — загляденье. Умеет он поднимать на такие дела народ. Одним словом — с головой парень!»

Между тем сам председатель сельисполкома при разговоре со мной о школе без всякой ложной скромности и притворства сказал так:

— Ну, это же наша прямая обязанность — привести школу в божеский вид. О чем же тут говорить! Правда, туговато иногда приходилось. То того нехватает, то этого недостает. Но выкрутились. Навели порядок... Меня другое беспокоит — учителя. Был я на педсовете. Присмотрелся, прислушался. Народ подобрался там, в основном, молодой. Толковый народ. Чувствую — есть у нас шансы вывести школу в передовые по району. А выведут ли — вот в чем вопрос. Вот где забота!

Учителя! Вот в чем вопрос был для председателя Троицкого сельисполкома. Вот где была его забота. Оправдают ли они чаяния и надежды односельчан, доверивших молодым педагогам не только обучать, но и воспитывать своих детей? Вот о чем думал теперь Иван Никитович Придворный, поглядывая на великолепное здание школы — подлинное украшение родного села. Об этом же самом думал в канун нового учебного года, сидя в кругу учителей, и молодой директор школы Иван Гаврилович Разгоняев. Эти же думы занимали в такую минуту и завуча школы Анну Ивановну Сурнину. Об этом же думали, в сущности, все учителя. Внутренне собранные и притихшие, долго молча сидели они в этот вечер в учительской в ожидании первого учебного дня.

III

И день этот наступил.

Золотые потоки тепла и света хлынули ярким сентябрьским утром в огромные окна и в настесь распахнутые школьные двери. Они залили не только просторные классные комнаты, но и сердца необыкновенно возбужденных, просветлевших и радостных учителей. Все звенело и пело в этот ранний утренний час от прозрачной, чистой и хрупкой музыки детского смеха, от высоких, гибких и неустойчивых хоровых ребяческих голосов. Все смешалось в этом нарядном, праздничном зале — степные цветы и дети, озорные вопли мальчишек и восторженные вскрики и нестройные хоровые запевы девочек. Пушкин, праздно скрестивший непраздные свои руки, как всегда,

тревожно, лукаво и грустно смотрел со стены на эту милую сердцу детскую кутерьму. И казалось, вот-вот сорвется крылатая фраза с пылающих его губ:

— Здравствуй, племя молодое, незнакомое!

Но прозвучал звонок. И все было кончено. Еще несколько светлых мгновений ребяческой сутолоки, замешательства, неразберихи. И зал опустел от присмиривших детей — они разошлись по классам.

В абсолютной тишине, при которой проходили уроки, в строгих позах ушедших во внимание детей, в их манере держать себя при ответах на вопросы учителя — во всем этом уже ощутимы и зримы были здесь следы многолетней и сложной учебно-воспитательной работы всего педагогического коллектива с питомцами этой школы.

Талантливый, опытный педагог, воспитанница Ленинградского педагогического института Дарья Тихоновна Семенова, рассказывая семиклассникам на уроке биологии о семействе злаковых, умело и тонко вовлекает весь класс в размышление о том, какие сорта пшеницы выращивает местный колхоз. В ответ на поставленный вопрос поднимаются над партами десятки ученических рук. Отвечая на этот вопрос учительницы, Маша Шиховцева не только перечисляет сорта пшеницы, но и рассказывает, на каких колхозных участках и на какой почве выращены эти сорта драгоценного хлеба. Прополов своими руками за время летних каникул десятки гектаров колхозных посевов, Маша Шиховцева отлично изучила все зерновые массивы и может безошибочно определить, к какому сорту относится первый попавшийся под руки колосок. И не только одна Маша Шиховцева. Не хуже ее мог бы ответить на этот вопрос и Ваня Семенюк, вчерашний штурвальный с комбайна «Сталинец», скосивший с отцом около четырехсот гектаров колхозного хлеба и заработавший за каникулы свыше двухсот трудодней!

Стремясь проследить и осмыслить систему педагогического процесса и комплекс воспитательных методов этой школы, я побывал на многих уроках, во всех классах и почти у всех учителей. Скажу прямо. Можно было бы написать самостоятельный очерк почти о каждом уроке и почти о каждом из учителей — так много увлекательного, неожиданного и интересного вносил каждый из педагогов в творческий процесс обучения и воспитания детей.

Хорошее стремление к обогащению учебного материала широкими жизненными наблюдениями и живыми примерами, взятыми из близкой детям колхозной действительности, характерно не только для одной Дарьи Тихоновны Семеновой. Все это с полным основанием можно сказать и о таких молодых и одаренных учителях этой школы, как Варвара Васильевна Терехова и Прасковья Васильевна Алексюк, Прасковья Радионовна Шмакова и Наталья Григорьевна Дитюк, Анна Ивановна Сурнина и Александра Никифоровна Сурженкова. Все они — разные люди. У каждого из них — свой стиль подачи учебного материала, свои методы воспитания, свои способы владеть классом. Но всех их роднит и объединяет одно золотое качество — любовь к своей профессии, к своему труду. Это — люди с душой и сердцем, полным благородных и светлых порывов...

IV

Новый учебный год в Троицкой школе совпал со скромной юбилейной датой Ольги Дмитриевны Носовой, непрерывно проработавшей учительницей в селе Троицком в течение двадцати лет. От ребятешек школьного возраста до среднего поколения троичан здесь не встретишь ни одного человека, который бы не учился у Ольги Дмитриевны. Среди ее бывших воспитанников есть летчики и врачи, педагоги и партийные работники, директора школ и комбайнеры. Бывшие ее ученики, ныне пилоты Военно-воздушных сил Советской Армии Василий Тарадий и Иван Терещенко — кавалеры нескольких боевых орденов. Ольга Дмитриевна учила азбуке Наташу Дитюк и Сашу Сурженкову, работающих теперь учителями в этой же школе.

Понятно, что и педагогический коллектив школы и вся сельская общественность Троицкого не могли не отметить по-своему этой значительной юбилейной даты в жизни глубоко уважаемой всеми учительницы. В скромной и непритязательной обстановке сельской школы прошел этой памятный, волнующий праздник. Еще скромнее обычного сидела в окружении бывших своих учеников смущенная и несколько растерянная Ольга Дмитриевна. С удивлением, с глухой затаенной радостью смотрела она на этих людей, пожелавших отметить круглую дату ее

работы, как праздник. Всех их помнила она детьми, впервые севшими в ее классе за парты. А теперь вокруг нее сидели возмужавшие, волевые люди. Это были колхозные бригадиры и трактористы, звеньевые и агрономы, сельские фельдшера и чабаны. По правую руку от нее сидел председатель сельисполкома Иван Никитович Придворный, по левую — председатель колхоза Андрей Федосеевич Лабода — тоже оба ее ученика. Было странно вспомнить теперь о том, как, оказывается, много народу обучила и воспитала она за это минувшее двадцатилетие. А что было бы тут теперь, если бы скликать сюда всех ее бывших питомцев со всех концов великой нашей страны?!

Поднимая свой тост, Иван Никитович Придворный сказал:

— С удовольствием поднимаю тост за здоровье Ольги Дмитриевны, за здоровье всех учителей и за здоровье четырехсот наших школьников, которых доверили мы им учить и воспитывать. Хороший народ наши учителя. Ничего не скажешь. А дети — еще лучше. И грех вам будет, товарищи педагоги, выпускать из таких мировых ребят недоучек... — и, смущенно улыбнувшись при этом в сторону Ольги Дмитриевны, он добавил: — Может быть, это не совсем юбилейная речь у меня получилась. Извиняюсь. Я привык по существу говорить. Словом, выпьем, товарищи! — заключил председатель сельисполкома под одобрительные возгласы гостей и дружные аплодисменты.

А позднее, когда зазвучала в застолье тревожная и грустная украинская песня о трех зажурившихся вербах, Ольга Дмитриевна сидела среди своих бывших воспитанников попрежнему скромная, тихая и смущенная. О чем она думала, слушая эту чудесную, красочную, душевную песню? О прошедшей ли молодости или о запечатленном благородном труде рядовой сельской учительницы? Об этом я не берусь судить. Этого я не знаю.

Село Троицкое, Пресновского района,
Северо-Казахстанской области.

ПУТИ-ДОРОГИ

I

Есть такие невеликие села в родной моей стороне, не отмеченные ни на одной географической карте. Приютившись где-нибудь под боком у нехитрой березовой рощицы или вблизи тихих и светлых озер, возникают они неожиданно на пути и радуют строгой своей опрятностью, домовитостью, обжитым уютом.

Таким выглядит Орталык — не ахти как великое, но на редкость опрятное и уютное колхозное селение. Бывшие кочевники пяти окрестных аулов, организовавшись в сельхозартель, осели в начале тридцатых годов на этом живописном, приветливом месте.

Поглядишь на дома и на усадьбы колхозников, на отличное школьное здание, на беленые корпуса скотобаз, молочно-товарных ферм или на вместительные колхозные склады, — и сразу видишь: хозяева здесь живут рачительные, трудолюбивые советские люди. На прямых и просторных сельских улицах — ни одной земляной избы, ни одной неряшливой, нечистоплотной усадьбы. Дома — один к одному — деревянные, местами крытые жостью. Мелькают в окошках белоснежные кружевные занавески. Комнатные цветы здесь не редкость. Они, видать, вошли в быт, стали привычным украшением жилища.

В самом центре села красуется монументальное, строгое здание — это колхозная неполная средняя школа. Между школьными зданиями разбита физкультурная

площадка с турником и брусьями, с ровными, точно по шнуру отбитыми беговыми дорожками.

Школа! С ней тесно связана жизнь многих колхозников Орталыка. Здесь они провели свое детство и юность. В стенах этих зданий формировался их характер, накапливались первые знания для большой творческой работы. Более двухсот колхозников получили в стенах этой школы семилетнее образование. Большинство из них продолжают теперь учебу в высших и средних учебных заведениях Советского Союза.

Орталык — образцовое колхозное селение; селение, в котором решительно ничего не осталось от бывшего облика дореволюционного казахского аула — и не только дореволюционного, а и от осевшего на землю в прошлом кочевого аула более поздних лет. Здесь нет ни убогих и сырых лачуг из земли, ни навоза на улицах, ни полуразваленных подобий дворов, наглухо заросших бурьяном. Признаться по совести, я никак не ожидал встретить здесь такое великое изобилие разнообразной домашней птицы, от мирных будничных куриц до высокомерных и самоуверенных индюков. Никак не вязались с былым представлением о затерявшемся в степных просторах казахском ауле и эти, любовно, со вкусом и мастерством возделанные огороды. Я уже не стану говорить об огромном табуне превосходных свиней, сладко блаженствующих на берегу предназначенного для них искусственного водосема, ибо уж этакая-то «художественная» подробность отнюдь не была типична и характерна для пейзажа бывшего казахского аула. Если современный советский художник, взявшись за кисть или перо, захочет дать строго реалистический, глубоко правдивый, обобщающий образ сегодняшнего колхозного аула, то он, художник, призванный, согласно формуле Энгельса, к изображению «типического в типичных обстоятельствах», не должен уже будет забыть ни голубых наличников, ни тюлевых занавесок в окошках, ни гордо поднявшихся над крышами радиоантенных мачт, ни электрических проводов, повиснувших на новых, недавно поставленных столбах.

По всему видно — иная, новая здесь жизнь. Иные порядки. Иные живут здесь люди, чем те, что жили в этих окрестных степях — их недавние предки.

Конец августа.

Золотой погожий день на исходе. Притих над селом нежаркий, задумчивый вечер. Притихли ласточки, примостившиеся на телефонных и электрических проводах, повиснувших над сельской улицей. Золотые кроны подсолнухов выглядывают из-за приусадебных изгородей; и бурные, озорные стебли хмеля извиваются вокруг шестов. На фоне сочной зелени приусадебных огородов розовеют и багровеют лепестки рано распустившихся хризантем. И острый, пряный запах аниса, укропа и мяты доносится с больших, любовно заправленных огородных гряд.

Вечереет.

Смуглая, похожая на присмирившую птицу, юная Дариха Сексенбаева сидит на школьном крылечке в окружении своих озорных, непоседливых сверстниц. Перебирая тонкими, гибкими пальцами стебли неярких поздних степных цветов, Дариха говорит подругам:

— Хороший букет. Увезу с собой.

— В Алма-Ату? С такими цветами?! — не без удивления и легкой насмешки спрашивает ее Жумаш Рамазанова.

— В Алма-Ату. С такими цветами,— строго повторяет Дариха.

— Вот уж тоже мне — невидаль! Да там, говорят, на каждом шагу пионы и розы...

— Розы на каждом углу, а такой прелести ни за какие деньги там не сыщешь. Скромнее и краше вот этого шоколадника, по-моему, нет ничего на свете. А какой запах! Закроешь глаза—и сразу же в комнате степью запахнет...

Между тем девушек собралось около школы все больше и больше. А чуть попозднее стали приходиться к девочкам один за другим и казахские юноши. Зазвучали глухие ритмы домбры. Поднялась над вечерней степью крылатая, светлая песня. И далеко-далеко, наверное, слышен был в этот тихий и мгlistый час высокий, прозрачный и трепетный девичий голос...

Но вперемежку с песней и шутками звучал в этот вечер среди молодежи колхозного Орталыка и строгий, деловой разговор.

— Ну как, друг, дела? Ты куда едешь? — спрашивает Сейтака Сембаева его одноклассник, комсомолец Джасулан Кудабаяв.

— А разве ты не слышал? Я принят в школу колхозных кадров. Через два дня в дорогу. А ты?

— А я завтра. Вместе со всеми студентами колхоза. Одни — в Алма-Ату, другие — в Омск, третьи — в Петропавловск. Словом, вышло, Сейтак, все по-нашему, как мы мечтали. Оба будем с тобой мастерами по агротехнике.

Дариха Сексенбаева, обращаясь к студенту Казахского государственного университета Орызымбету Нурсентову, спросила:

— Расскажи, почему ты избрал историко-филологический факультет?

— Потому, что я люблю литературу, — отвечает Орызымбет. — Эту любовь привила мне наша школа. После окончания десятилетки я решил стать литературоведом и поэтому поступил на историко-филологический факультет Казахского государственного университета. С тех пор, как вы знаете, прошло уже три года. Третий курс я закончил успешно. За эти годы я прочел много замечательных книг. В университете я впервые широко ознакомился с богатством классической и современной советской литературы.

— А каковы твои планы после университета? — спрашивает Дариха.

— По окончании университета я думаю продолжать образование в аспирантуре. За это лето я хорошо отдохнул в Орталыке. В новом учебном году буду стремиться углублять и расширять свои знания.

В разговор вмешивается Айтынбыл Наурзбаев.

— Когда-то, на одном из уроков вот в этой нашей Орталыкской школе, — говорит Айтынбыл, — преподаватель географии рассказывал нам о великих мореплавателях и путешественниках. Помню, как показывал он нам на глобусе маршруты далеких походов знаменитых русских землепроходцев — Пржевальского и Козлова, Ребровского и Потанина. Я на всю жизнь запомнил этот увлекательный, глубоко взволновавший меня урок, и с тех пор география стала моим любимым предметом. И вот теперь, заканчивая среднюю школу, я хочу поступить в будущем году на естественно-географическое отделение педагогического института.

Слово за слово, в эту душевную дружескую беседу включаются один за другим все юноши — студенты различных вузов. Здесь собрались, в канун отъезда на учебу, молодые люди — жители Орталыка. Самый старший из этих юношей — Каирке Буркутов — студент второго

курса Казахского педагогического института имени Абая. Ему 24 года. Он — участник Великой Отечественной войны, награжден двумя орденами и медалями. После демобилизации Каирке поступил на факультет языка и литературы. Двадцатилетние Магаз Нуртазин и Орызымбет Нурсеитов — студенты историко-филологического факультета Казахского государственного университета им. С. М. Кирова. Их ровесник Кахар Каналин учится на агрофаке Алма-Атинского сельскохозяйственного института. А две девушки — Нуруш Кайдаулова и Дариха Сексенбаева заканчивают в 1950 году педагогическое училище имени Маншук Маметовой.

Родители этих земляков-студентов работают в колхозе Орталык. Отец Каирке — кузнец. Отец Орызымбета — сторож колхозных зернохранилищ. Отец Дарихи — сапожник. Отец Нуруш — колхозный животновод. И с понятной горячей любовью следят жители этого колхозного аула за успехами своих питомцев, по праву гордясь ими.

Гордость колхозников Орталыка понятна. За исключением пяти глубоких стариков, в этом ауле нет сейчас неграмотных. Двадцать пять колхозников имеют полное среднее образование. Свыше ста человек закончили курс местной семилетней школы. В этом ауле нет такой семьи, где бы не учились и дети и взрослые. Около трехсот детей и подростков обучаются сейчас в местной школе. А свыше сорока колхозников являются студентами институтов и техникумов. В ауле выросла своя собственная интеллигенция. Вчерашние рядовые колхозники стали теперь врачами и педагогами, агрономами и зоотехниками, бригадирами и трактористами.

Неполная средняя школа в Орталыке окружена душевной народной любовью и заботой. Здесь свято соблюдается закон о всеобщем обязательном обучении. Газеты и книги стали друзьями колхозников. А полный трудовой день дал возможность членам этой сельхозартели осуществить свою давнюю мечту — перейти из убогих землянок в новые, просторные, уютные дома. Эти будничные факты — зримые приметы вошедшего в быт социализма. И теперь, когда под руководством нашей партии осуществляется переход от социализма к коммунизму, задача переделки сознания людей, повышения их идейного и культурного уровня имеет осо-

бенно важное значение. Вот почему так дорого нам каждое зерно народной творческой инициативы, которая дает новые ростки на ниве культуры и просвещения.

Орталык — образец нового, передового колхозного аула. Этот аул помогает крепить могущество нашей родины не только честным патриотическим выполнением своих обязательств перед государством, не только борьбой за высокий урожай, но и борьбой за повышение культуры родного аула, борьбой за воспитание глубоко образованного молодого поколения, получившего все возможности для наиболее полного раскрытия своих творческих возможностей.

На примере этого колхозного аула видно, что вместе с былой нищетой навсегда уходит в прошлое страшное наследие байской эксплуатации — темнота и невежество кочевого аула. Все ярче и ярче горят огни социалистической культуры в преображенной казахской степи.

II

В день нашего приезда в Орталык мы были свидетелями небольшого, но радостного события: четыре колхозных семьи переселялись в этот день в новые, построенные для них колхозом дома. Два из этих деревянных, крытых железом домов были двухкомнатными пятистенниками, а два — крестовыми четырехкомнатными. Мы побывали в одном из таких домов на новосельи у колхозника Аю Кайдаулова.

Дом Аю Кайдаулова произвел отличное впечатление по своей наружной отделке. Но еще приятнее было в его светлых, уютных, со вкусом обставленных комнатах.

В одной из комнат мы увидели этажерку, плотно забитую книгами, и большой письменный стол.

— Это рабочее место моих учеников, а у меня их пятеро, — сказал Аю, смущенно улыбаясь и поглядывая при этом на старшую свою дочь Нуруш — студентку Алма-Атинского женского педагогического училища. В 1950 году Нуруш Кайдаулова заканчивает училище, и отец Нуруш уверен, что дочь его вернется работать в родной аул, в родную школу.

— Разумеется, папа, приеду работать в свою школу. Ведь я уже не раз говорила тебе об этом. Похоже, что

ты не веришь мне? — говорит с улыбкой Нуруш, отвечая на вопрос отца.

— Нет, я верю тебе, Нуруш. Я просто хотел, чтобы ты подтвердила это при наших гостях.

Помолчав, старик затем говорит, обращая внимание гостей на смущенного десятилетнего своего сына Егимбая:

— Он у меня в четвертый класс перешел. Учится на одних пятерках. Собирается быть инженером.

— Не инженером, а геологом, — строго поправляет отца Егимбай, и тут же охотно рассказывает о том, как зародилась у него мечта стать геологом.

— Однажды наш избач Аубакир Джакупов прочитал мне замечательный рассказ о геологе, — говорит Егимбай. — И с тех пор я очень полюбил людей, которые странствуют по степям и горам и отыскивают в земле разные драгоценные камни и металлы.

— А я буду обязательно летчиком, — перебив старшего брата, заявил второклассник Амангельды Кайдаулов.

И только младшая дочка Аю, ученица пятого класса Нурке, скромно опустив глаза, молчала, ни слова не обмолвившись о своей будущей профессии.

— Она у нас скромница. Но учится так же, как и братья, отлично, — сказал о меньшей дочке Аю.

Мы попросили Аю Кайдаулова рассказать о себе.

— О чем же рассказывать? Моя жизнь, как две капли воды, похожа на жизнь людей моего поколения, — сказал после некоторого раздумья Аю. — Я уже взрослым выучил азбуку в нашем колхозном ликбезе и научился писать. В колхозе мне поручили ответственное дело — животноводство. Хвалиться не стану, но работаю на совесть. За четыре года я вырастил больше семи тысяч голов овец, когда работал чабаном. А сейчас заведу всем животноводством. Государственный трехлетний план по развитию поголовья скота наш колхоз уже выполнил, а по лошадям, например, мы уже достигли перевыполнения на тридцать с лишним процентов. Управлять таким большим хозяйством не легко, конечно. Я понимаю, что человеком надо быть тут культурным и грамотным. И я стремлюсь к этому, в меру моих сил и возможностей. Спасибо старшей дочке, — говорит Аю, кивая в сторону Нуруш, — она мне во мно-

гом помогает. Раздобыла мне немало книг по ветеринарии и зоотехнике. Книги я эти изучаю. Бываю нередко в районе, слушаю там лекции. Ничего не поделаешь, если в молодости нашему брату было не до ученья, то теперь приходится наверстывать упущенное.

Допоздна затянулась задушевная наша беседа со старым животноводом в новом его опрятном и чистом доме. А когда вспыхнул яркий электрический свет, заливший еще более похорошевшие комнаты, в дверях появился шустрый и озорной Егимбай.

— Папа, вас там ждут в колхозной конторе. Собрание сейчас начинается. Просили не опаздывать,— протараторил скороговоркой Егимбай.

— Какое собрание? — удивленно спросил Аю.

— Как — какое? Разве ты забыл, что сегодня проводы наших студентов,— напомнила отцу Нуруш.

— Да, я, и в самом деле, запомнил. А на такое собрание опаздывать не годится,— сказал старик, поднявшись с несвойственной его возрасту легкостью из-за круглого низенького стола и пригласив нас навестить вместе с ним это не совсем обычное собрание.

III

Уже совсем смеркалось, когда у здания колхозной конторы остановилась вынырнувшая из переулка легковая автомашина. Все знали: приехал на традиционные проводы орталыкских студентов председатель Пресновского районного Совета депутатов трудящихся Хамид Бейсембаев.

И молодежь, завидев машину председателя, тотчас же повалила веселой шумной гурьбой от школы к колхозной конторе. Здесь уже были в сборе все члены правления сельхозартели, многие матери и отцы студентов, старейшие люди колхозного аула — почтенные седобородые аксакалы. Многие из них пришли прямо с поля, где только что погас горячий августовский день колхозной страды — жатвы и обмолота богатого урожая.

Престарелые люди, кому и не грех бы уже отдыхать в столь раннюю пору, собрались сюда, чтобы напутствовать собравшихся в дальний путь внуков и сыновей

своим житейским мудрым советом, теплым родительским словом.

И первое слово по праву предоставлено было председателем колхоза Куандыком Абдильдиным шестидесятилетнему звеньевому высоким урожаев Сагандыку Байбакову. С почтительным вниманием слушали юноши и девушки мудрые слова этого высокого, крепко сбитого, казалось, еще неподвластного старости аксакала. Тридцать два года подряд пробатрачил Сагандык Байбаков у баев и кулаков. Над неласковым огнем чужих очагов грел он в лютую стужу крепкие, железные свои руки. Шутка сказать, полжизни отдал этот степной богатырь каторжному труду на чужих людей, так и не заработав за три десятилетия ни коня, о котором мечтал с юных лет, как мечтал в прошлом каждый кочевник, ни собственной юрты!

— В пяти аулах, которые вошли потом в наш колхоз, грамотных в прежние времена был один мулла, — неторопливо рассказывает Сагандык Байбаков. — Он брался учить казахских детей читать и писать по-арабски. А плата была такой, какую ему вздумается взять, не считая «жумалыка» — недельника, когда каждую пятницу ученик должен был приносить мулле по серебряному рублю. Вот и скажите, дети мои, могли ли мы, ваши отцы и деды, даже подумать о грамоте в прежние времена?!

Помолчав от волнения, Сагандык присел на услужливо придвинутый ему стул. Но затем, тотчас же встав, он заключил свое слово скупым, простым и ясным напутствием отъезжающей в вузы и техникумы аульной молодежи:

— Счастливой дороги вам, дети! Я, старый человек, в одном могу позавидовать вам — вашей молодости. В золотое время живете вы. В золотую пору входите в жизнь. Перед вами много дорог — выбирайте умом и сердцем любую из них. Но не ошибайтесь только при выборе. Это теперь от вас зависит... Я на старости лет на свою теперешнюю судьбу не в обиде. Колхоз — не старый аул. У меня есть все: и собственный дом, в котором не стыдно принять любых гостей, и двор, полный скота, и сила вот в этих руках, которыми я могу и умею еще работать! — не без гордости заключил аксакал, и все с уважением посмотрели в это мгновение на его протя-

нутые к свету, бронзовые от векового загара, сильные руки.

Аксакал умолк.

И все тридцать пять юношей и девушек, бывших воспитанников колхозной семилетки Орталыка, разъезжающихся завтра в различные высшие и средние заведения страны, долго и горячо аплодировали старому мастеру колхозного земледелия, расстроганные и глубоко взволнованные его задушевым, рассудительным словом.

Председатель сельхозартели Куандык Абдильдин, сам окончивший в недавнем прошлом местную семилетку, напомнил участникам этого не совсем обычного собрания о том, какой немалый отряд новой сельской интеллигенции вырос из колхозников Орталыка за последние годы.

— Питомцы нашей Орталыкской школы, — сказал Куандык Абдильдин, — окончившие теперь специальные учебные заведения, работают врачами, учителями, агрономами и зоотехниками, трактористами и комбайнерами. Только в одном Пресновском районе работают сейчас тридцать пять учителей и девять агрономов, закончивших когда-то нашу Орталыкскую школу. А сколько молодых людей, вчерашних наших школьников, вернулось снова в родной наш колхоз к большому труду! Вот, например, Каирке Бельгибаев преподает сейчас в нашей школе биологию, Ильяс Жаков — казахский язык. Канапи Тасбулатов ведет четвертый класс. А бывший воспитанник нашей школы тов. Рамазанов теперь всеми уважаемый в Орталыке председатель сельского совета. Да мало ли тут можно назвать всем вам знакомых имен, бывших учеников нашей школы, работающих сейчас в нашей сельхозартели комбайнерами, трактористами, бригадирами!

Около ста колхозных юношей и девушек Орталыка, получив дипломы высших и средних педагогических учебных заведений, работают сейчас учителями в неполных средних и средних школах Северо-Казахстанской, Акмолинской, Кокчетавской и Кустанайской областей. Двадцать с лишним бывших колхозников Орталыка теперь агрономы. Восемь человек работают зоотехниками. Одиннадцать человек — водителями автотранспорта. Все десять учителей, получивших в 1949 году назначение в местную школу, — жители Орталыка: они воспитались и

выросли в этом колхозе. Здесь свои педагоги и ветеринары, агрономы и медицинские работники.

— Мы ни за трактористами, ни за комбайнерами к соседям не ездим,— говорит заместитель председателя сельхозартели Сеимбет Сембаев.

Прощаясь с аульной молодежью, уезжающей на учебу, председатель сельхозартели сказал:

— У меня вам, друзья, одно пожелание — учитесь на совесть. Ваше дело — радовать нас пятерками и дипломами, наше — попрежнему болеть душой за хозяйство артели. А хозяйство у нас, сами знаете, не малое. К концу послевоенной сталинской пятилетки мы планировали раздаться пошире — и раздались. И посев почти вдвое увеличили по сравнению с довоенным сороковым годом. И скота на фермах втрое прибавилось. И электростанцию нынче построили. И на травопольный севооборот перешли. И уже десять гектаров полезащитных лесных полос на колхозной земле посадили. Словом, не дремали мы и раньше, не будем дремать и впредь. Работать мы привыкли, как всегда, засучив рукава. Это вы знаете. Иначе ваши отцы и братья работать не умеют... И я даю вам слово, ребята, что мы вас не подведем. Не подведите же и вы нас там, в столичных университетах.

— Не подведем, не подведем, баскарма!

— Как учились на отлично, так будем учиться и впредь.

— Родного колхоза не посраим. У всех у нас будут только пятерки.

— И пятерки и дипломы с отличием! — прозвучало в ответ несколько молодых, звонких и сильных голосов взволнованных орталыкских студентов.

-- То-то, дорогие друзья... И потом, университеты — университетами, а про родную нашу колхозную академию вы там тоже не забывайте,— наставительно сказал, улыбаясь, председатель сельхозартели.

— Этого никогда не будет.

— Не беспокойтесь, баскарма!

— Разве мы не сыновья своего народа?! — вновь зазвучали в ответ голоса молодежи.

О постоянном общении и кровной связи студентов с родным колхозом и районом говорил в своем напутственном слове и председатель Пресновского районного Совета депутатов трудящихся Хамид Бейсембаев. Он рассказал

орталыкской молодежи, уезжающей в высшие и средние учебные заведения, о том, какую большую помощь оказывает советская интеллигенция районным советским и партийным организациям в идейном воспитании труженников колхозной земли. Сотни агитаторов и пропагандистов из числа учителей и съехавшихся со всех концов страны на летние каникулы студентов работало летом 1949 года в колхозах и совхозах Пресновского района.

— Прошу не забывать, товарищи, что наш район — один из крупнейших зерновых районов в республике, — напомнил председатель райсовета. — У нас в районе четыре машино-тракторных станции и три совхоза. В дореволюционное время на нынешней территории нашего района была всего-навсего девять начальных церковно-приходских школ, а сейчас — шестьдесят две неполных средних и две средних школы — русская и казахская. В этих школах работает около четырехсот учителей. Подавляющее большинство из них — коренные жители нашего района.

...Была уже глубокая ночь, когда отзвучали взволнованные прощальные речи и теплые напутственные слова на этом необычайном собрании. Но молодежь, высыпав из конторы на улицу, долго не расходилась. Примостившись на штабелях строительного леса кто и где как сумел, юноши и девушки вели душевный свой разговор на самые сокровенные темы. Им было о чем поговорить в такую минуту. Ведь у каждого из них была впереди большая жизнь, и каждому из них давала Родина великое право на образование. И о многом переговорили за эту ночь они — будущие врачи и филологи, агрономы и металлурги.

— Через два года закончу я сельскохозяйственный институт и обязательно вернусь в наш колхоз. Буду работать над всесторонним и полным освоением на практике научного наследия Вильямса, — сказал студент Алма-Атинского сельскохозяйственного института Ахмет Маликов.

— В будущем году в нашем колхозе запланировано строительство больницы. И я по окончании мединститута, конечно, приеду в Орталык. Только в Орталык, никуда больше, — заявила смуглолицая Салиха Нурсейтова.

— Ну, а я, как вы думаете, могу не вернуться на работу в родную школу? — спросила друзей Дариха Сек-

сенбаева. И тут же сама ответила: — Разумеется, не смогу не вернуться. Подумайте, какое счастье работать учительницей в той же самой школе, где ты когда-то впервые села за азбуку.

— Да, друзья. Это большое счастье. И счастье это в наших руках, — прозвучал взволнованный грудной голос Жасуыма Есмуратова, студента Свердловского горно-металлургического института.

Усевшись в тесный кружок на штабелях строительного леса, юноши и девушки долго проговорили в эту звездную, ароматную и теплую августовскую ночь. Но говорили не все. Многие сидели, не проронив ни слова. Приятно было и помолчать в этот глухой полуночный час. Приятно было полюбоваться родным небом в алмазах и его стремительно падающими в бездну мироздания голубыми звездами...

А утро выдалось, как по заказу, — яркое, теплое, тихое. В природе было столько покоя, тепла и света, что, несмотря на расставание с родными местами, у отъезжающих орталыкских студентов было необыкновенно тепло и светло на душе.

Букет неярких, запоздалых степных цветов был не только у студентки Алма-Атинского женского педагогического училища Дарихи Сексенбаевой. Такие же скромные полевые цветы с родных степей были в руках у многих девушек и в том числе — у присмирившей Жумаш Рамазановой, сидевшей к Дарихе боком.

Спустя несколько минут, две автомашины, битком набитые счастливой, сияющей молодежью, тронулись под напутственные возгласы провожающих колхозников в далекий путь. Все пришло в движение. Матери долго махали руками своим дочерям и сынам. Мальчишки сломя голову долго мчались вперегонки за грузовыми зисами, пока машины не скрылись из глаз, оставив на широкой степной дороге призрачно колеблющийся вдали шлейф пыли.

И только одни присмирившие ласточки попрежнему неподвижно сидели на проводах. Но скоро и им придется сниматься с насиженных мест и отправляться в близкую дорогу.

КЛАДОВЫЕ ДЖЕЗКАЗГАНА

I

Прямая, как стрела, железнодорожная линия уходит в великий степной простор. И наш поезд, ритмично гроыхая на рельсовых стыках колесами, с огромной скоростью мчится туда, в настужь распахнутый перед нами голубой простор. И мелькают в окнах вагона однообразные картины несложного пейзажа этой глухой степной стороны. Иногда мелькнет перед вами стайка быстрых сайгаков. Вспугнутые с лежбища гудком паровоза, легкие и грациозные козы мчатся в глубинную степь.

Я, не отрываясь, смотрю на покрытые скупой растительностью степные просторы. Я вижу сверкающую на солнце ленту реки Сары-су. Точно соревнуясь в стремительной скорости с нашим поездом, она, озорная и быстрая, мчится вдоль железнодорожного полотна. Но вот, наконец, сделав крутой вольт в сторону, река уходит на запад, постепенно теряясь и угасая в далекой, подернутой легким маревом знойной степи.

И снова эта похожая на библейскую пустыню степная равнина. И снова редкие, полуразрушенные купола древних мавзолеев. И снова надмогильные мазары былых кочевников. Это единственное, что изредка оживляет однообразный, утомляющий глаз пейзаж.

Но вот, наконец, показались в долине высокие, словно нарисованные синеватой тушью сопки. Не отрывая

глаз, я смотрю на гряду этих сопок и с удивлением замечая, что по мере приближения к ним они меняют свой прежний акварельный оттенок на иной, желтовато-золотистый цвет. Да и сама степь постепенно начинает менять свой облик. Она переходит из плоской равнины в небольшие холмистые перевалы, покрытые негустой и жесткой, равнодушной к влаге травой.

Когда поезд наш останавливается на одной из небольших затерявшихся в степи станций, я выхожу из вагона и вижу перед собой огромную сопку, поразительно похожую на гигантскую юрту, накрытую пожелтевшим от времени войлоком. Я иду к этой сопке и вскоре замечая на вершине ее неподвижную человеческую фигуру. Издали мне кажется эта фигура изваянием, искусно высеченным из белого мрамора. Однако, приблизившись к сопке вплотную, я убеждаюсь, что фигура эта не изваяние, а живое человеческое существо. Да, сомнений не было. На сопке сидел неподвижно глубоко задумавшийся о чем-то старик. И тогда я, охваченный острым, все возрастающим любопытством, поднимаюсь на вершину этой сопки и приветствую старика.

— Ассалаумагалайкум — приветствую вас, старина! — почтительно кланяясь старцу, говорю я и, в знак особого уважения к нему, пожимаю обеими своими руками его худую, морщинистую руку.

— Аликумассалам — здравствуй, джигит, — отвечает мне глуховатым голосом старец. Затем он долго и испытующе смотрит на меня своими необыкновенно зоркими для его возраста, пытливыми и пронизательными глазами.

А я, в свою очередь, не спускаю глаз с его живописно-древнего облика. Есть нечто величественное и прекрасное в образе такой чистой, здоровой и сильной старости, которая была воплощена в этом старике. И я невольно залюбовался его сверкающей на солнце серебряной бородой, густыми, дремуче-сомкнутыми бровями и его широким пробковым от загара лбом, густо испещренным глубокими морщинами.

По тому, как старик время от времени озирается по сторонам, зорко приглядываясь к окрестности, по тому, как он то и дело, весь внутренне напряженившись, чутко прислушивался к чему-то, я начал понимать, что старик здесь сидел неспроста. Было похоже, что он находился

на посту и, должно быть, нес караул, неподвижно восседая на вершине этой сопки.

Оглядевшись вокруг, я увидел, что внизу, чуть поодаль от сопки, лежал большой рабочий поселок. Отлично видны были отсюда прямые поселковые улицы и аккуратные, похожие один на другой беленькие домики. А дальше, на заднем плане поселка, перед моим взором раскрывалась грандиозная панорама индустриальной рудничной территории с ее шахтными эстакадами и густой сетью узкоколейных дорог. Гигантские хоботы экскаваторов, находясь в беспрестанном движении, поднимали с карьеров породу; и густое облако пыли клубилось над рудничной территорией. «Так вот он каков, Джекказган!» — подумалось мне. Но для того, чтобы завести разговор с молчаливым, пытливо озирающимся вокруг стариком, я тут же спросил его:

— Это что же — рудник, отец?

— Да, он самый, джигит.

— Джекказган?

— Да, Джекказган, джигит, — сухо и кратко ответил старик. Затем, немного помолчав и опять пытливо присмотревшись к окрестности, мой собеседник в свою очередь осведомился у меня:

— А разве ты не узнаешь нашего Джекказгана?

— Откуда же мне узнать его, отец, когда я вижу его впервые?!

— Ты впервые, джигит, а я здесь родился и вырос. Родился и вырос, но и то не узнаю теперь своего Джекказгана, — проговорил старик после некоторого молчания.

— Вот как? Значит, ты, отец, — старожил? Значит, ты мне можешь рассказать всю историю Джекказгана? — глубоко заинтересованный ответами старика, сказал я, усаживаясь рядом с моим собеседником на вершине сопки.

— Да, я могу рассказать всю историю, — опять немного помедлив, проговорил своим глухим, грудным голосом седобородый старец. — Да, я могу рассказать тебе, мой сын, про все, что пришлось мне увидеть на своем веку на этом месте. А видел я многое...

— Значит, ты помнишь, отец, и про хозяйничанье в этих местах англичан? — допрашивал я старика.

— Англичан? — переспросил старик, оживляясь. —

Ну а как же не помнить? Помню и англичан. Я помню самого высокого, надменного и гордого господина. Его звали Нобель. Сорок лет тому назад он приехал сюда в сопровождении своих подручных. Я помню белый шатер этих господ, раскинутый ими на месте вот этого самого рабочего поселка. В те времена это было глухое, необжитое место. Только стаи степных сайгаков резвились вокруг да кружились над степью хищные птицы. А теперь ты видишь, мой сын, что здесь творится! — взволнованно проговорил старик, жестом указывая мне на окрестности рудника и поселка.

Затем при этих словах мой собеседник снова умолк. Он долго молчал, заглядевшись куда-то вдаль своими слегка прищуренными и проницательными глазами степного человека. Но я, уже сгорая от нетерпения и любопытства, начал упрашивать его рассказать мне все, что он помнил, видел и знал из истории Джекказгана.

Старик долго отмалчивался. По его напряженным морщинам на лбу, по всему его сосредоточенному на мысли облику было видно, что он пытается вспомнить нечто интересное и значительное. И вот, наконец, видимо припомнив то, о чем ему хотелось мне рассказать, он откашлялся и повел глуховатым, похожим на звук кобзы, гортанным голосом повесть о прошлом Джекказгана.

Я сидел бок-о-бок с моим собеседником и, не переводя дыхания, прислушивался к его спокойному, мелодичному голосу. И вставала в моем воображении та глухая великая пустынная степь Центрального Казахстана, что лежала полвека тому назад в окружении этих угрюмых сопот. Я слушал рассказ моего собеседника, я видел перед собой его древний, как эта степь, облик, и мое воображение рисовало в эти мгновения образ гордого и сухого, высокомерного и скучного англичанина по имени Нобель. Временами мне даже казалось, что я ощущал стальной, холодный блеск его равнодушных остекляенных глаз и характерный для англичанина булькающий говор. Я слушал скорбную повесть моего престарелого собеседника, и воскресало передо мной горькое прошлое моего народа, много испытавшего и много пережившего за недолгие годы владычества в этих местах этого чужестранца.

Не отрывая своих глаз от библейского облика старика, я жадно всматривался в его черты и чутко прислуши-

вался к его увлекательному рассказу — живой историй Джебказгана.

А когда после длительной нашей беседы я, простившись со стариком, остался наедине со своим раздумьем, мне захотелось, творчески осмыслив повесть моего собеседника, донести один из ее эпизодов до моего читателя своими красками и своими словами.

II

...Над степью бушует злая пурга. С чудовищным воем кружится метель над потонувшей в снежном дыму безбрежной равниной. Увязли в сугробах обветшалые, закопченные юрты, бесприютно прижавшиеся к одной из сопок.

Несмотря на эту небывалую пургу, мороз с каждым часом становится все ожесточеннее, все свирепее. Двое джигитов, обхватив голыми руками железный тросс, через силу тянут кверху из скважины огромную, наполненную рудой деревянную бадью.

— Руки околели. Не могу больше работать без рукавиц, — жалуется слабым голосом один из джигитов. Ему, как и другому его товарищу, трудно дышать на морозе и трудно говорить. Едва шевеля застывшими губами, он пытается еще сказать что-то. Но морозный воздух перехватывает его дыхание, и джигит только безнадежно машет рукой.

Но вот бадья показывается из скважины, и джигиты, выгрузив руду, решают, наконец, бросить эту непосильную в такую погоду работу.

— Сколько мы подняли сегодня бадей? — спрашивает один рослый джигит другого.

— По моим подсчетам — восемьдесят пять.

— Тогда пора и в аул. Ты видишь, что делается вокруг? Метель все усиливается, и замешкайся мы — не добраться нам до аула.

И вот трое джигитов, один из которых только что выкарабкался на поверхность со дна скважины, по-детски взявшись за руки, направляются в сторону невидимого отсюда аула. Они идут наугад, ориентируясь в этой свистящей и воющей вьюжной полумгле только с помощью чутья. Они идут против свирепеющего с каждой секундой встречного ветра. Пурга с бешеным воем кру-

жится вокруг них, и люди, ослепленные и оглушенные ею, вскоре теряют всякую ориентировку. Они уже не двигаются вперед. Им это только кажется, что они идут. Но на самом деле они кружатся на одном и том же месте. Они кружатся, потеряв всякое представление о направлении, о времени, о пространстве. Ни один из них уже не знает, в какой стороне их аул и далеко ли осталось идти до ближайшей юрты.

— Эх, какой только черт дернул нас сегодня идти на эту работу! — с горечью восклицает один из джигитов.

— А что было делать? Не с голоду же нам подыхать? Хочешь не хочешь — иди и работай, — зло замечает другой.

— А какая разница, умереть ли с голоду в юрте или подохнуть на шахте у Нобеля? Как хотите, у меня нет сил двигаться дальше... — задыхаясь от гнева, от пурги и обиды, говорит слабым голосом один из одетых в жалкие лохмотья джигитов и при этих словах покорно опускается в глубокий снег.

— Что ты, что ты! Нельзя оставаться... Пойдем! — испуганно схватив его за руки, бормочет рослый и, повидимому, самый выносливый и сильный из них, джигит Кошекпай.

— Оставь меня, Кошекпай. Оставь... Дальше двигаться я не могу. Я хочу спать. Я засыпаю. Я засыпаю... — чуть слышно, точно в бреду, бормочет и в самом деле, как полусонный уже, джигит, не желая подниматься из глубокого снега.

— Да оставь нас здесь, Кошекпай. Дальше идти мы не в силах. Мы зароемся в этот сугроб и переждем здесь метель. А ты же сильнее нас. Ты можешь добраться, в конце концов, до аула, — уговаривает Кошекпая таким же полусонным голосом замёрзающего человека и другой джигит.

— Ой-бой! Что вы, что вы, дорогие друзья! Да разве можно остаться в такую погоду в степи! Ведь вы останетесь на верную гибель! Давайте как-нибудь добираться все вместе, — пробует уговорить своих ослабевших товарищей Кошекпай.

Однако оба его друга никак уже не реагируют на все настойчивые просьбы Кошекпая. Не действуют ни угрозы, ни протесты, ни уговоры. Сиротливо прижавшись друг к другу и кутаясь в жалкие свои рубища, они си-

дят в снегу, и метель начинает уже мало-помалу засыпать их.

Тогда Кошекпаю становится ясно, что все его попытки образумить выбившихся из сил джигитов ни к чему не приведут и что не в их уже воле подняться теперь и тронуться с места. И вот Кошекпай принимает решение: оставить товарищей, захоронив их в снежной пещере. По рассказам, по опыту многих бывалых степных людей, Кошекпай знал, что такая мера иногда спасала застигнутых пургою людей от верной, казалось, гибели.

Раздумывать было некогда. И Кошекпай проворным и быстрым движением привычных к работе рук, вырыв в сугробе глубокую нишу, усадил в нее ослабевших товарищей.

— Ну что ж, ничего не поделаешь, оставайтесь! А я попробую все же добраться до аула и затем выручить вас,— взволнованно проговорил Кошекпай на прощанье своим заживо замурованным в снежную пещеру джигитам.

И вот, как ни было горько ему покидать близких друзей среди открытой степи в такую пору, Кошекпай все же оставил их и упрямо зашагал навстречу беснующемуся урагану. Здоровый еще, молодой, большой и сильный, он шел против ветра. Он шагал, временами по пояс утопая в снегу, упрямо склонив свою разгоряченную тревожными мыслями голову. Его едва прикрытое лохмотьями тело горело от стужи. В ушах стоял непрерывный шум. Иногда ему казалось, что где-то поодаль гроыхали пушечные залпы и бил большой колокол, удары которого были знакомы Кошекпаю с детства, когда он батрачил в соседнем русском селении. Он шел сквозь ночь, сквозь снег, сквозь пургу, без дороги, без ориентиров. Он шел, руководствуясь только одним своим внутренним наитием, и он был почему-то уверен, что идет именно туда, куда нужно.

«Неужели я пропаду, сгину в этой снежной сумятице? Неужели так бесславно закончится моя недолгая двадцатипятилетняя жизнь? Ах, скупа же была для меня эта жизнь на счастье, на радости, на удачу! Нет, не баловала она меня ни теплом, ни достатком, ни покоем. Неужели же так и не суждено мне увидеть ничего хорошего в этой жизни, кроме злобной морды англичанина? Неужели же я был рожден для того, чтобы голодать, холодать и

изнемогать на работе в угоду этому чужестранному господину?! — так или приблизительно так рассуждал тогда Кошекпай, продолжая тем временем с каким-то озлобленным упрямством и нечеловеческой настойчивостью продвигаться по колено в снегу по степи, обьятой метелью.

Временами он впадал в состояние мгновенного забытья. И тогда окрестный мир угасал в его воображении, и Кошекпай уже не слышал ни воя пурги и не ощущал обжигающего лицо озноба. Однако природная сильная воля помогала ему тотчас же брать себя в руки и отстраняться от этого забытья, грозящего в такую пору каждому путнику неминуемой гибелью.

И вот в ту минуту, когда силы Кошекпая, казалось, уже окончательно начали покидать его и он стал все чаще и чаще впадать в состояние предательского забытья и покоя, — в эту самую минуту его уха коснулся какой-то необычайно резкий, отчего-то встревоживший его душу звук. Тогда, весь внутренне встрепенувшись от этого звука, Кошекпай прислушался, но понять ничего не мог. Однако он чувствовал, что это был звук человеческой речи, похожий на призыв, на оклик.

Может быть, это кричали в ауле его товарищей? Однако Кошекпай вдруг оторопел от мысли о том, что это долетели до него последние, предсмертные крики о помощи покинутых им в степи джигитов.

И Кошекпай, собрав последние силы, снова все с тем же злобным упрямством стал продвигаться вперед. Но не сделал он, казалось, и пяти шагов, как уха его коснулся вновь возникший откуда-то, но теперь уже явно человеческий оклик.

— Эй-эй-эй!

И Кошекпай, весь уйдя в напряженное внимание, вновь прислушался. Окрик вновь повторился. Он был глухим и протяжным, точно идущим откуда-то из подземелья. Чей-то высокий гортанный голос зывал к кому-то, звал и кликал кого-то к себе. Теперь он звучал, этот голос, где-то совсем вот тут, по соседству, рядом. Тем не менее Кошекпай, растерянно кружась на месте, никак не мог наткнуться на этого незримого, казалось, совсем рядом кричащего человека.

Вдруг нога Кошекпая, поскользнувшись, провалилась в какое-то глубокое отверстие, и тогда на Кошекпая пахнуло запахом теплого жилища — непередаваемо волную-

щим запахом горького кизячного дымка, запахом костра, очага, жилища. И Кошекпаю все стало ясным. Он понимал, что находился теперь на макушке замурованной в снежный сугроб юрты и провалился одной ногой в шанырак — верхний ее дымоход.

А спустя несколько минут старый отец Кошекпая Отарбай уже хлопотал около растянувшегося внутри юрты на войлоке едва не погибшего в степи сына. Старик, собрав всю имевшуюся в юрте одежду — от куска белой кошмы до поношенного домотканного халата на цветной подкладке — старательно укрыл всем этим немудрым тряпьем и платьем продрогшего до костей сына.

— О Аллах! — восклицал, захлебываясь слезами, Отарбай. — О Аллах, как я благодарен тебе за спасение сына!

— Спасибо тебе, отец, — говорил слабым голосом приходивший в себя Кошекпай. — Это хорошо, что я услышал твой оклик. Не позови ты меня, не оклики — я бы погиб.

Между тем в юрте скоро забушевал веселый, озорной и еркий костер из сухого степного кустарника — тобылги и баялыша. Огонь, обогрев это неприветливое с виду бедное жилище кочевника, украсил его, наполнил теплом и покоем. И от этого благодатного тепла, наполнившего юрту, очнулся даже и престарелый дед Кошекпая. Это был совсем глубокий старик, с испытанным лицом, обрамленным слегка пожелтевшей от старости седой бородой. Долгие годы необычайно тяжелого, изнурительного труда на примитивном медеплавильном Дебейском заводе наложили резкий отпечаток на весь его внешний облик и на всю фигуру. Обрадованный весело запыхавшим в юрте костром и взволнованный вестью о благополучном возвращении внука Кошекпая, дед спросил Отарбая:

— Хорошо ли ты его укутал, Отарбай? Тепло ли ему? Не ознобился ли он в такую непогоду?

— Нет, слава Аллаху. Кошекпай вернулся домой невредимым, — успокоил своего престарелого отца Отарбай.

— Ну, то-то же... — назидательным тоном проговорил дед. — Уж кто там, кто, а я-то на своем веку испытал горькую участь рабочего человека. Когда мы работали на Дебейском медеплавильном заводе, мы, бывало, поднимались из рудника в морозы, лютую стужу до нитки промокшими. А пока ты бежишь, не помня себя, от заво-

да в аулу, весь твой жалкий чапан превратится в ледяную корку. Было и хуже. Нередко многие из нас ходили в ту пору на работу на зиму глядя без шапок и босиком. Как сейчас помню, бывало, везешь на верблюдах добытую ломом руду и застигает тебя между Джезказганом и Дебейским заводом буран. Куда ты тут денешься? Одно спасенье — лечь в снежную берлогу. Схоронишься заживо в снежном сумете и отсиживаешься целые сутки. А бывало, что и за двое суток не выберешься... Да, многое я испытал на своем веку, много горя принял. А теперь вот, на старости лет, вижу, что и внуку моему суждена такая же участь. Ох-хо-хо! Дождется ли наш народ когда-нибудь светлого дня? Придет ли когда-нибудь, хоть для наших правнуков, другое, счастливое время? — с непередаваемой горечью в голосе спрашивал кого-то старик.

Но ему никто ничего не ответил. Только глухой и надсадный шум беснующейся за юртой пурги продолжал звучать и терзать своей скорбной музыкой стариковскую душу.

И один Кошекпай, услышав голос старого деда, чуть слышно спросил отца:

— Как ты думаешь, не погибнут мои товарищи, укрывшиеся под снежным сугробом? Я слышу, что дед говорит, будто с ним не раз в его молодости такая беда бывала?

— Да, с ним случалось такое. Дед твой многое пережил, — ответил Отарбай сыну. — А о судьбе джигитов не беспокойся. Утихнет буран, и мы отправимся на розыски их всем аулом.

И Кошекпай, согретый вниманием родителя и костром родимого очага, внутренне просветлел. Его железное здоровье и молодость позволяли ему пока выдерживать самые тяжчайшие испытания, какими без числа и без меры награждала его не очень ласковая к нему судьба, судьба бесправного и обездоленного рабочего на примитивном руднике английского концессионера. Вот и теперь — огонь родительского очага и пиала с немудрой горячей похлебкой тотчас же вернули Кошекпаю присущее его характеру жизнерадостное настроение. Заметно повеселев и окрепнув, он уже сидел спустя несколько минут на войлоке вблизи пылавшего костра и хлебал с явным наслаждением горячее варево, утоляя голод утомленного трудом и борьбою с метелью здорового и сильного человека.

А повеселевшие, в свою очередь, старики с любовью и надеждой смотрели теперь на своего единственного кормильца, чудом уцелевшего после блужданий среди степи, объятай метелью.

III

Выслушав рассказ моего старого собеседника, я с изумлением посмотрел на его обрамленное серебрящейся сединой лицо. И мне трудно было поверить, что передо мной сейчас сидел тот самый Кошекпай, из уст которого я только что слушал скорбную повесть о его юности.

Между тем, закончив повествование о невеселой своей молодости и о прошлом Джекказгана, старик, совсем по-юношески, лукаво подмигнул мне и сказал, показывая рукой на работавшие внизу экскаваторы:

— Посмотри, джигит, как ловко работают эти машины! А кто их выдумал, это ты знаешь?

— Знаю. Умные люди.

— Нет. Ты не совсем точно ответил, — горячо возразил мне старик. — Их выдумала наша советская власть. Вот как надо было тебе ответить.

Присмотревшись к окрестности, я заметил вблизи нашей сопки множество глубоких траншей, в каждой из которых торчали какие-то железные балки, крепко зацементированные у основания. А по соседству с траншеями там и сям виднелись заросшие степной травой, жесткой травой, какпе-то впадины, углубления, балки и ямы.

— Что это такое, отец? — спросил я старика, указывая на окрестные траншеи.

— Следы древних разработок руды, — ответил старик тоном знающего человека. — Ведь наши деды и прадеды добывали здесь в старину своим способом медь. Слово «джез» — медь — давным-давно знакомо было нашим прадедам. Недаром же и рудник теперь называется Джезказганом.

— А что значат эти железные шесты, зацементированные в траншеях? — снова обратился я с вопросом к всезнающему собеседнику.

— А это следы новых разведок. Здесь нашли наши советские инженеры богатые залежи меди и поставили эти самые знаки. Там, внизу, глубоко под землей, хра-

нятся богатые клады медной руды. Их открыл Каныш Сатпаев. А если тебе угодно полюбоваться ими — спустись в подземелье, — посоветовал мне мудрый старик и в знак окончания нашей беседы протянул мне свою худую, морщинистую руку.

И вот, крепко пожав с чувством глубокой благодарности руку моего собеседника, я распрощался с ним и, спустившись с сопки, направился на рудник.

IV

В сопровождении молодого казахского инженера Анвара я, сев в железную клеть, спустился, точно в лифте, по стволу шахты в кладовую подземных сокровищ. Когда мы с моим новым спутником оказались на так называемом третьем подземном горизонте, Анвар сказал мне:

— Вот мы и достигли с вами кладовой величайших подземных сокровищ Джезказгана, открытых в свое время Канышем Сатпаевым. Здесь, под сопками Джезказгана, таятся громаднейшие запасы меденосных руд. Обратите внимание на кровлю горизонта, — проговорил инженер, жестом указывая мне на крышу.

И я, взглянув вверх, увидел, как оттуда скатываются по деревянным желобам комья руды в бункера стоявших внизу вагонеток.

Но вот длиннейший состав вагонеток, доверху наполненных рудой, трогается с места и стремительно уходит по штреку с драгоценным грузом по направлению к рудничному двору.

За первым, только что исчезнувшим вдали составом вагонеток, к деревянным желобам, по которым с грохотом скатывается из кровли второго горизонта руда, подкатывает новый состав узкоколейного поезда. И я вижу, что электровозом управляет молодая, миловидная казашка. Уже с первого взгляда видно, что девушка отлично владеет своей профессией. Это чувствуешь, глядя на нее, по ее решительным, расчетливым и точным движениям, по тому, как она легко, непринужденно и просто управляет доверенной ей машиной.

В эти часы напряженного труда рудокопов ты, с непривычки оглушенный грохотом падающей по желобам руды, стремительным и юрким движением вагонеток, бес-

прерывной суетней снующих туда и сюда людей, на первых порах теряешься и не сразу можешь разобраться в сложном комплексе всех этих строго рассчитанных здесь трудовых процессов. Но постепенно ты привыкаешь к этому, показавшемуся тебе сначала как будто беспорядочным и суетливым, движению людей и машин и мало-помалу начинаешь вникать в строгий смысл всех этих трудовых процессов и ощущать тот единый ритм, которому подчинена сложная работа рудодобычи.

Руда добывается так. В скважины, пробуренные в забое, закладывается взрывчатое вещество и затем производится отпалка. Но самый трудный процесс — бурение. Руду бурят победитовым буром. Однако сейчас уже применяются на Джекказгане перфораторы-автоподатчики, при помощи которых значительно облегчается труд бурильщика и увеличивается производительность труда. Металлическая штанга с пневматическим устройством распирается между кровлей и почвой. Затем к этой штанге прикрепляется перфоратор, который во время работы подается особым механизмом вперед. Тогда бурильщику остается лишь внимательно следить за работой механизмов и только своевременно менять буры.

Наблюдая за сложным трудовым процессом, я попытался, было, заговорить с одним из бурильщиков. Но он, отмахнувшись от моих вопросов, ответил:

— Сейчас не до разговоров, товарищ. Вот поднимемся на-гора, тогда и поговорим. Там мы к вашим услугам.

И мне ничего не оставалось делать больше, как, смущенно отойдя в сторону, только наблюдать за этой удивительно четкой, напряженной и трудоемкой работой людей.

Инженер Анвар знакомит меня с прославленными стахановцами рудника, знаменитыми здесь бурщиками Балмуканом и Арыстанбековым и двумя заведующими шахтами—Искаком и Зейнуллой. Позднее, встретившись с этими замечательными людьми Джекказгана в часы их отдыха, мы долго беседовали с ними по душам. Разговаривая с ними, мне хотелось знать, в чем же, в конце концов, скрывался секрет их необычайных, достойных изумления производственных успехов. Надо сказать, что все эти люди выглядели очень скромными, мало разговорчивыми, а иные — даже и застенчивыми. Их внешность ничем не напоминала о их самоотверженном труде.

— Расскажите, пожалуйста,— обратился я к Зейнулле, — как вы сумели поставить рекорд по добыче руды в вашей шахте?

— Ну как вам сказать... — смущенно улыбаясь, запинаясь Зейнулла. — Все это было довольно просто. Многие специалисты, например, утверждали, что самое большое количество руды можно добыть при таком условии, если расстояние между буровыми скважинами — шпурами — будет равняться 150 сантиметрам, а плоскость уступа не будет превышать метра. Но я однажды, задумавшись над этим расчетом, понял, что он маловат. Дай, думаю, рискну — увеличу на свой страх и риск расстояние между шпурами до 180 сантиметров, а плоскость уступа доведу до полутора метров. И расчеты мои оказались не напрасными. Перестроив таким образом систему бурения, я добыл за смену двести пятьдесят две тонны руды. А это и было рекордом.

Второй из знатных бурильщиков Джекказгана — еще менее словоохотлив, чем его прославленный друг Зейнулла. На все мои вопросы о том, каким образом ему удается выполнять за смену двойные и тройные нормы, Балмукан отвечает:

— Работаю — не зеваю. Каждый день я стараюсь работать лучше, чем работал вчера. Я сам додумался до метода глубоких шпуров. Чем глубже шпур, тем выше процент производительности.

Я смотрю на этих двух прославленных стахановцев рудника и думаю о том, как эти простые советские люди облагорожены стремлением к глубокому освоению техники. Они хотят выжать из этой техники все, что только возможно. А ведь таких людей, как Зейнулла и Балмукан, в Джекказгане сотни.

Из третьего горизонта я поднимаюсь во второй. Здесь происходит добыча руды. Огромные столбы, так называемые целики, невыбранной руды поддерживают кровлю, и мы с Анваром бродим по этому подземному дворцу, огибая гигантские его колонны.

— Как бы техника стремительно ни двигалась вперед, она все же остается позади вечно прогрессирующей творческой мысли человека, — говорит мне Анвар. — Ведь всего несколько десятков лет тому назад рудокопы не знали иной техники, кроме кирки и лопаты. А теперь блеск технической мысли наших советских людей с каж-

лым днем все больше и больше облегчает нелегкий труд наших шахтеров. Обратите внимание на Балмукана, — сказал мне Анвар, показывая на стоящего на одной из ступенек рудной скалы рудокопа.

И я невольно залюбовался Балмуканом. Спокойный, уверенный в себе, он стоял высоко над нами на крошечном выступе скалы. Достаточно было одного его неосторожного, неосмотрительного движения, и он мог сорваться. Но по всему было видно, что Балмукан не испытывал чувства страха. Он целиком был поглощен в эту минуту своим трудом. Над ним ярко горит карбидовая лампочка, освещая монолитные своды выработки. Балмукан, тяжело поддерживая всем корпусом перфоратор, давит им на породу. И мы видим, как длинный бур уходит все глубже и глубже в тело рудного массива, а широкая сильная спина знатного рудокопа слегка подрагивает от детонирующего в руках бура.

Я хотел, было, заговорить с Балмуканом, но Анвар остановил меня.

— Не пытайтесь, сейчас он не будет разговаривать с вами, — сказал Анвар. — Я могу за него вам ответить. Что вас интересует?

— Нормы выработки за смену этого рудокопа, — сказал я, подразумевая Балмукана.

— За последнее время Балмукан довел ежедневную норму выработки до пяти с лишним тысяч процентов, — лаконично ответил мне Анвар.

Затем Анвар, познакомив меня с подошедшим к нам тоже молодым казахским инженером Амирханом, оставляет нас наедине и, извинившись передо мной, уходит в глубь штрека. Из беглого разговора я узнаю, что Амирхан руководит несколькими шахтами, что он большую часть суток проводит здесь, под землей. Это широко, всесторонне образованный человек. Он не только превосходно знает технологию производства, но в разговоре со мной обнаруживает блестящие познания в области современной казахской литературы. Он очень тонко, умно и остро критикует современных казахских писателей. Но в его критике чувствуется огромная любовь этого человека к искусству и большая радость за успехи и глубокая горечь за срывы, падения и неудачи отдельных писателей.

Увлеченный беседой с новым моим знакомым, я не

замечаю, как мы, минуя шурек, выходим на просторный рудничный двор. И я поражаюсь здесь красотой и неповторимым великолепием ярких красок стен этого подземелья, освещенных электрическими лампочками. Колоннады гигантских целиков, упирающихся в кровлю, горят здесь целой гаммой цветов. Удивительно затейливые узоры золотистого, голубого, желтого и палевого цветов украшают столбы породы. И все это придает подземелью какой-то волшебный, сказочный вид, точно мы очутились в самом роскошном дворце подземного царства — этого богатейшего в мире месторождения медной руды.

Когда мы с Амирханом, покинув шахту, поднимаемся на-гора, у эстакады нас встречает заведующий шахтой Искак. Он стоит, самодовольно улыбающийся, явно возбужденный чем-то, веселый, и крутит свои большие выхолонные усы.

— По твоим усам вижу, что дела у тебя на шахте нынче не плохие, — говорит с улыбкой ему Амирхан. — Наверное, ты выполнил сегодня норму добычи.

— Не выполнил, а перевыполнил на 120 процентов, — отвечает Искак.

— Поздравляю, поздравляю, дорогой товарищ завшахтой, с таким успехом, — говорит Амирхан, горячо пожимая Искаку руку.

А затем, когда мы, познакомившись ближе с Искаком, разговорились все на ту же, глубоко волнующую всех нас производственную тему, он мне сказал:

— Кадры, кадры — вот что сейчас дорого для нас. В моей шахте сейчас работает восемнадцать молодых казахских лебедчиков. В течение восьми месяцев мы обучили свыше полутора тысяч казахских молодых людей сложной и трудоемкой профессии рудокопов. Должен вам сказать, что ни на одном руднике в Казахстане вы не найдете столько казахских инженеров и техников по цветной металлургии, сколько имеется их у нас в Джемказгане. Но, несмотря на все это, нам нехватает квалифицированных людей. Сами подумайте: сейчас у нас работает шестнадцать шахт. Вот почему мы испытываем большую нужду в квалифицированных кадрах. Но мы знаем, что кадры будут. Ведь партия и правительство не забывают о нашем Большом Джемказгане! — с гордостью заключил Искак, жестом указывая мне на величественную индустриальную панораму знаменитого рудника.

Едва мы сели в плетеный кузов легкой рессорной тележки, как сытые, резвые кони вихрем помчали нас по степной дороге.

Я вижу одетый в строительные леса громадный корпус нового городского клуба, строительство которого заканчивается в Дзезказгане в этом году. Мы едем по рабочему поселку. И то тут, то там среди неуклюжих хибарок выступают новые корпуса жилых домов с их красивыми и внушительными фасадами, с затейливыми пилястрами, придающими этим домам нарядный, веселый, гостеприимный вид. На фоне внушительной индустриальной панорамы рудника встают строгие очертания нового, вырастающего из лесов социалистического города. Рядом с двухэтажными домами железнодорожного поселка вырастают кварталы города Дзезказгана. Они встают вдоль красиво и четко распланированных улиц — кварталы металлургов и рудокопов Дзезказгана, оборудованные водопроводом и центральным отоплением.

И с необычайным волнением слушаешь здесь в тихий предвечерний час летнего вечера звуки радио.

Я слушаю голос диктора, и в моем воображении встают прямые, залитые асфальтом, купающиеся в электрическом свете улицы этого города. Я слышу шум его роскошных зеленых парков и мирное журчание его многочисленных фонтанов, которыми украсятся скверы и парки, площади и сады.

Мечтая о будущем этого города, я вхожу, незаметно для себя, в реальный, ныне уже существующий городской парк. Стаи здоровых, веселых, загорелых детей резвятся под тенью деревьев. В летнем театре, недавно построенном в центре этого парка, звучит духовой оркестр. Войдя в этот театр, я долго смотрю на веселящуюся в нем молодежь. В одном из зал танцуют, в другом — идут репетиции драматического кружка, в третьем собрались любители хорового пения. Городской сад — это пока единственное место отдыха в Дзезказгане.

VI

Войдя в одно из самых больших городских зданий, я обнаружил здесь громадное собрание рудных коллекций. Здесь же о каждой из этих коллекций можно было

прочитать увлекательную и яркую, глубоко волнующую книгу. И вот я, раскрыв одну из этих книг, читаю:

«Еще в XVIII веке барон фон Трумберг проведаль о Джебзгазганском месторождении меди. Но местные кочевники — казахи уже задолго до фон Трумберга умели, оказывается, добывать здесь драгоценную медь. Еще в 1771 году один русский солдат-лазутчик обнаружил в Карсакпайском урочище богатое медное месторождение. Однако царское правительство не осмелилось построить в этой безлюдной и безводной степи медеплавильный завод. Во второй половине XIX века русский купец Ушаков покупает за 100 рублей у местного казахского бия нынешнюю территорию Джебзказгана. Купец Ушаков не собирался здесь добывать медь. Верный своим профессиональным привычкам, он просто хотел подзаработать на Джебзказгане путем перепродажи его за хорошую цену в другие руки. И Ушаков перепродает Джебзказган другому дельцу — Резанову. А Резанов, спустя некоторое время, сбывает за 260 рублей золотом Джебзказган англичанам. Анличане потирали от удовольствия руки. Им была выгодна эта сделка. Руда была у них под ногами. Бери ее голыми руками, наживайся и богатей! Но за двенадцать лет хозяйничанья в Джебзказгане эти иностранные концессионеры успели прорубить всего-навсего 15 тысяч метров и извлекли из богатейшего месторождения всего около 60 тысяч тонн меди. Нажиться на богатейшей руде помещала англичанам Великая Октябрьская революция. Джебзказган перешел тогда в руки советского трудового народа, а британским хищникам пришлось поспешно убираться во-свояси.

Между тем наши советские люди только за годы первой сталинской пятилетки прорубили здесь около 50 тысяч метров и построили несколько превосходно оснащенных новейшей техникой шахт. Сейчас Джебзказган оспаривает мировое первенство по запасам меди».

Пока я читал эти строки, в моем воображении встал образ человека. И человек этот был Каныш Имантаевич Сатпаев.

Рядом со мной сидел скромный инженер-геолог Сагис Сайфуллин. Это был один из пионеров Советского Джебзказгана, отдавший немало своего вдохновенного, творческого труда изыскательским работам в этих степях. Он охотно и обстоятельно, с большой любовью и замет-

ным волнением говорит в эту минуту о Қаныше Сатпаеве.

— Да, это большой человек! — говорит Сагит Сайфуллин. — Заслуга его не только в том, что он открыл эти одни из величайших в мире месторождений меди.

Я слушал Сагита Сайфуллина и смотрел, не отрывая глаз, на этого необычайно скромного человека; и передо мной раскрывалась вся его богато одаренная натура талантливого советского инженера, геолога, следопыта, одного из тех достойных сынов казахского народа, которые открыли для нашей Родины тайны великих сокровищниц Большого Джекказгана.

СОДЕРЖАНИЕ

	стр.
От автора	4
Дорога победителей	5
Северное сияние	12
Железная алгебра	24
Мухтар Каптагаев	82
Золотое зерно	97
Запечатленный труд	157
Пути-дороги	165
Кладовые Джекказгана. Перевод с казахского очерка Г. Мустафина	178

Редактор К. М е л е ш к о.
Тех. редактор В. Г и р и ч е в.
Художник К. Б а р а н о в.
Корректор Э. Ж а р м у х а м е д о в а.

Сдано в набор 5-V-50. Подписано к печати 5-IX-1950 г. УГОДГЛ. Изд. № 61
Объем 12,25 п. л. Уч. изд. 11.429 л. Ф. б. 84x108 1/16. Тираж 15000 экз.
Цена 10 руб.

г. Алма-Ата. Полиграфкомбинат Казполиграфиздата при Совете Министров
КазССР. Зак. № 848.